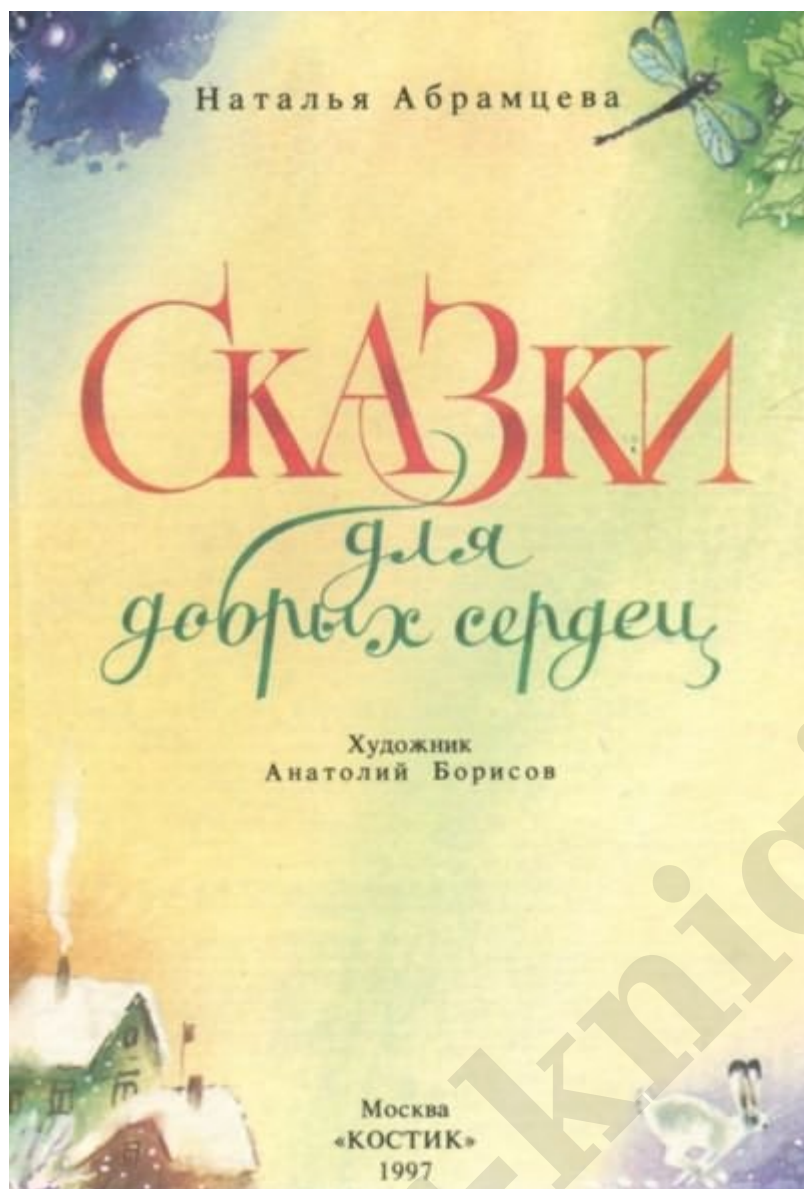

"Сказки для добрых сердец"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Наталья Абрамцева

Сказки для добрых сердец

Об авторе

Это уже седьмая книга молодой писательницы.

Я сам сказочник, сам фантазер, автор повести «Баранкин, будь человеком!» и знаю, что за трудная профессия — быть сказочником.

Недаром писателей несказочников много, а сказочников — мало. В сказке писатель, как Бог, начинает на пустом месте. В сказке никогда ничего готового нет и быть не может. В сказке ты должен все придумать сам, начиная от сказочного пейзажа, сказочной обстановки и сказочного сюжета. Кроме того, в сказке автора подстерегает то, что я назвал бы всевозможностью происходящего, то есть, казалось бы, в сказке может происходить все, что тебе взбредет в голову. Но, увы, это совсем не так.

В сказке — свой реализм (пусть сказочный!) и очень строгие правила игры (пусть тоже сказочные!). И вот со всем этим писатель Наталья Абрамцева легко справляется.

В ее сказках живет скрытая мечта о глубоком братстве всего со всем, где люди, звери, природа, живая и неживая, говорят на одном общем языке. Ощущение нерушимой цельности мира, пожалуй, главное в творчестве писателя.

«— Кем вы были в молодости? — спрашивает в одной из сказок птица-синица у старого пня.

— Пальмой! — отвечает тот, устыдившись своего «скромного» прошлого. Это же не так, — возмущается обнаружившая обман синица. — Вы были кленом, обыкновенным кленом! Но разве это плохо — быть кленом в родном лесу?»

Интересны и неожиданны герои в сказках Натальи Абрамцевой.

Как-то на премьере в Московском театре юного зрителя мы разговорились с одним из известных детских писателей.

— Я вижу, вам не нравится пьеса? — спросил я.

— Понимаете, — ответил мой собеседник, — дело в том, что автор неталантлив

— А что такое талант? — полюбопытствовал я.

Он недолго думая ответил с присущим ему остроумием:

— Талант?! Это... когда хочется взять резинку, стереть имя автора и... поставить свое!..

Тогда я рассмеялся. Сейчас признаюсь, что с удовольствием поставил бы свое имя под множеством произведений Натальи Абрамцевой. Скажу больше. Будучи не только писателем, но и режиссером и актером, я как писатель хотел бы написать нечто подобное, как режиссер — поставить ее сказки в театре, а как актер — сыграть в них.

Заканчивая предисловие, я с уверенностью и радостью заверяю читателей в том, что эта книга талантливой писательницы Натальи Абрамцевой, безусловно, порадует их сказками добрыми, умными и красивыми, как она сама.

Валерий Медведев, лауреат Государственной премии РСФСР, лауреат премии Г. Х. Андерсена

ЗДРАВСТВУЙ!

Жил-был дом. Красивый, крепкий, бревенчатый — бревнышко к бревнышку. Зимой дом спал под теплым снежным одеялом. Спал и видел зеленые сны. Зеленые — потому что больше всего на свете дом любил светло-зеленую весну и ярко-красное лето. Весной сад, в котором жил дом, начинал зеленеть. Пробивалась травка, появлялись маленькие листочки на яблонях, вишнях, сирени. Потом листочки превращались в настоящие большие листья, а трава вырастала высокой, густой, яркой. Все кругом становилось зеленым-презеленым. Все, если не считать красных роз возле крыльца, белых ромашек под одним окном и синих цветов по имени «башмачки» под другим.

На лето в дом приезжали веселые люди. Те, которые называются дачниками. Люди-дачники красили в зеленый цвет резные наличники окон. И еще кормили кусочками сахара старого ежа. Я забыла сказать, что под крыльцом в своей норке прятался старый еж.

Так и жил дом: в зеленом саду, с веселыми людьми и со старым ежом под крылечком. Хорошо жил дом. Все бы хорошо, если бы не один странный маленький электровозик. Дело в том, что мимо дома проходила железная дорога. Или, если хотите, наоборот: дом стоял возле железной дороги. Неважно, как сказать, но дом дружил со всеми поездами, что пробегали по старой дороге.

Поезда рассказывали много интересного. Вот летит южный поезд. Тук-тук-тук — стучат колеса. Это южный поезд рассказывает о желтых лимонах и синем море. Опять знакомое тук-тук-тук — это северный поезд. Его рассказ — об ослепительном снеге и темных скалах Севера. Много лет дружно, как хорошие соседи, жили дом и железная дорога с поездами. Все бы хорошо, пока не появился один маленький электровозик. Это был необыкновенно деловой электровозик. Несколько раз на день он проносился мимо дома, ничего не рассказывал и оглушительно свистел.

«Какой он странный, — думал дом, — он очень занят, у него много дел. Это я понимаю. Но зачем свистеть так громко? — У дома от удивления труба покачивалась. — Как видит меня, так свистит. Очень странный!»

Терпел дом, терпел, да и не вытерпел. Решил бросить старое, обжитое место и уйти туда, где не слышно свистка маленького электровоза. Крыльцо согласилось. Подвал, чердак и крыша тоже. Долго не соглашалось одно окошко. То, что смотрело на цветы «башмачки». Но в конце концов и его уговорили. Печная труба посоветовалась со знакомой белкой и узнала, что рядом в лесу есть очень хорошая полянка. Там дом и решил поселиться.

Жаль, конечно, было расставаться со знакомым садом, с веселыми дачниками, со старым ежом. Жаль, да уж больно громко свистел электровозик. Вот и сказал однажды дом, сказал, смущенно поскрипывая половицами:

— Милый мой сад, и вы, веселые люди, и ты, старый еж, пришло время нам прощаться. Ухожу я в лес. Буду жить там один, потому что обидел меня маленький электровозик. Что он свистит на меня?!

И дом поднял одно крылечко, собираясь уходить. Что тут началось!.. Зеленый сад обиженно зашелестел:

— Конеш-ш-шно, конеш-ш-шно... В зеленом лесу ты быстро обо мне забудеш-ш-шь. Ведь лес, наверное, еще зеленее, чем я, твой сад.

А веселые люди-дачники стали грустными-грустными и обиженно сказали:

— Очень жаль, но нам придется возвращаться в свои городские квартиры. Мы не можем жить в доме, который стоит в лесу. Там нет железной дороги. Как же мы будем ездить в город на работу, по делам?

И люди стали складывать чемоданы.

А старый еж, что жил под крыльцом, сказал:

— Ну что ж, уходите, кто собрался. А я останусь. Я думаю, раз электровозик свистит, значит, есть у него на то причины.

«Да, — подумал дом, — неудобно получается. И людям лето я испорчу. И сад останется один. И старый еж, кажется, обиделся. Может быть, все-таки остаться? Не уходить?»

Но в это время снова оглушительно засвистел маленький электровозик. И дом снова поднял крылечко, собираясь уходить. Только старый еж остановил его.

— Постой, — сказал он, — постой. Неужели ты так и уйдешь?

— Ну, я не знаю, не знаю, как мне быть! — чуть не плача, заскрипел старый дом. — Мне кажется, электровозик надо мной смеется. Просто смеется! Почему иначе он свистит всякий раз, как видит меня?

— Ах, — сказал старый еж. Потом он сказал — Ой-ой-ой! По-моему, уважаемый дом, ты очень ошибаешься. Сейчас я все узнаю.

Старый еж прибежал на железнодорожный переезд и попросил дежурного остановить на минутку маленький электровозик. Дежурный железнодорожник очень удивился. Еще никогда ежи не просили его ни о чем. Удивился, но согласился, потому что был хорошим человеком.

Вот остановился маленький электровозик, и старый еж очень вежливо и тихо заговорил с ним. Когда электровозик узнал, какие неприятности могут произойти из-за его свистка, он очень расстроился.

— Простите, — сказал он смущенно, — простите меня. Я не так уж и виноват. Просто мы не поняли друг друга. Я свистел совсем не потому, что хотел обидеть ваш дом. Дело в том, что мы, электровозы, паровозы, тепловозы, здороваемся друг с другом свистками или гудками. Ваш

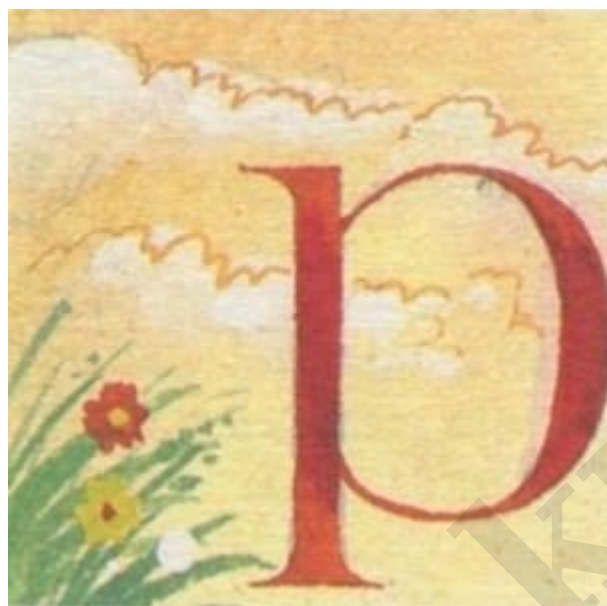
дом живет возле железной дороги, вот я и думал, что он тоже немного поезд. Я не просто свистел, я здоровался с домом, а теперь я не знаю, как мне быть. Свистеть нельзя, а не здороваться разве можно?

— Знаешь что, — сказал старый еж, — а ты не мог бы здороваться чуть-чуть потише?

— Вот так? — Маленький электровозик тихонько и весело свистнул.

— Вот! То, что нужно, — обрадовался старый еж. И все осталось как прежде. Дом так и живет в своем зеленом саду. Под крыльцом живет старый еж. На лето приезжают веселые люди-дачники. А маленький электровозик весело и негромко посвистывает, пробегая мимо.

РЫЖАЯ СКАЗКА

Рыжая кошка была такой маленькой, что еще не успела узнать о том, что рыжих кошек на свете не так уж много. Гораздо меньше, чем, например, серых. И о том, что рыжий цвет — не простой, как, скажем, цвет серый. Зато маленькая кошка знала, что такое друг. Ее друга звали Солнце.

Они познакомились недавно на крылечке дома. Солнце проплывало по небу и увидело внизу что-то очень рыжее. Солнце прищурилось и спросило:

— Это кто там? Не мой солнечный зайчик? Рыжка (в золотых лучах она правда казалась чем-то солнечным) подняла мордочку и ответила обиженно:

— Какой же я зайчик? Я — кошка. Меховая, а вовсе не солнечная.

— Точно, рыжая кошка. Да ты не обижайся. Разглядеть трудно: маленькая очень.

— Вырасту!

— Конечно, — прозвенело Солнце. — А мне показалось, зайчик мой сбежал без разрешения. Непорядок ведь?

Так они и подружились. Доброе взрослое Солнце проплывало над крылечком в полдень. Медленно, чтобы Рыжка погрелась в его лучах. А еще Солнце рассказывало ей, что происходит в небе, какая туча с какой молнией поссорились и какое облако за какую горную вершину

зацепилось.

А маленькая рыжая кошка рассказывала Солнцу, как живут люди в своем красивом летнем доме.

Но однажды Солнце не пришло. Рыжка удивилась, посмотрела в небо и увидела серые тучи.

— Наверное, тучи задерживают Солнце. Пойду навстречу, — решила она и осторожно спустилась с крылечка на садовую дорожку.

Раньше Рыжка не гуляла по дорожке: боялась уходить от крыльца. Но она знала, что дорожка идет в ту сторону, откуда приходило Солнце.

Маленькая рыжая кошка шла медленно, осторожно ставя лапки на дорожку. Вдруг тихий смех. Слева — роскошные ярко-красные маки.

— Вы мне смеетесь? — спросила Рыжка.

— Не тебе, а над тобой, — прошелестели маки.

— Почему?..

— Ну-у-у... Ты же смешная...

— Почему?

— Ну-у-у... Ты рыжая...

— Да, — согласилась кошка, — рыжая. А почему смешная?

— Так ведь рыжая!

Маленькая кошка не понимала, почему смеялись маки, но ей казалось, что смеялись не весело, а насмешливо.

— Ну и ладно, — просто так, сама не зная о чем, сказала маленькая кошка и пошла дальше. Слышит — кто-то тихо фыркнул и сказал:

— Совсем, совсем рыжая!

Маленькая кошка оглянулась и обрадовалась. Справа от дорожки расположилась стайка невысоких цветов. Цветом своим очень похожих на нее. Люди называют их ноготками.

— Привет, — весело сказала Рыжка, — и вы, и я — рыжие. Хорошо! А вот некоторые считают рыжий цвет... — И она замолчала. Потому что цветки-ноготки резко подняли лепестки и захлопнулись. Только один, наверное главный, цветок не закрылся и очень рассерженно посмотрел на маленькую кошку:

— Как ты смеешь называть нас рыжими? Это ты — рыжая.

— Да я-то, конечно, я знаю. Но разве вы не рыжие тоже?

— Нет! — совсем рассердился цветок-ноготок. — Мы оранжевые. — И он тоже закрылся.

Маленькая рыжая кошка пошла дальше. Ей было грустно: и Солнце не нашлось, и стало совершенно ясно, что рыжий цвет нравится не всем.

Наконец дорожка уткнулась в маленькую клумбу, на которой рос большущий куст прекрасных белых лилий.

— Ой! — только и могла сказать восхищенная Рыжка.

Одна чудесная белая головка склонилась, и лилия сказала томно:

— Ах, не надо восхищений. Они однообразны и утомительны.

— Хорошо, я восхищаться не буду, хотя вы очень красивы, — маленькая кошка, не раздумывая, подчинилась прекрасным цветам, — не буду, а спросить вас можно? Посоветоваться.

Гордые цветы были удивлены или, представь, польщены. Совета у них никто никогда не спрашивал. Ими только любовались.

— Скажите, — немного замаялась Рыжка, — вот некоторым кажется, что рыжий цвет то ли плохой, то ли... ну... в общем, смеются... Вы не стали бы смеяться? Не стали бы? Правда?

— Конечно, мы не станем смеяться над тобой. Это недостойно нас.

— Что значит недостойно вас? — чуть насторожилась маленькая кошка.

— Это значит, что сами мы так прекрасны, что должны притвориться, будто не видим, что ты рыжая, — ответила самая красивая лилия.

— Будто не видите?

— Да.

— А если все-таки...

— Нет. Мы хорошо воспитаны...

— А другие цветы?

— Многие цветы, — прекрасная лилия смутилась, — попроще нас, могут вспомнить, — она заговорила шепотом, — детскую песенку-дразнилку: «Рыжий-рыжий, конопатый...» Дальше там тоже насмешливые слова.

— «Конопатый»... — задумчиво повторила маленькая рыжая кошка. — Еще и конопатый! — И она прикрыла лапкой нос, на котором ухитрились поместиться полторы веснушки.

А потом кошка, хоть и маленькая, выпустила коготки.

— Вы не видите? Так я сама говорю всем! Всем на свете! Я — рыжая, рыжая-прерыжая! Ясно? Ясно вам? — и заплакала маленькая кошка. Горько и громко.

Не плачь, кошка, все хорошо. Солнце вернулось!

— Солнце, Солнце, — стала рассказывать маленькая кошка, — я совсем рыжая, очень рыжая. Что же мне делать?

— Радоваться, сестричка, — спокойно ответило Солнце.

— Чему? — удивились цветы. — И почему она — ваша сестра? Вы шутите. Золотой Цветок неба! — Цветы иногда любили пустые красивые слова.

— Я не цветок, я просто обыкновенное небесное светило, — скромно сказала Солнце, — и я не золотое, я — рыжее.

— Рыжее???

— Да. Я — желтое? Нет, одуванчик желтый. Я — золотое? Нет, золотые шары — золотые. Я — красное или оранжевое? Нет, маки — красные, ногти — оранжевые. И конечно, никто не скажет, что я — белое, как лилия. Выходит, я — рыжее.

— И я рыжая! Как Солнце, как Солнце! — запрыгала маленькая кошка.

— Мы, знаете ли, родственники, — улыбнулось Солнце. Молчали маки, ногти, лилии. Зато раздался препротивный голос старой вороны. Она и прекрасные лилии, как это ни странно, дружили.

— Что кошка рыжая, как вы, Солнце, не спорю, — каркнула ворона, — а как с веснушками? У нее целых полторы. А у вас — нет! Как же вы без веснушек?

— Как? — испугалась маленькая кошка.

— Плохо, — вздохнуло Солнце, — мне веснушек очень не хватает. Вы, уважаемая старая ворона, конечно, знаете, веснушки — это подарок самой красавицы Весны. На всех подарков не хватило. Маленькой кошке хватило, а мне и вам — нет. Не повезло нам с веснушками, дорогая старая ворона. — Так сказала Солнце и добавило — Пошли, Рыжка, а то мы с тобой до крылечка никак не доберемся.

— Пошли, — согласилась маленькая кошка, а обернувшись, все-таки сказала — Не повезло вам всем с веснушками!

Сначала Солнце и кошка молчали. Потом Рыжка спросила:

— Они всегда будут злыми? — Они не злые, — спокойно ответило Солнце, — они глупые и не понимают, что рыжая кошка — это так же красиво, как белые лилии.

— Да?!

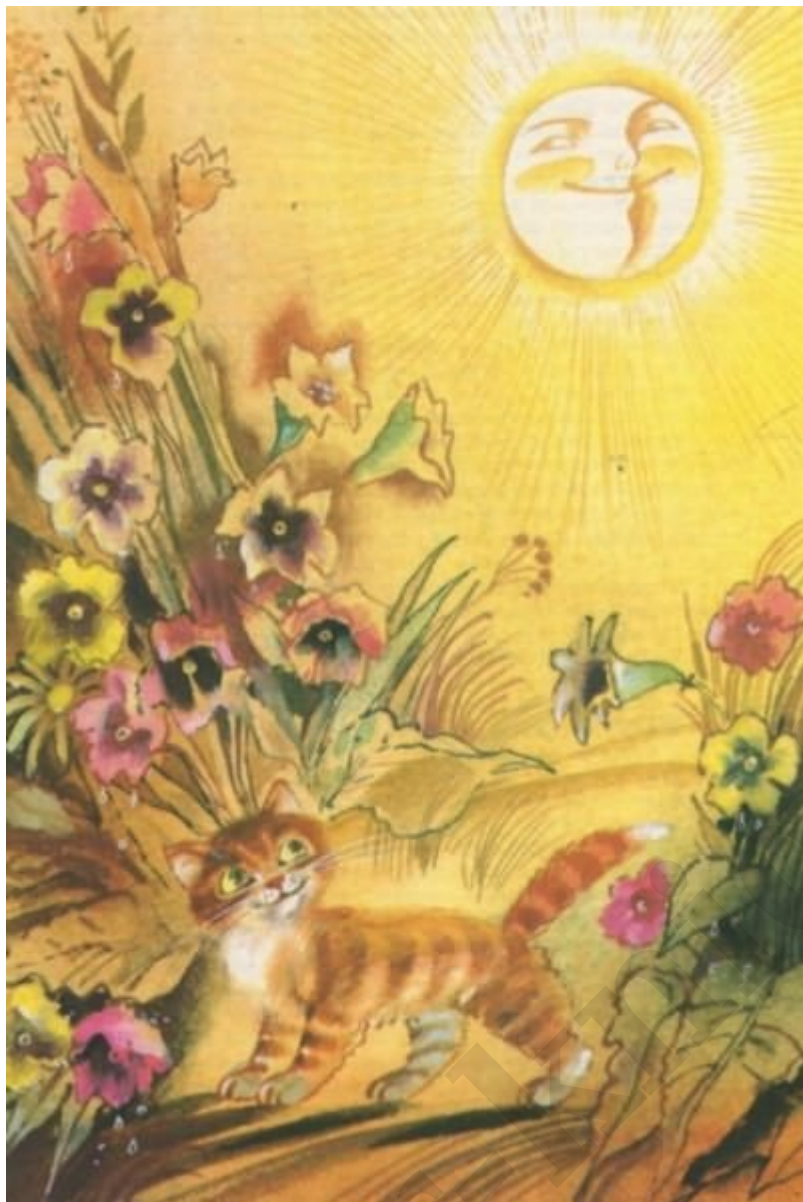
— Да.

— Я тоже не понимаю, — сказала маленькая кошка.

— Я же говорило: маленькая ты очень. Вот и не понимаешь.

— Вырасту.

— Конечно, — согласилось Солнце.

А ЗВЕЗДОЧКИ ПАДАЮТ?

Щенок Тявка ловил звездочки. Тявка был совсем маленький, а потому считал: поймать

звездочку не так уж и трудно. Тявка жил на даче. Забор дачи ему очень мешал. Вот слетает с неба звезда, и Тявка несется по влажной ночной траве, по грядкам, по клумбе, пробирается через крапиву туда, где должна лежать упавшая звездочка, и вдруг — забор. «Оказывается, звездочка упала по ту сторону забора», — огорчился Тявка.

Тявка совсем избегался. Однажды, в который раз стукнувшись носом о забор, щенок решил немного отдохнуть и прилег тут же. Послышался смех. Тявка поднял голову и увидел на заборе соседского кота. Кот прямо-таки давился смехом.

— Глупый щенок! Совсем глупый! Что это ты делаешь?

— Я? Я ловлю звездочки, — ответил Тявка, — вернее, хочу поймать хотя бы одну. Но они всё падают не там, где нужно. За забором падают. Кот снова рассмеялся:

— Глупый щенок! Совсем глупый!

— Почему? Почему я глупый? Я просто не умею прыгать через забор. Кот сидел на заборе и ухмылялся:

— Да потому ты глупый, что ловишь то, чего нельзя поймать!

— Нельзя?

— Конечно, нельзя, — важно говорил Кот, — ты уж мне поверь. Я долго жил в библиотеке и начитался всяких научных книг.

— Ну и что? — возразил Тявка. — При чем здесь книги? Что в них написано о звездочках?

— Да хотя бы то, что звезды вообще не падают.

— Ну уж нет! Еще как падают! Сегодня уже четыре штуки упали!

— Вовсе это не звезды! — Кот начинал сердиться.

— Как же не звезды? Звезды — они и есть звезды, — спорил Тявка. Чересчур умный Кот устало вздохнул:

— Ну как же объяснить тебе попонятнее? Это не звезды. Это такие большие камни, которые летают очень высоко. Выше Луны. И когда падают на Землю, трутся о воздух и сгорают. Понятно?

— Понятно. Понятно, что все это че-пу-ха. Камни летают, сгорают — ерунда! Вы какие то неправильные книги читали, уважаемый Кот. Я пошел ловить звездочки. Пока!

И Тявка убежал. Кот смотрел ему вслед и качал головой.

«Маленький еще. Подрастет — разберется».

А Тявке было жаль Кота. «Бедный Кот, — думал он, совсем свихнулся от своей учености. Звезду от камня отличить не может».

СКАЗКА ПРО СТАРЫЙ ДОМ

Дом был старый, деревянный. Крыша покосилась. Печка развалилась. Труба набок съехала. Окна не открываются, двери не закрываются. Щели в полах.

Когда-то в доме жили люди. Давно. Тогда он был новенький и красивый. А потом люди уехали. И дом расстроился. Стал скучать и стареть.

И сад вокруг дома тоже скучал — скучал и даже одичал от одиночества. Яблоки стали кислыми, вишни мелкими. Вместо цветов — высокая трава, крапива да лопухи выросли.

Вот так и жил старый, заброшенный дом в старом, заброшенном саду. Весной, когда стаивали огромные сугробы, выползало из-под снега кривое крылечко, дом и сад просыпались после долгого зимнего сна. Просыпались, потягивались, поскрипывая старыми досками и ветками. И дом говорил:

— А не думаешь ли ты, сад, что в этом году к нам могут вернуться люди?

— Думаю, — неуверенно отвечал сад.

— Мы должны подготовиться к встрече, — говорил дом.

— Конечно, — соглашался сад.

Им помогали ветер, дождь и солнце. Ветер влетал в дом через трубу. Проветривал комнаты, чердак и даже подвал. Потом через вечно открытую дверь вылетал в старый сад. Выметал прошлогоднюю листву, сухие ветки, помогал, очень осторожно, разворачиваться нежным лепесткам диких яблонь и вишен.

После ветра за дело брался дождь. Дождь тщательно отмывал весь дом: от съехавшей набок трубы до самого крылечка.

Конечно, особенно дождь старался, когда мыл окна. Ведь стекла все-таки. Пусть и разбитые. Еще дождь своими сильными струями расчесывал уже густую листву сирени, разглаживал листья тополей. И землю в саду поил дождь. Жаль, конечно, что не розы на ней вырастут, а лопухи да крапива, но пусть и они лучше зелеными и крепкими будут, чем чахлыми.

За ветром и дождем приходила очередь солнца. Солнце хорошенько просушивало дом. Гладило золотыми лучами стекла в паутине трещин — чтоб блестели ярче. Золотило старые наличники

на окнах. Потом лучи солнца скользили по саду. Заглядывали в каждый крохотный цветок дикой сирени, чтобы те светились маленькими искорками.

Затем снова прилетал ветер. Он где-то раздобыл семена кое-каких цветов, но ветер не был настоящим садовником и разбросал семена как умел. А потому одуванчики выросли не только в густой траве, но и на крыльце.

А одна ромашка ухитрилась поселиться даже на крыше в какой-то щелочке.

Так ветер, дождь и солнце помогали готовиться заброшенному дому и старому саду к встрече людей.

Дом и сад ждали. Но люди не приходили. Вернее, приходили, но, посмотрев на дом и сад, уходили.

— Это старый дом, — говорили люди, — у него разбиты окна, и крыша съехала совсем набок, и крыльцо развалилось. Разве это дом?

— Да, конечно, — соглашались другие люди, — и сад тоже совсем заброшен. Яблоки мелкие, вишни кислые. А крапивы сколько-о-о! А трава-то как разрослась... Разве это сад?

— Нет, — решали люди, — лучше мы построим новый, красивый дом и вырастим новый, замечательный сад.

И люди уходили. Дом и сад очень огорчались и начинали ждать снова. Ждали, ждали, ждали...

И дождались.

На покрытом пылью долгих дорог велосипеде к дому подъехал человек. За спиной рюкзак. На багажнике — огромный чемодан с разноцветными наклейками. Через плечо — яркая дорожная сумка. На другом плече — фотоаппарат. На голове — широкополая шляпа. Конечно же, это бывалый путешественник. А путешественники, как известно, любят всякие странности.

Дом с ромашкой на покосившейся крыше, с одуванчиками на кривом крыльце, сад, в котором ветви диких яблонь переплетаются с ветками дикой сирени, как в сказочном лесу, а по земле стелются темно-зеленые лопухи, похожие на огромные зонтики, — разве это не странность? Почти волшебная странность.

— Ах, — сказал путешественник, — какое чудо! Заколдованная избушка в заколдованном лесу.

«Вовсе мы не заколдованные, — подумали дом и сад, — мы заброшенные».

— Ах! — снова сказал путешественник. — Какая прелесть! И он защелкал фотоаппаратом.

«Мы — прелесть... Мы — чудо...» — почти задохнулись от радости, смущения, неожиданности дом и сад.

— Пожалуй, я поживу здесь, — решил путешественник. И путешественник вместе со своим усталым велосипедом, тяжелым рюкзаком, чемоданом с наклейками, дорожной сумкой и, конечно же, с фотоаппаратом поселился в заброшенном доме и одичавшем саду.

Что же из этого получилось? То, чего не могло не получиться. Яблоки стали крупными-крупными, вишни сладкими-сладкими. Среди лопухов расцвели ярко-красные маки величиной с огромные воздушные шары.

Трещины на стеклах сложились в веселые рисунки. Крылечко перестало просто скрипеть, оно стало чирикать очень музыкально. А дверь, которая уже много лет не могла шевельнуться, с удовольствием и легкостью открывалась и закрывалась.

Почему же так вышло? Смешной вопрос... Ясно, почему...

А потом? Потом путешественнику пришло время отправляться в путь. Ведь он путешественник.

И что же получилось? То, что и должно было получиться: жили-были заброшенный дом и заброшенный старый сад...

И потом пришла зима. Повалил снег. Снег. Снег. Сугробы в одичавшем саду. Сугробы на развалившемся крылечке. Сугробы на покосившейся крыше. Тяжелый зимний сон.

...А потом пришла весна. Прилетел теплый весенний ветер. Застучал теплый весенний дождь. Теплое весеннее солнце расправило длинные хрупкие лучи.

И старый дом сказал:

— А не думаешь ли ты, сад, что и в этом году к нам могут вернуться люди?

— Думаю, — ответил сад.

ПРАВДИВАЯ ИСТОРИЯ О САДОВНИКЕ

Много-премного лет назад жил маленький-премаленький удивительный городок. В нем вокруг каждого дома рос сад: яблоневый, или черешневый, или грушевый, или персиковый, или еще какой-нибудь.

Жители городка очень любили навещать и приглашать друг друга к себе. По делам и просто так. Каждый день они писали письма: «Уважаемый сосед (в маленьком городке все соседи)! Вы давно не заходили в черешневый дом!» Или «Дорогой друг (в городке все были друзьями)! Вас ждут хозяева в яблоневом саду». А почтальону говорили:

— Будьте добры, пожалуйста, отнесите письмо тому-то или тому-то. Почтальон ничего не путал, ведь городок совсем маленький. Но однажды случилась неприятность. Почтальон нес три очень важные записки с просьбой зайти: пекарю — к хозяйке яблоневых садов, гончару — в

дом вишневый, аптекарю — в персиковый.

И вдруг налетел ветер. А у ветра было в тот день озорное, почти разбойничье настроение.

Вырвал ветер у почтальона записки-приглашения, перемешал и унес. Полетели письма, а потом ветер осторожно опустил их в сад... садовника. Так уж захотел ветер.

Садовник уже очень давно выращивал цветы. Разные. Красивые.

Некрасивых цветов не бывает. Цвели в саду садовника желтые и белые нарциссы, красные розы, белые и розовые маргаритки...

Когда у кого-нибудь из горожан был день рождения, или другое торжество, или просто хорошее настроение — каждый мог прийти к садовнику и для каждого он подбирал цветы.

А калитка сада, увитая крупными голубыми вьюнами, с удовольствием пропускала всех-всех. Сам садовник никогда цветов не разносил. Даже в гости ни к кому не ходил. Потому что каждому самому было приятно зайти в его чудесный сад, единственный в городе цветочный сад.

Оттого и удивился садовник, когда к нему прилетели просьбы-приглашения зайти к хозяевам яблоневого, вишневого и персикового садов. Откуда было знать садовнику, что не его ждали, а пекаря, гончара и аптекаря. Ведь письма начинались словами: «Уважаемый сосед...»

Садовник приготовил несколько разных букетов, потому что не знал, какие цветы нужны, и осторожно уложил букеты в корзину. Сначала он решил зайти в яблоневый дом.

Радостно, но удивленно встретила хозяйка садовника.

— Ах, какая приятная неожиданность! Сейчас должен прийти наш уважаемый пекарь. Я собиралась заказать ему шесть булок с маком, потому что я жду в гости дорогих тетушек.

Теперь удивился садовник и показал случайно попавшую к нему записку, предназначенную пекарю.

— Ах, — всплеснула руками хозяйка, — я, конечно, очень рада вам, почтенный садовник. Но как же быть с булочками для тетушек?

— Да, — сказал садовник, — кажется, произошла большая неловкость. Я, право, сожалею, но я, право, не виноват. А булочки... Может быть, это в какой-то степени заменит вашим тетушкам булочки?

И садовник вынул из своей корзины большущий букет золотых шаров. Их золотые шапочки немного походили на золотистые булочки.

Сейчас самое время сказать, что «цветы были волшебные, а потому незамедлительно превратились в булочки», но я рассказываю не сказку, а правдивую историю, и потому цветы остались просто цветами.

А садовник поднял свою корзину с цветами и отправился в вишневый сад. Но там, как ты знаешь, ждали гончара. Потому что у главного кувшина в доме, у кувшина для молока, отбилась ручка. Потому хоть и рады были садовнику, но...

Красные обыкновенные тюльпаны, которые подарил садовник хозяйке сада, не превратились в

новый, такой нужный кувшин. Просто цветы не умели превращаться в полезные вещи.

А вот и персиковый сад. Его хозяева с нетерпением ждали аптекаря, потому что у их дочери очень болела голова. Не было у садовника целебной настойки, а потому лучшее, что он мог подарить девочке, был букет светло-лиловых фиалок.

...И вот вечер. Грустит садовник в своем чудесном саду. Кажется, что подвел он хозяев и яблоневого сада, и вишневого, и особенно персикового...

Вдруг скрипнула калитка, задрожали граммофончики вьюна. И в сад вошла хозяйка сада яблоневого. Женщина держала в руках огромное расписное блюдо, полное чудесных красных и желтых яблок.

-

— Милый садовник, — сказала она, — большое-пребольшое спасибо, а эти яблоки шлют вам мои тетушки. Им так понравились ваши золотые шары, что они решили поселиться в нашем городе насовсем.

Садовник очень обрадовался и очень удивился.

И вновь задрожали голубые вьюнки на калитке. Пришла хозяйка вишневого сада. Она принесла красивый пирог с вишнями.

— Милый садовник, — сказала она, — кувшин для молока — вещь, конечно, незаменимая и необходимая, но, когда мы поставили в кувшин с отбитой ручкой ваши красные тюльпаны, нам стало ясно, совершенно ясно, что для молока нужен просто другой кувшин.

Доволен садовник, что и говорить.

И снова задрожали голубые вьюны на калитке. Прибежала девочка из персикового сада. Прибежала, высыпала в траву из своего передника розовые персики.

— Ах, садовник! Уважаемый садовник! Голова у меня не болит! Совсем! Эти фиалки! Ваши фиалки! Разрешите мне завтра, и послезавтра, и потом, и каждый день приходить к вам за фиалками.

И убежала. Один остался садовник. Задумался. Не понимал он, как сумел заменить и уважаемого пекаря, и умелого гончара, и почтенного аптекаря. Ведь он просто садовник, просто цветы выращивает.

Одной простой вещи не знал садовник: не бывает цветов просто. Все цветы чудесные. Все цветы волшебные.

Не веришь? А ты поверь. Я не сказку рассказываю, а правдивую историю.

КТО ЛУЧШЕ ПРЫГАЕТ?

На берегу лесной речушки-ручейка, возле старой елки, сидели лягушонок Лашка, бельчонок Прыгалка и ежонок Ежинка. Лашка и Прыгалка вопросительно смотрели на Ежинку, а Ежинка нерешительно пошевеливала иголками и что-то соображала. Наконец она сказала:

— Даже и не знаю... Никак не пойму!

— Ну, что же ты?!

— Ну, почему же ты?!

— Внимательней бы смотрела!

— Судья называется!

— Пять раз показываем! — наперебой зашумели бельчонок и лягушонок.

Дело в том, что они поспорили, кто лучше прыгает, а Ежинку выбрали судьей. А она все не могла решить. Пять раз демонстрировали зверята свое умение. Прыгалка прыгала по старой косматой елке, которая росла тут же. Прыгала, как рыжий лохматый мячик, с ветки на ветку. Прямо-таки перелетала. А Лашка запрыгивал на середину ручейка на лист кувшинки и, подпрыгивая, проделывал в воздухе совершенно невообразимые пируэты.

И Прыгалка и Лашка прыгали так хорошо, что Ежинка просто не могла понять, кто же лучший прыгун.

Вдруг зверята вздрогнули от резкого, противного голоса.

— И непррравильно! И неверррно! И все наоборррот!

Посмотрели вокруг. На соседней рябине сидит ворона. Незнакомая.

— Здрррасте! — сказала она и насмешливо раскланялась — Пррриветик!

— Здравствуйте! — ответили зверята. — А вы?..

— А я издалека. Но я все про все знаю. Вот!

— А что неправильно? — спросила рыженькая пушистая Прыгалка.

— А что неверно? — подхватил пучеглазый презеленый Лашка.

— А что наоборот? — заинтересовалась колючая Ежинка. Ворона слетела с рябины на пенек. Гордо посмотрела на лягушонка, бельчонка, ежонка и важно сказала:

— А то наоборот, что все наоборот!

— Что? — не могли понять зверята.

— То, — говорила ворона, глубокомысленно расхаживая по пеньку, — то, что эта рыжая должна делать то, что делает зеленый, а зеленый — то, что рыжая!

— Правильно! — обрадовалась и завертелась Ежинка. — Быстрее меняйтесь местами. И давайте: Лашка — на елку, а Прыгалка — на кувшинку в воду! Быстренько!

— Попробую... Постараюсь... — сказали бельчонок и лягушонок.

Нерешительно очень сказали. И понятно. Лягушонок — на елке?! Белка — на кувшинке в ручейке?! Странно! Но раз такая важная всезнающая ворона советует, зверята решили попробовать.

И вот по зеленой елке скачет зеленый Лашка, вернее, пытается удержаться на колючей ветке. Запрыгнуть-то было легко, но попробуй удержишься на еловой покато́й ветке, если у тебя на лапках вместо беличьих коготков лягушачьи перепонки!

Вот и шлепнулся зеленый Лашка с темно-зеленой старой елки в ярко-зеленую траву и застеснялся...

А в это время из ручейка вылезла мокрая, хоть выжимай, Прыгалка. Лист кувшинки не удержал белку, и... вот результат: не пушистая белка, а мокрый-премокры́й комочек меха оказался под елкой. До слез смутилась Прыгалка.

— Отвратительно!!! Безобразно!!! Не умеете прыгать!!! Оба! Оба! И рыжая! И перепончатый! — донеслось с вороньего пенька.

Сначала ей поверили и расстроились ужасно. Но вдруг Ежинка взвизгнула от удовольствия и заверещала на весь лес:

— Я поняла! Все ерунда! Глупая и злая ворона все путает! Ребята! Вы отлично прыгаете! Оба! Только по-разному, кому как нужно. А ну, быстро: Лашка в воду, Прыгалка — на елку!

— Резонно, — тихо, чтобы никто не слышал, сказала ворона. А во все горло прокаркала — Протестую!

Только ее уже никто не слышал. Зверята с удовольствием прыгали, кто как умел, но оба замечательно.

ЗАВЕТНОЕ ЖЕЛАНИЕ

Кошка, вернее, котенок по имени Брыся, очень хотела, чтобы никогда не было дождя. Потому что дождь с удовольствием бегает по траве, лазает по деревьям. И очень обидно бывает

Брыське, если она не успевает нагуляться до дождя. Потому что после... Трава мокрая! Кусты мокрые! Пушистая бело-серая Брыськина шубка темнеет от воды, становится некрасивой.

Брыськина подружка тоже очень хотела, чтобы не было дождя. Она ведь бабочка. Красивая, нежная, золотистая. Даже одна дождевая капля — для нее серьезная неприятность.

Однажды золотистая бабочка и Брыська играли — заигрались, еле успели спрятаться от дождя под густой елочкой. Укрывшись плотной елочкиной лапой, подружки стали мечтать о том, как было бы хорошо, если б вообще никогда не было дождя. И вдруг!..

— Без дождя нельзя, — это сказала елочка, — трава не вырастет, я засохну. Пусть дождь гуляет — проливается. Но ночью! Только ночью.

— Пусть! Пусть! Пусть так!

— Если вы очень хотите, чтобы было так, — продолжала елочка, — я открою вам тайну исполнения желаний.

Это была очень старая и очень простая тайна. Нужно поздним вечером, когда в небе зажгутся звезды, выйти в сад. И посмотреть в небо. До тех пор смотреть, пока не упадет звезда. А пока звезда будет лететь, нужно очень-очень сильно пожелать свое желание.

Золотистая бабочка и Брыська договорились встретиться в нужный звездный час исполнения желаний в лопухах за густым кустарником. Там никто им не помешает.

Брыська явилась в лопушки вовремя. Но бабочки там не было. Был только маленький зеленый лягушонок.

— Ты никого здесь не видел? — спросила его Брыська.

— Нет, — ответил лягушонок очень серьезно.

«Она уснула», — решила Брыська. Маленькая кошка пробежала по темному саду, зоркими глазами разыскала спящую под листочком подружку.

— Ах, — оправдывалась бабочка, — я уснула совсем нечаянно. И вот подружки в самом тихом, заброшенном лопушковом уголке сада. А там... Все тот же маленький лягушонок.

— Слушай, лягушонок, — сказала Брыська, — ты что спать не идешь? Тебе пора, ты маленький. Иди. А у нас дела.

— Спокойной ночи, — вежливо сказала зеленому малышу золотистая бабочка.

— Спокойной ночи, — ответил серьезный лягушонок, — но уйти я не могу. У меня тоже дело.

— Дело? Ночью? Какое дело? И почему здесь?

-

Лягушонок внимательно посмотрел на подружек и поправил очки. Вернее, он поправил бы очки, если бы они у него были. Но очков у лягушонка не было, поэтому он просто медленно моргнул.

— У меня очень важное дело. И делать его нужно именно здесь, потому, — терпеливо объяснял

лягушонок, — что отсюда видны все звезды вообще, а главное — вон та, голубоватая, звездочка в четырех звездных шагах от луны.

— Ах, как это мило, — золотистая бабочка захлопала крылышками, — тебя тоже привела сюда тайна исполнения желаний!

— Да, но, простите, я не могу открыть вам мое заветное желание. Это, — вздохнул лягушонок, — очень серьезно.

— Ничего, не волнуйся, — успокоила его Брыська, — звездочек на всех хватит.

— Я не волнуюсь. Мне нужна только одна звездочка, — тихо сказал лягушонок.

И вот падает, падает, падает звездочка.

— Пусть! Дождь! Идет! Только! Ночью! — очень старательно пожелали Брыся и золотистая бабочка.

— Я поздравляю вас от всей души, — серьезно сказал вежливый лягушонок. — Ведь ваша звездочка будто ждала вас. А я уже семь дней жду свою.

— Неужели звездочки падают так редко? — удивились подружки.

— Наверное, кому как повезет, — снова вздохнул лягушонок. — Ваша ждала вас, а моя...

— Что-то я не понимаю, — замотала головой Брыська, — твоя, моя, наша...

— Все звездочки одинаковые, — подхватила бабочка, — мы специально не выбирали. Та, что упала первой, — та и наша.

Серьезный лягушонок удивленно моргнул, огорченно посмотрел на подружек и сказал:

— Вы не правы. И ваше желание не сбудется. Простите.

— Нет, сбудется, — распушилась Брыська. — Мы очень, очень желали.

— Звездочка не могла отказать нам, — добавила золотистая бабочка.

— Звезда не услышала вас, — объяснял лягушонок. — Звезду нельзя выбирать просто так. Если звезда упала первой, это вовсе не значит, что она упала для вас. Это чужая звезда. — Лягушонок снова медленно моргнул и снова сказал — Простите.

— Так что же делать?! — сказала сердито Брыська, а золотистая бабочка печально опустила крылышки.

— Наверное, ждать. — Лягушонок был очень серьезен. — Я жду свою звездочку...

— ...семь дней! — договорила за него нетерпеливая Брыська. — А если она вообще никогда не упадет?

Лягушонок промолчал.

Брыська подняла мордочку, посмотрела на звездочку лягушонка и сказала:

— Высоковато... Ну, ладно, удачи тебе. А мы пойдем. Я уверена — с дождем все будет в порядке.

— Удачи тебе, — повторила почти уснувшая золотистая бабочка.

-

...А на завтра с самого утра пошел дождь. Серый, холодный. Будто назло. Только вечером, когда красноватое уже солнце подсушило мокрую траву и листву, смогли наконец встретиться Брыся и золотистая бабочка. Подружки, не сговариваясь, отправились в лопушки.

Звезды в небе еще не зажглись, но серьезный лягушонок был уже на месте. Лягушонок — он вежливый — о дожде ничего не сказал. Нетерпеливая Брыська заговорила сама.

— Вот так... — сказала она лягушонку и неопределенно мяукнула.

Серьезный лягушонок моргнул как-то виновато.

Стали зажигаться звездочки. Было очень тихо. И вдруг:

— Моя звездочка! — Это бабочка увидела, как в самом дальнем краю неба, очень далеко от звездочки лягушонка, зажглась совсем маленькая чуть розоватая звездочка.

— Почему ты решила, что она твоя? — подозрительно спросила Брыська и тут же подпрыгнула на всех четырех лапках. — Моя!!! Зажглась!!!

В этот миг прямо над Брыськиной макушкой ярко вспыхнула большая серебряная звезда.

— Нельзя не узнать свою звездочку, — почему-то шепотом отозвался лягушонок.

И снова все замолчали. Таким звездным было небо, так часто падали чужие звезды, что просто не о чем было говорить. А потом...

Потом? Ты представляешь, оказалось, что уже утро. И Брыська проснулась дома. И золотистая бабочка проснулась дома — под своим листочком. А когда же они ушли из лопушкового уголка сада, что и не заметили, что ушли? Так бывает.

А утро было!.. А день!.. Солнечный, веселый, яркий! Брыська и бабочка столько играли, что даже устали.

И следующий день был замечательным. Правда, на третий день пролился дождик. Так, небольшой. А лето шло, расцветало, зеленело, желтело постепенно. И дожди были. И даже ливни. Брыська и золотистая бабочка уже не так на них сердились: все равно после дождя будет солнце, будет весело.

...Однажды в конце лета, заигравшись до позднего вечера, до звезд, подружки оказались в дальнем лопушковом уголке сада. И даже немного удивились, не встретив там маленького серьезного лягушонка. А потом они удивились, не увидев в небе маленькой голубоватой звездочки..... Брыська и золотистая бабочка были очень рады за лягушонка. И им было очень грустно. Не из-за дождя, конечно. Пусть гуляет. Просто, выходит, не было у них того, что было у лягушонка: обыкновенного заветного желания.

А ЗАЙЦЫ ПЛАВАЮТ?

В лес пришла ночь. Уснули грибы и цветы, зайцы, белки, ежи и даже сороки. Но разве можно спать всему лесу? Мало ли что может случиться. Вот и придумал лес на всякий случай птиц, у которых день и ночь местами поменялись. Совы. Днем они спят, а как только стемнеет, просыпаются: всё видят, всё замечают.

В эту ночь, как обычно, совенок Шууфка летел по знакомому лесу. Тихо летел он и вдруг слышит, кто-то воет. Волк, наверное. Кто же еще лесу выть может? Но совенку показалось — странно воет волк. Не кровожадно, как ему положено, а, скорее, обиженно, растерянно. И тихо полетел разузнать, в чем дело. Вот крохотная лесная речушка. А возле все тот, который воет. Ну и волк...

Просто — заяц. Заяц, а никакой не волк, сидел, печально свесив уши чуть не до самого хвостика, и выл. От удивления совенок так и повис в воздухе, не шевелясь. И как же тут не удивиться? Зайцы не воют — всем известно. А этот!.. Шууфка хлопнул желтыми глазищами, сел на гибкую ветку кустарника, что рос над самой водой, и очень вежливо

— Уважаемый Заяц, извините, пожалуйста, но почему вы... воете?

А тот и не смотрит на совенка. И вообще, грустный совсем.

— Ответьте же мне. Заяц! Грустный заяц вздохнул.

— Ах, совенок, я вою от горя. Но ты меня не поймешь.

— Подождите, — разволновался Шууфка, — не войте, пожалуйста! Может быть, я все-таки пойму и смогу вам помочь?

— А ты не станешь смеяться? — Заяц недоверчиво скосил и без того раскосые глаза.

Шууфка так решительно замотал головой, что тоненькая веточка, на которой он сидел, запрыгала под его лапками и подбросила совенка в воздух.

— Если так, я тебе скажу. Видишь ли, Шууфка, мне очень хочется научиться плавать. Смешно, да?

— Смешно? Почему же смешно? Просто немножко не понятно. Заяц согласно закивал:

— Конечно, конечно. Я же говорил, ты не поймешь.

— Простите. Заяц, — возмутился совенок, — но это не я не понимаю, а вы не умеете объяснить. Скажите, почему вам хочется плавать ночью, когда спят все, кто может научить, — и лягушки, и рыбы?

Усевшись на толстой и прочной ветке старой ели, совенок задумчиво посмотрел на спящую воду.

— Потому что днем... Понимаешь ли... — Заяц смущенно оглянулся. — Неудобно днем: смеяться будут... — Заяц передразнил того, кто будет смеяться — «Ой-ой-ой! Заяц плывет! Ха-ха-ха!»

— Вон оно что, — вздохнул Шууфка, — раз вы такой стеснительный, будем плавать сначала ночью, а потом посмотрим.

— Неужели ты меня научишь?

— Видите ли, — засмеялся совенок и поднял перышки на макушке, — я совенок. А совыта и даже взрослые совы никогда не плавают. Мы летаем. Но у меня есть приятель — лягушонок Лашка. Лашка вас научит. Правда, придется его разбудить.

Сонный лягушонок сначала никак не мог понять, почему среди ночи он должен учить плавать незнакомого ему зайца.

— Да потому, что он хороший Заяц! И потому, что он хочет плавать! И не умеет! А ты умеешь! И потому, что я!.. И потому, что ты!.. — Совенок захлопал глазами, крыльями, завертел головой, запутался в словах.

— Ну что ты! Что ты! — Лашка выпрыгнул из своего домика под старой корягой. — Я не против. Просто я не сразу проснулся. Где твой Заяц?

Заяц ждал. И уже боялся, что совенок не вернется, и лягушонка не приведет, и плавать его никто не научит... И ему снова захотелось выть.

— Добрый день! В смысле — ночь! В смысле — здравствуйте! — проквакал, выскочив из травы, лягушонок. — Я — Лашка.

— Да, это он, — подтвердил совенок, устраиваясь на старой елке.

— Ой! — Заяц сжался в комочек.

Теперь ему было страшно, потому что знал: придется лезть в воду.

— Не волнуйтесь, пожалуйста, — успокаивал лягушонок. — У вас все получится. Вы ведь хотите плавать?

— Очень! — Заяц кивнул так энергично, что уши его слегка стукнули Лашку по голове. — Ой, простите, я не хотел. — Заяц вздрогнул и отскочил.

Лягушонок посмотрел на зайца, посмотрел на воду и задумался: «Как же можно научить его плавать?!» Но не научить было нельзя, потому что заяц ждал и смотрел на лягушонка с такой надеждой, что Лашка даже немного завоображал.

— Так, — сказал он и потрогал лапкой воду, — вода хорошая. Заяц, пожалуйста, внимательно следите за мной. — Лашка прыгнул в воду.

Лягушонок очень тщательно проделывал все плавательные движения, объясняя, что для чего нужно. Заяц смотрел и не дышал. Лашка выпрыгнул на берег.

— Вот, — сказал он зайцу, — теперь давайте вместе. Прыгнем! Прыгнули. Лягушонок в воду. Заяц тоже очень хорошо, отлично прыгнул, высоко, легко. Вот только опустился не в воду, а туда же, откуда прыгал. И очень удивился. Потому что хотел прыгнуть в воду.

— Заяц! — Лягушонок выпрыгнул на берег. — Вы раздумали плавать?

Лашка даже расстроился. Ему и самому уже хотелось научить зайца плавать.

— Не мог Заяц раздумать! — Это совенок слетел со своей ветки. — Вы, наверное, просто боитесь, Заяц!

— Боюсь, — признался заяц.

— Ничего, — сказал лягушонок. — Я придумал. В воду вам, Заяц, окунуться все-таки придется. Без этого никак нельзя плавать. Но, — Лашка важно прохаживался, — чтобы вам не было так страшно, вы будете держаться за лапки Шууфки, а ты, Шууфка, спрячь когти и лети над самой водой. Сможешь?

— Смогу. — Совенок показал, как он уберет когти.

— А я, — лягушонок подскочил к зайцу, — я буду поддерживать вас за хвостик. Вы не возражаете?

— Нисколько! — обрадовался заяц.

Он медленно вошел в воду. Вода еле-еле доходила ему до живота и была теплой и спокойной. Вот и «поплыли» они вместе: заяц в воде, Лашка — под водой и Шууфка сверху. Плывут. А вода выше не поднимается, и ничего удивительного в этом нет. Ведь речка называлась речкой только для лягушат, а на самом деле была маленьким лесным ручейком. Совсем маленьким. Заяц убедился в том, что вода, а вернее, дно ручейка держит его надежно, и совсем перестал бояться. Отпустил лапки совенка, осторожно стряхнул с хвостика лягушонка и запрыгал в воде.

— Плыву!! Плыву!! — завизжал заяц. — Вы видите? Ну конечно же, и совенок, и лягушонок видели, и им тоже показалось, что заяц плывет замечательно. Он «плавал», «плавал», пока не расплескал половину ручейка, выбрался на берег, отряхнулся и удивленно спросил:

— Это я плавал?

— Конечно, конечно, вы очень хорошо плавали, Заяц! Лашка и Шууфка были довольны не меньше его самого... И только старая елка, что росла у ручья, поняла, что заяц просто прыгал, а совсем не плавал. Но она никому об этом не скажет — пусть думают, что плавал. Раз так хочется и зайцу, и совенку, и лягушонку.

ПРО СОВУ

В одном городке, конечно, волшебном, в том самом городке, что далеко-далеко за лесом и речкой, жили-были... кто только не жил! В домике с красной крышей жила мама зайчиха со своим зайчиком. В доме с крышей зеленой жила тетушка коза с козленком. В самом маленьком домике с ярко-желтой крышей жил дедушка еж с ежатами. Еще было много разных домиков с разными жильцами.

И вот в одном доме жила-была сова. Это была очень серьезная птица. И красивая. Ее мягкие серые перышки отливали коричневым блеском. А большие-пребольшие желтые-прежелтые круглые глаза были добрыми и очень внимательными.

Вокруг совиного домика-пирамидки росли красивые красные цветы. Сова заботливо ухаживала за своим маленьким садиком. Рано утром, пока лучи солнца были не жаркими, сова брала лейку и поливала каждый цветок. Сова любила свои цветы, но охотно дарила их соседям, знакомым. Если ей нужно было с кем-то повидаться, кому-то что-то сказать, она обязательно срывала самый красивый цветок, сначала преподносила его, а уже потом сообщала новость.

Вот такая жила-была сова. И красивая, и умная, и не жадная.

А вот, представьте себе, не любили ее. И мама зайчиха, и тетушка коза, и дедушка еж, да и остальные жители волшебного городка.

И не то чтобы не любили сову: ничего плохого она никому не сделала. А просто никто никогда ей не радовался. Даже наоборот. Вот видит кто-то летит сова, в клюве прекрасный цветок держит, видит кто-то и думает:

«Только бы не ко мне! Только бы не ко мне!!»

Почему же так? Почему же боялись сову? А потому, что сова раньше всех о плохом узнавала, раньше всех плохие новости сообщала.

И откуда узнавала она все?! Дело в том, что добрые ярко-желтые глаза совы были очень внимательны. «Добрые?! — скажешь ты. — Какие же они добрые, если все плохое замечают?!» А ты послушай сказку дальше и решай — добрые глаза у совы или нет. Да и сама сова добрая? Нет ли?

...Рано утром ползет сова свои красивые красные цветы, и нет у нее больше дел. Взлетает она на мягких сильных крыльях на самый верхний, кстати фиолетовый, этаж своего разноцветного домика-пирамидки и садится у окна. То дремлет, то по сторонам поглядывает. А глаза большие, зоркие. Как тут не увидеть! Что?

Например, вот что. Выбегают из своего маленького домика ежата. Дедушка еж провожает колючих внучат на прогулку и следит за тем, чтобы каждый ежонок был обут в сапожки. Ведь только что прошел дождь, и на улице видимо-невидимо лужиц. Но только дедушка еж скрылся в домике, как непослушные ежата сбросили свои крохотные сапожки со всех лапок и босиком зашлепали по маленьким лужицам. Ежатам было очень весело оттого, что лужицы так смешно разбрызгивались. Весело-то весело, но что будет, если по лужам бегать босиком? Простуда! Или даже ангина! Все взрослые, конечно же, об этом знали. Знала и сова. Только все были заняты делами — кто по дому, кто в огороде, — никто ничего не видел. А сова сидела у своего окошка и все видела. Вот она и узнавала раньше всех, когда непослушные ежата наверняка схватят простуду. Ну, скажи, могла ли сова, серьезная птица, не предупредить дедушку ежа? Предупредить, чтобы дедушка заранее купил лекарство для своих ежат. Права сова?

А бывало так. Уйдут по делам мама зайчиха и тетушка коза, а зайчонок и козленок заберутся в огород. Огород у зайчихи и козы общий: обе выращивают морковь, репу, капусту. Если бы зайчонок и козленок без разрешения лакомились только капустой и морковью, еще бы ладно. Но вот видит сова — съели маленькие разбойники по половинке репы. Разве можно! Ведь репа еще не созрела, еще зеленая! У козленка и зайчонка животы заболят. Сова очень разволновалась. Она решила, что необходимо срочно рассказать обо всем маме зайчихе и тетушке козе, чтобы они побыстрее записали своих малышей к врачу. Права сова?

Права не права, как увидит что-нибудь тревожное, так спешит предупредить. А чтобы как-то смягчить неприятную новость, сова сначала дарит соседке один из своих прекрасных красных цветов, а уже потом вежливо-превежливо огорчает. А что ей остается?

Вот и сейчас сорвала сова три цветка и полетела предупреждать дедушку ежа, маму зайчиху и тетушку козу.

— Ух, ух, ух! Уважаемый дедушка еж! Почтительно прошу вас любезно принять мой цветок, а также предупреждение: ваши ежата должны заболеть ангиной, потому что бегали босиком по лужам. Ух, ух, ух! Прошу простить, но вам нужно быстрее бежать за лекарством. Ух, ух, ух!

Огорчился дедушка еж, очень огорчился, но уже знал, точно знал, что ежатам нужно принять таблетки от ангины.

А сова летит дальше.

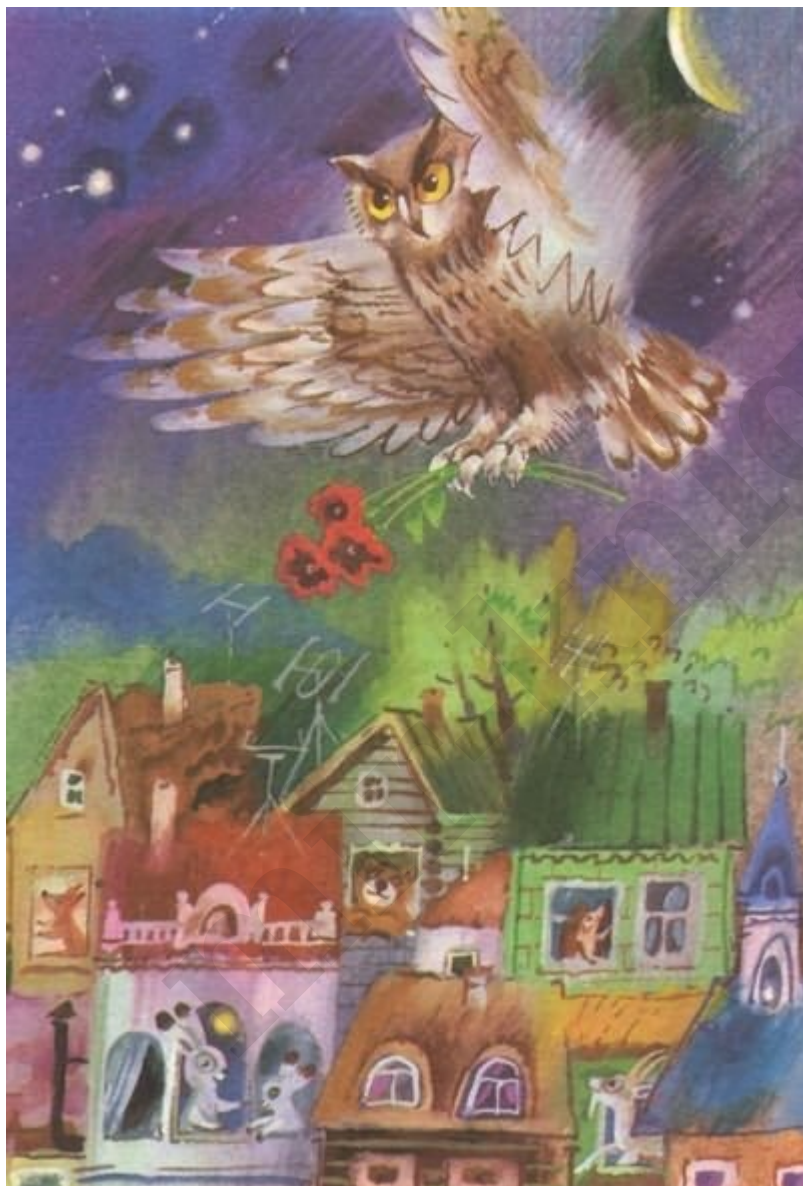
— Ух, ух, ух! Многоуважаемые мама зайчиха и тетушка коза! Будьте добры, примите мои скромные цветы и тревожное предупреждение! Ух! Ух! Ух!

Что сказала сова дальше, ты, конечно, знаешь.

Встревожились мама зайчиха и тетушка коза. Очень встревожились, но немедленно отвели своих малышей к врачу. Он тут же дал им таблетки от живота, и зайчонок с козленком даже не успели заболеть.

Вот такую историю о сове рассказал мне волшебник. О сове, что жила-была в волшебном городке. Все видела, все знала. Так добрая она? Или нет? Скажешь: «Нет. Ведь она огорчала всех».

Или скажешь: «Да. Ведь она о неприятностях предупреждала, значит, помогала с ними справляться». Подумай, тогда разберешься. Может быть, зря не любят сову жители волшебного городка?

РАДУГА

Небо голубое с солнцем золотым — это здорово! Весело и красиво. И белые облака тоже хороши. А золотые крапинки звезд? А сверкающий дождь? А мягкий нежный туман? Чудеса, да и только! Мы-то, конечно, не считаем, что это чудеса. Привыкли. Знаем, что и дождь прольется, и звезды замигают, и солнце непременно встанет вовремя.

Правда, иногда мы все-таки удивляемся и даже восхищаемся. Тем восхищаемся, тому удивляемся, что не часто видим. Вот радуга. От края до края света встала яркая разноцветная дуга. Семь полос, семь лент светятся, сияют. Красная, оранжевая, желтая, зеленая, голубая, синяя, фиолетовая. Увидев такую радугу, мы зовем друг друга, даже загадываем желания. Но это редко бывает. Чаще радуга показывается нам маленьким обрывком разноцветной, но не яркой ленточки. Мы и этому рады. Потому что забыли те давние-давние времена, когда каждое утро начиналось с того, что зажигалась яркая, во все небо радуга.

Раньше солнца вставала радуга. До позднего вечера вместе с солнцем светила людям. Привыкли люди к радуге. Наверное, чересчур привыкли. А потому, когда у нее случилась беда, люди ничего и не заметили.

А произошло вот что. Жил-был один человек. Обыкновенный человек. Его красивый дом стоял в чудесном саду. Человек жил хорошо, всем был доволен. Но вот однажды утром зазвонил его телефон и сказал что-то очень обидное. Хотя нет. Телефон не звонил. Ведь дело-то давнее. Телефонов тогда не было. Скорее всего, обидные слова принесла телеграмма. Но вряд ли. Телеграфа тогда тоже не было. Обида нашла человека как-то проще. Он что-то вспомнил. Или что-то ему показалось. Или в словах кого-то из близких почудилось то, чего и в помине не было. Так или иначе, стало человеку обидно и горько. Казалось, случилось что-то непоправимое.

Вышел человек в сад. И встретили его, как и вчера, и позавчера, и раньше, красные розы, оранжевые ноготки, желтые золотые шары, зеленая трава, голубые незабудки, синие колокольчики, фиолетовые тюльпаны. Цветы радостно повернулись к человеку. Но человек был не совсем тот, что вчера. А скорее, совсем не тот. Обида затуманила ему глаза, а раздражение разбудило несправедливость и злые слова.

Необыкновенно яркие красные розы услышали от человека, что он так старательно за ними ухаживает, что просто стыдно им быть такими бледными. Оранжевым ноготкам человек сказал, что они слишком оранжевые, что маленьким цветкам неприлично быть яркими. А желтые золотые шары оказались виноваты в том, что сколько их ни тряс, не упадет ни одной

золотой монетки. Только зря называются золотыми. Зеленую траву человек упрекнул в том, что она лохматая-косматая, хотя раньше считалось, что трава просто густая и пышная. Голубым незабудкам человек сказал, что скромность — это хорошо, но не до такой степени, чтобы разглядеть было трудно. Синие колокольчики оказались виноваты в том, что не умеют звенеть так же, как серебряные колокольчики-звоночки на дверях дома. Фиолетовым тюльпанам человек сказал, что, сажая их луковицы, хотел, чтобы выросли белые цветы, а потому, оказавшись фиолетовыми, тюльпаны очень огорчили, а может, даже обманули его.

В общем, для всех цветов неизвестно откуда взялись у человека недобрые слова. В конце концов, окинув взглядом цветы, человек сказал еще несколько слов:

— Да и какая от всех от вас польза? Выполоть вас! С корнем вырвать надо, а двор асфальтом залить!

Человек и сам зажмурился, услышав собственные страшные слова. А цветы... Цветы и трава так испугались, что мгновенно потеряли свои яркие чудесные краски и стали серого цвета. Цвета серых мышей или даже крыс.

Солнце вздрогнуло, увидев, что случилось, вздрогнули легкие облака, застыло небо, радуга качнулась. Ты ведь помнишь, что в те давние времена радуга каждый день сияла.

Нужно было что-то делать. И быстро! Пока зажмурившийся человек не открыл глаза. Пока не увидел, что серыми стали цветы. Людям нельзя видеть серые цветы — это очень, очень опасно...

И тогда семицветная радуга в один миг бросила свои яркие ленты цветам: розам — красную, ноготкам — оранжевую, золотым шарам — желтую, траве — зеленую, незабудкам — голубую, колокольчикам — синюю, тюльпанам — фиолетовую.

Цветы стали еще прекраснее. А человек, уже, конечно, открывший глаза, стал прежним. Таким, как вчера, позавчера, раньше. Его собственные злые слова будто окатили его ледяной водой, в которой растворилась обида и несправедливость. Осталась, правда, легкая головная боль. Но она скоро пройдет. Человек попросил у цветов прощения.

— Ах, что вы! Ах, о чем вы! — сказали добрые цветы. — Все бывает.

И человек снова стал жить хорошо...

А как радуга? Плохо... Чуть заметны бледные полосы — следы от подаренных цветам ярких лент. Почти весь свой цвет потеряла радуга. И заболела. Ведь сила радуги в ее цвете. Как больной человек сжимается в комочек под одеялом, так заболевшая радуга сжалась в маленькую бледно-цветную ленточку и спряталась в облаках.

Люди ничего не заметили. Ведь у них остались солнце и луна, звезды и дождь, туман и северное сияние, облака и еще столько чудес, что не счесть.

...Прошло много лет, очень много времени. А время, говорят, все лечит. Радуга стала поправляться. Когда чувствует себя получше, встает дугой, высокой, яркой. Когда сил поменьше, появляется ленточка маленькая. Ненадолго, но все-таки старается показаться людям. Ведь поняли люди наконец, что радуга им очень нужна.

НОЧНАЯ СКАЗКА

Хозяйка ночи — Луна была недовольна. Дело в том, что несколько звездочек не горели спокойно и весело, как все остальные, а тревожно перемигивались. Казалось, они были очень удивлены.

«Интересно, — подумала Луна, — что могло удивить звезды? Извержения вулканов? Тайфуны? Нет, звезды давно привыкли к этому. Здесь что-то не то».

— Дорогие мои, — обратилась Луна к звездочкам, — что это вы разволновались? Что на земле заметили?

— Ах, тетушка Луна, — затараторили звезды, — взгляните вниз, прямо-прямо вниз.

— Вижу, вижу, — сказала Луна, — огромный, сияющий огнями город. Да только что ему удивляться? Каждую ночь под нами проплывает.

— Нет, нет, тетушка, не то. Чуть-чуть левее посмотрите.

— Левее?.. — прищурилась Луна. — Река, а на берегу темнеет что-то. Не разберу что.

— Ну, тетушка Луна, ну, пожалуйста, — совсем разволновались звезды.

— Да тише вы, — не сердито прикрикнула Луна, — успокойтесь, а то на землю посыплетесь! Надену очки и все разгляжу.

Надела Луна очки, а пролетающая мимо маленькая комета заботливо протерла их своим хвостом.

— Ну вот, — сказала Луна, — теперь вижу. Эта темная точка — маленькая деревушка.

— Так, — хором подтвердили звездочки. — А на крыше крайнего домика видите?..

— Ну, глазастые! — Луна поправила очки. — На крыше? Вот невидаль — кошка на крыше. Ой, — запнулась Луна, — что это с ней?

— Плачет, — в один голос ответили звездочки.

— Плачет, — растерянно повторила Луна.

«Что за переполох, — скажешь ты, — почему встревожились звезды? Отчего Луна растерялась?»

Кошка плачет. Ну так что. Мало ли у кого какие причины для слез. Но видишь ли, кошки — существа скрытные, сдержанные. И вдруг... Кошка плачет на глазах у всего звездного неба и не стесняется.

Кошка из нашей сказки сидела на краю крыши и плакала горько-горько. Слезы она вытирала лапками, и лапки ее совсем промокли.

Луна и звезды пошептались и решили помочь этой кошке, такой расстроенной, такой огорченной.

— Милая кошка, — сказала Луна, — поделитесь со мной и со звездами своим горем. Может быть, мы сумеем вам помочь?

Кошке не хотелось рассказывать о своей беде, но и не ответить было неудобно.

— У меня заболел друг, — всхлипнула кошка, — может быть, даже умер. Он погас и молчит.

— Ой, — вздрогнули звездочки.

— Ах, — вздохнула Луна, — а кто же ваш друг?

— Фонарь, — ответила кошка.

И она рассказала, что уже давно дружит с фонарем. Его матовая яркая-преярая шапочка-головка доставала до самой кошкиной крыши и светила всю ночь. И всю ночь кошка и фонарь разговаривали, рассказывали друг другу разные истории, а кошка даже мурлыкала песенки. Фонарь, правда, петь не умел.

Вот и сегодня, как стемнело, кошка вспрыгнула на знакомую крышу. Но фонарь не встретил ее привычным веселым светом. Матовая шапочка тускло белела в темноте. Кошка мяукнула, звала, плакала, но фонарь молчал и не зажигался.

— Вот я и решила, что мой друг очень тяжело заболел, — закончила кошка.

— Да-а, — отозвалась Луна, — лечить фонари я не умею. Но не стоит отчаиваться. Кое-что я все-таки могу, Я и мои подруги звезды владеем некоторыми тайнами волшебства. Я, Луна, подарю вам волшебный лунный камешек. Он заменит вам вашего друга. Сияет он ярче любого фонаря, а его сказочные истории гораздо интереснее обыкновенных земных сказок.

Кошка покачала головой.

— Спасибо, — сказала она, — но мне не нужен волшебный камешек с его неземными историями и неземным светом. И потом, у нас на земле говорят: «Старый друг лучше новых двух».

Луна поправила очки — ей стало немножко неловко, но звездочки поспешили ей на помощь.

— Милая кошка, — замигали они, — мы тоже, тоже хотим дружить с вами! Посмотрите, какие мы яркие, веселые, красивые.

— Да-да, — вежливо соглашалась кошка, — вы веселые, вы красивые, но вы такие... далекие.

— Это не беда, — снисходительно заметила Луна, — я решила вам помочь, и я помогу вам. Я сделаю для вас то, что делается в самых редких, самых крайних, просто в самых исключительных случаях. Я превращу вас в Звездную Кошку, созвездие Кошки.

— Ах! — восторженно сказали звезды. А кошка ничего не сказала.

— Вы слышите, кошка? — продолжала Луна. — Вы будете жить среди звезд. Звезды будут вашими друзьями, вы быстро забудете о фонаре. Вы довольны, кошка?

— Нет, — тихо и почти сердито ответила кошка, — звезды прекрасны, но я не хочу жить среди звезд. Я хочу сидеть на этой крыше и разговаривать со своим другом — фонарем. Я не хочу быть Звездной Кошкой.

— Ну, уж это слишком, слишком, слишком! — возмущенно замигали звездочки.

Они помигали, помигали и успокоились. Звезды слишком обиделись на кошку, чтобы волноваться за нее. Они загорелись ровно и спокойно, как им и положено.

Луна еще некоторое время смотрела на кошку. А потом сказала:

— Вы очень земная кошка. Я не могу вам помочь. Извините.

И Луна сняла очки.

И напрасно. Иначе она бы увидела, что вскоре зажегся кошкин фонарь. Зажегся, потому что о кошкиной беде узнал очень земной человек. Сторож, кажется. Он не знал никаких волшебных секретов, зато умел лечить — «чинить», я хотела сказать, — фонари. Дело-то обыкновенное. Только выходит, обыкновенное важнее волшебного может быть.

Чего не случается на земле.

ЧУДО-ХОЗЯЮШКА

Жила-была хозяйка. Добрая, ласковая хозяйюшка. Хлопотливая, аккуратная. Все кастрюльки, сковородки блестели у нее, как зеркальные. Скатерти были как ни у кого чистыми и

накрахмаленными. А полотенца такими свежими и наглаженными, что, казалось, готовы были взлететь.

Если на одной из ее многочисленных белоснежных салфеток появлялось какое-нибудь крохотное пятнышко, хозяйка приходила просто в ужас. Она замачивала и кипятила салфетку с разными порошками, отбеливала, стирала, полоскала ее с таким усердием, что каким бы упрямым ни было пятнышко, оно исчезало навсегда. Рассказы о замечательной хозяйке разбежались далеко-далеко.

Однажды вечером хозяйка услышала странный звук: будто кто-то царапается к ней в дверь. Открыла — и видит: сидит огромный-преогромный, косматый-прекосматый пес. И такой уж черный, что представить трудно. Сидит эта зверюга и плачет. Так горько плакала огромная собака, что хозяйка даже не испугалась ее.

— Что с тобой, — говорит, — собаченька, случилось? Почему ты плачешь?

— Дразнятся все, — всхлипывает пес, — и люди, и собаки, и даже кошки!

— Дразнятся? Почему же?

— Да, понимаете, у меня хозяин веселый... Очень уж веселый, не подумал и назвал меня... Стыдно сказать... Снежком назвал... Хозяйка всплеснула руками и охнула.

— А какой я Снежок? — продолжал пес, встряхивая длинными черными космами. — Я слышал, вы хозяйка необыкновенная. Все-все можете. И отбелить, и отстирать все на свете умеете. Может быть, вы... согласились бы... — совсем застенялся пес, — меня Снежком настоящим сделать? — Он осторожно посмотрел на хозяйку.

— Да я... — запинаясь хозяйка, — я никогда не стирала собак.

— А может быть, все-таки попробуете? — Косматый черный пес умоляюще смотрел и подвывал.

— Ну что ж, заходи. Посмотрим, что с тобой можно сделать. Снежок нерешительно вздохнул и, осторожно ступая, вошел в квартиру. Чистота... Порядок... Светло и уютно. Еще чернее кажется черный Снежок.

Посмотрела на него хозяйка и говорит:

— Ты меня прости, пожалуйста, Снежок, но, может быть, ты просто не очень часто моешься?

— Я?! Не моюсь?! — Пес даже взвизгнул от обиды. — Да я три раза в день моюсь специальным собачьим шампунем. А все черный.

— Собачий шампунь — это, конечно, хорошо. Но если ты не против, я помою тебя другими шампунями.

— Я нисколько не против. Делайте все, что нужно. А то ведь... даже кошки смеются! — снова всхлипнул пес.

И хозяйка стала его мыть. Сначала желтым шампунем, потом зеленым, потом синим, потом розовым, потом порошками «Лотос» и «Астра», потом держала в отбеливателе «Лебедь». Потом тщательно прополооскала кипяченой водой, потом водой с уксусом. А Снежок и не думал белеть.

— Придется кипятить, — решительно сказала хозяйюшка.

— Да я же сварюсь! — испугался пес.

— Не волнуйся, — успокоила его хозяйюшка, — не тебя, а твою шкурку кипятить буду. Шубку свою черную снимай.

— А как же я? А в чем же я?

— А ты пока надень вот это.

И хозяйка протянула Снежку халат: толстый, махровый, белый-белый в мелкие сиреневые цветочки. Снежок быстро сбросил шубку и влез в халат. Халат оказался в самый раз. Он так шел Снежку, что, казалось, пес в нем и родился.

Хозяйюшка стала кипятить косматую черную шкурку. И опять напрасно. Ни один волосок не побелел. Расстроилась хозяйка:

— Не могу помочь тебе, собаченька.

Совсем загрустил Снежок. Уже хотел переодеваться в свою черную шубку-шкурку. Вдруг хозяйка задумалась о чем-то и спрашивает:

— А если ты будешь не совсем белый, а в цветочек, как этот халатик? Снежок подошел к большому зеркалу, долго рассматривал себя и остался очень доволен:

— Здо-о-орово! Просто замечательно! Нарядно-то как!! Эти вредные кошки завидовать будут! Только вот рукавов нет для задних лап.

— Ну, Снежок, это не беда.

Взяла чудо-хозяйюшка ножницы, иголку, нитки. И вот уже готова чудесная махровая шкурка, белая с сиреневыми цветочками. Смотрится Снежок в зеркало — насмотреться не может.

А хозяйюшка аккуратно сложила черную шкурку, положила ее в пакет и перевязала лентой.

— Захвати с собой, может быть, твой странный хозяин Угольком тебя назвать захочет.

...Так появился махровый белый пес в сиреневый цветочек. И если ты встретишь его, он обязательно расскажет тебе о чудо-хозяйке, с которой крепко подружился.

МОРОЗНОЕ ОКОШКО

Котенок Кис был маленьким и со всеми хотел дружить. А больше всех — с окном: большим, блестящим, прозрачным.

— Вы самое красивое на свете! — сказал окну Кис.

Раздался звенящий легкий смех.

— Неужели самое красивое? — рассмеялось окно. Кис не мог подобрать слов: «Вы... Вы... Вы...»

— Не хвали, перехвалишь, — рассыпался голос окна. — Лучше прыгай ко мне.

— Высоко, — испугался Кис, — а я маленький.

Окно перестало звенеть, будто ожидая чего-то. Долго ждать не пришлось. Котенок прыгнул. Два горшка с фиалками — один с белыми, другой с лиловыми — быстро раздвинулись, уступая котенку место на подоконнике.

— Давай знакомиться, — одобрительно зазвенело окно.

— Я котенок Кис. Милое окно, вы такое красивое! А почему вы прозрачное? А за вами — это что? — пригляделся Кис. — Какие-то черные прутья? Зачем они? Такие некрасивые...

— Я прозрачное, потому что так захотели люди. Им приятно видеть то, что за мной.

— Приятно видеть эти грустные черные прутья?!

— Придет время, малыш, и из-за этих, как ты говоришь, грустных прутьев ты забудешь обо мне.

...Шли дни. Осень дождливая кончилась. Зима пришла. Котенок подрос немножко. Горшочки с фиалками уже привычно уступали ему место на подоконнике. Блестящее окно стало еще красивее, наряднее.

Сначала на стекле появились прекрасные звезды-снежинки. Затем чудесные белые кружева. Потом они превратились в бурное море. А потом друг окна Мороз нарисовал на стекле пушистые елочки-лапы. Они были как настоящие. Это случилось как раз под Новый год.

Котенок Кис очень сдружился с красивым окном, привык к его звенящему голосу. И конечно же, думать забыл о голых прутьях на улице. Кто-то как-то между прочим сказал ему, что они

называются кустами, деревьями.

А чудесные превращения окна продолжались. На стекле появлялись то невиданные узоры, то снова волшебные кружева, то опять разные снежинки. И ни разу прекрасные рисунки не повторялись. Каждый день новые.

Потом пришел месяц март. Это было и хорошо, и плохо. Хорошо, потому что солнечные лучи стали ярче, и оттого узоры на окне засверкали тоже ярче. А плохо, потому что солнце стало горячее, и чудесные рисунки быстро исчезали.

А потом произошла страшная неприятность. Она называлась — ремонт. Котенку на время запретили входить в комнату с окном. Долго тянулся ремонт. Долго не виделись котенок и окошко. Прошел апрель, половина мая. Наконец неприятности кончились, ремонт ушел насовсем.

Кис тут же помчался к окну. Фиалки не забыли его — уступили место. Мгновение — Кис на подоконнике... И... Он забыл об окне. Обо всем забыл, он увидел, что черные ветки превратились во что-то прекрасное, зеленое-зеленое. Казалось, что деревья и кусты живые! А может, так оно и было. Маленький Кис увидел это зеленое чудо не только глазами, но и ушами, и носом. Недавно распутившиеся листочки шелестели какую-то, только что сочиненную мелодию. А как они пахли!

Маленький Кис замер. Он и не заметил, что самого окна почти не видно: распахнуто окно. Застыл котенок на миг и кинулся, хорошо — этаж первый, в зелень. На все лето кинулся. Он забегал домой. Иногда. Но там, в зеленом теплом времени года, что зовется лето, ему было гораздо лучше.

А окно? Окно не ошиблось. Котенок забыл о нем. Правда, иногда, когда Кис дремал в зеленой траве, ему снились белые звездочки и мохнатые новогодние лапы. Окно не обижалось. Могло ли взрослое умное окно сердиться на котенка, который просто голову потерял.

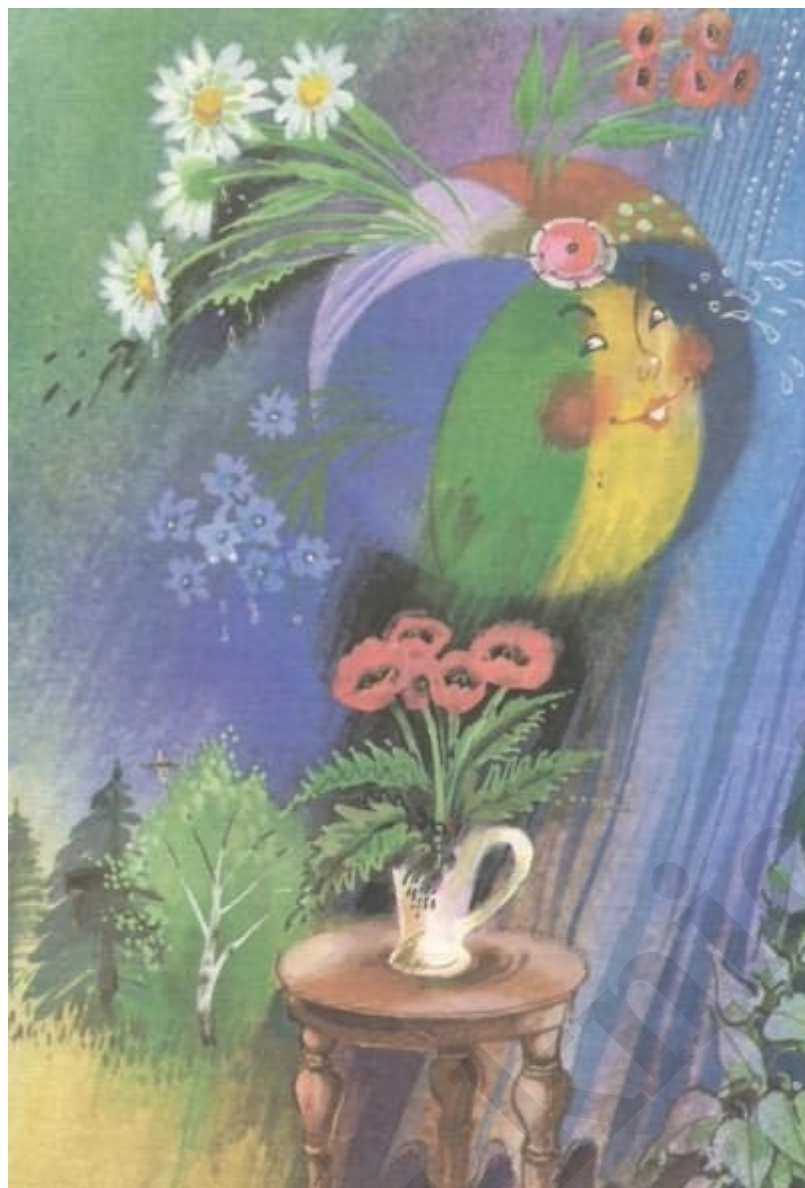
И еще. Окно точно знало, что тепло — не навсегда, что придут холода. Окно знало, что его хозяйка замерзнет и попросит не пускать домой холод. И окно закроется. И тогда, в этом мудрое окошко не сомневалось, подойдет повзрослевший Кис и немного виновато посмотрит вверх. Фиалки, белые и лиловые, недовольно — они еще не совсем простили котенка — уступят ему место, и Кис легко прыгнет на подоконник.

— Простите меня, — скажет Кис.

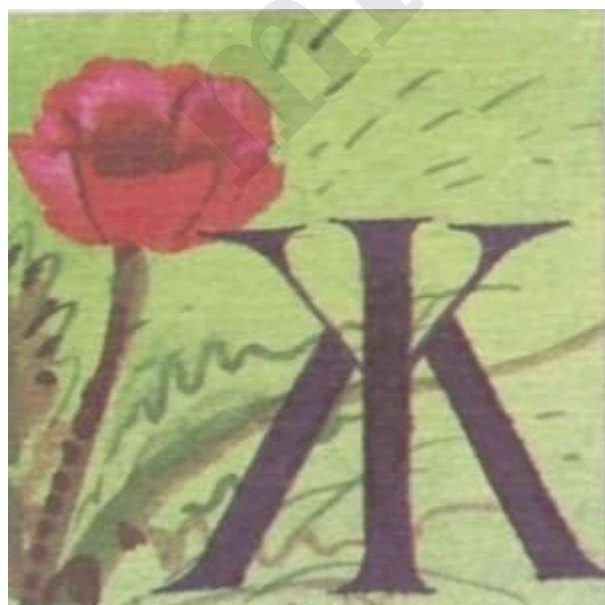
— О чем ты? — будто бы удивится окошко.

А еще через некоторое время из дальних северных стран вернется друг окна — Мороз. И на стекле снова появятся чудесные рисунки: то звезды — снежинки, то волшебные кружева, а под Новый год самые настоящие пушистые елочки-лапы. И Кис скажет:

— Вы самое-самое красивое!

МАКИ И МЯЧ

Жил-был яркий, разноцветный, надувной мяч. Это так. Но сказку начнем по-другому. В нарядной комнате в необычной, очень современной вазе стояли цветы. Ярко-красные маки. И

круглый год, даже зимой, оставались яркими и красивыми. Потому что не были настоящими. Это были искусственные цветы, очень искусно сделанные из синтетического материала с каким-то хитрым названием. Цветы казались почти настоящими. Маки были будто живые.

...Но вот пришло лето — то самое, обыкновенное. Хозяйка отправилась за город. Взяла с собой дочку, а дочка, конечно, не забыла веселый надувной мяч. О котором я уже говорила. Яркие цвета делили его, как волшебный апельсин, на дольки: долька синяя, долька желтая, потом зеленая, потом голубая, потом красная и белая и, наконец, в разноцветную крапинку.

Но дни шли и шли. Лето кончалось, кончалось и... кончилось. А как не хотелось забывать его — траву, речку, теплый дождь, веселый разноцветный мяч. А почему бы не поселиться ему, веселому мячу, в комнате насовсем? Ведь он тоже помнил, а значит, мог и напомнить лето. Вот и получилось как-то незаметно, что мяч устроился на столике рядом с ярко-красными неувядающими маками.

Сначала мяч и маки будто не замечали друг друга. Мяч просто стеснялся. А маки — те не сразу снизошли до разговора с каким-то там мячом. Но что-то наконец подсказало им, что это не «какой-то там» мяч, а, представьте, родственник. И ярко-красные цветы, пошуршав тонкими лепестками, решили завязать беседу.

— Уважаемый сосед, разве нам не о чем поговорить?

— Есть! — обрадовался мяч.

— Конечно, — кивнули маки, — ведь мы родственники.

— Родственники? — качнулся мяч. — Здорово! Но не понятно.

— Это очень просто. Мы надеемся, вам говорит о чем-то слово *экстраполиуретан*?

— Экстра... что? Поли... как? — не понял мяч.

— Экстраполиуретан, — легко повторили маки, — разве вы не знаете, что так называется замечательный синтетический материал, из которого сделаны и мы, и вы.

— Нет, — смутился разноцветный мяч.

— Странно, — удивились маки.

И подробно рассказали о том, из чего, как и где делается экстраполиуретан. Закончив рассказ, они важно спросили:

— Вам все понятно? Вы все запомнили?

— Ой, извините, — раздался голос с красной дольки мяча, — я не все поняла, потому что прослушала. Я развспоминалась.

— Что же вам вспомнилось? — немного недовольно осведомились маки.

— Да ничего особенного, — вздохнула красная долька, — просто поле маков.

— Поле маков? Таких, как мы?

— Нет, это были маки не из экстра... как там...

— Нет? А из чего же?

— А не из чего. Они просто росли. Они были настоящими.

— Настоящими? Из ничего? Как это?

— Очень просто, — слышался тихий голос голубой дольки, — мне, правда, больше запомнились незабудки. Голубые, как я.

— И тоже не из?... — удивленно начали маки.

— Нет! Не из... Так же, как и... — перебила белая долька мяча, — как и белые-белые ромашки. Они росли попеременно с незабудками, недалеко от маков. И все — ромашки, незабудки, маки — были не из чего. Просто живые.

— Живые! — хмыкнули ярко-красные маки. — Настоящие! Можно подумать, мы...

— Ах, нет! Ах, что вы! Мы совсем не то имели в виду, — спохватились красная, белая, голубая дольки мяча.

— Ничего-ничего. Не смущайтесь, — снисходительно закивали маки, — объясните только, почему те цветы... живые?

— Почему...

— Ну, как сказать...

— Трудно объяснить. Просто мы помним, что нам очень хотелось попрыгать по цветочному полю. Но наша девочка сказала, что цветам будет больно, если их ударить. Даже нечаянно! В прыжке. А вам, наверное...

— Да, да... — перебили маки, — это, в общем, понятно. И просто. Да, да! — Маки гордо подняли головки. — Это просто. И любопытно. Да-а-а. А вот... А вот... скажите, не знаете ли вы... — ярко-красные цветы неожиданно решили переменить тему разговора, — не знаете ли вы свой артикул?

— Арти... что? — не понял мяч, не поняла ни одна его долька.

— Ар-ти-кул. Это тоже очень просто. И важно! Это почти как паспорт у человека. Любая вещь имеет свой магазинный номер — артикул. У нас такой, — маки отдельно произнесли, — АДС-347/26-б. А у вас?

Вместо серьезного четкого ответа слышался легкий добрый смех синей дольки.

— Ой, — смеялась она, — я вспомнила про паспорт.

— Про паспорт? Что же здесь смешного? — удивились маки.

— Я по порядку, — сказала синяя долька. — Однажды с девочкой и мамой мы плыли в лодке по речке. Река была синей-синей. И спокойной, гладкой. И совсем не широкой.

— А по берегам росла необыкновенно зеленая, — подхватила зеленая долька, — высокая осока.

— И было так красиво, — продолжала синяя долька, — что мама на секунду отпустила весла, и

они уплыли. И речка тихо несла нас сама.

— А потом, — это уже зеленая долька, — речка решила пошутить и толкнула лодку в заросли зеленой осоки. Там, оказывается, прятался рыбак. А мы распугали ему рыбу. Рыбак рассердился и потребовал мамин паспорт. Но мама вежливо извинилась и вывернула пустые карманы сарафана. И рассмеялась. Рыбак хлопнул себя ладонью по лбу, тоже рассмеялся и подарил нам весла. А важный паспорт нам даже не понадобился.

— Что же, — помолчав, сказали маки, — наверное, и так может быть. На какую-то минуту разговор прервался. Маки, казалось, беззаботно покачивали ярко-красными головками. Будто напевая легкую мелодию. Но разноцветным долькам показалось, что маки то ли растеряны, то ли расстроены... Правда, скоро гордые цветы заговорили снова. И, кажется, так же приветливо и непринужденно.

— Все, о чем мы, то есть вы, говорили, занятно. Но вот желтая долька и долька в крапинку молчат. Неужели им нечего вспомнить?

— Что вы, что вы! Мы помним немало.

— Ну-ну! — будто бы весело поддразнивали маки.

— Я могу рассказать о теплом летнем дожде, — начала долька в крапинку.

— Лучше о том, помнишь, слепом дожде, — подсказала желтая долька.

— Что такое дождь — понятно. Хозяйка моет нас под душем. Это почти дождь, — сказали маки.

— Ну, что вы! — удивилась долька в крапинку.

— Как что? — настаивали маки. — Дождь — душ; душ — дождь. Здесь все ясно. И давайте не спорить.

Долька в крапинку обиженно замолчала, а маки попросили объяснить, что такое слепой дождь. Желтая долька ответила просто и честно:

— Слепой дождь — это солнечный дождь. Это дождь среди ясного и безоблачного неба. Это дождь, в каждой капле которого светится солнце. Вот и все.

— Нет и нет! — Маки почему-то рассердились. — Этого не может быть! Это антинаучно. Это ни на что не похоже. Мы никогда об этом не слышали. Мы не видели ничего подобного! Вы нас обманываете!

— Пожалуйста, успокойтесь, — стал уговаривать мяч, — мои разноцветные дольки... огорчили вас. Простите их. Ведь мы все-таки родственники.

— Мы? Ах, да, — вспомнили маки, — что-то мы разгорячились. Это вредно. Поговорим о другом.

Казалось, маки успокоились. Совсем успокоились. А что им волноваться? Ведь они из экстраполиуретана. Это надежно.

А потому, когда на столе возле вазы девочка вечером нашла сморщенный алый лепесток, она никак не могла понять, что это значит.

Что же это значит?.. Разве могут осыпаться искусственные цветы? Неужели могут?! А может, все-таки могут?

ПРО КОЛЮЧКИ

Жил-был кактус. Он жил на подоконнике в красивом горшке. Раз в год кактус расцветал. Один-единственный раз в году на макушке у него распускался один-единственный цветок. Прекрасный! Красно-бело-желто-розовый со множеством лепестков!

Весь остальной год у кактуса были иголки — вся головка в иголочках. Вместе с кактусом жили взрослые люди, маленькие дети, и еще жил-был веселый котенок.

Котенок очень уважал кактус. А все почему? А потому, что у него, у котенка, никогда, ну ни разу в жизни, не расцветал на макушке такой замечательный цветок, как у кактуса. Даже самая простая ромашка не распускалась на макушке котенка. А ему так хотелось! Но ничего не поделаешь — придется любоваться чужими цветами. Самое интересное, что котенок знал о цветах кактуса только по рассказам взрослых. А сам пока не видел. Ведь он маленький. И вот, когда наконец распустился необыкновенный цветок, котенку очень захотелось не только рассмотреть его, но и понюхать.

Котенок осторожно прыгнул на подоконник, подошел к цветущему кактусу, восхищенно захлопал зелеными глазами.

— Какой! Красивый! У вас! Цветок! — почти задохнулся котенок от восторга.

— Да, — серьезно ответил кактус. Кактусы всегда серьезны. — Да, котенок, ты прав.

— А можно, — робко спросил котенок, — я понюхаю ваш цветок? Раз он такой красивый, наверное, он очень ароматный.

Кактус не стал объяснять котенку, что его цветы никогда не пахнут. Котенок зажмурился, вытянул шейку, потянулся к цветку и... вдруг отпрыгнул в самый угол подоконника, к стеклу прижался.

— Ой, ой! Нос уколол! Вы что же когти не убираете?

— Когти? — удивился кактус. — Какие когти?

— Ну те, что на вас растут. Я же свои убираю. — Котенок показал мягкую лапку. — Вот! А могу выпустить. Вот так. Ну я же прячу! А вы царапаетесь! Зачем?

— Ах, вот ты о чем, — отозвался кактус, — это не когти, это иглы.

— Не важно, когти или иглы! Важно, они колются!!! Ну так почему же вы не убираете их?

— Иглы — это вещь нужная. Тебе же бывают нужны твои когти?

— Мне когти нужны, — ответил котенок, — на всякий случай. Я могу выпустить когти и царапаться, если, например, придет волк. Или кто-то еще злой. И потом, когти мне нужны для того, чтобы лазить по деревьям. Я же все-таки котенок. А вы просто царапаетесь. Непонятно, почему царапаетесь?

— Понятно. Очень понятно, — ответил кактус, — царапаюсь, потому что колючий.

— Так зачем? Зачем же вы колючий? Я никак не понимаю? Может быть, вы цветок охраняете?

— Нет, не охраняю. Я всегда колючий. И без цветка. Так лучше.

— Лучше?! — возмутился котенок. — Я вот нос уколол. Что в этом хорошего?

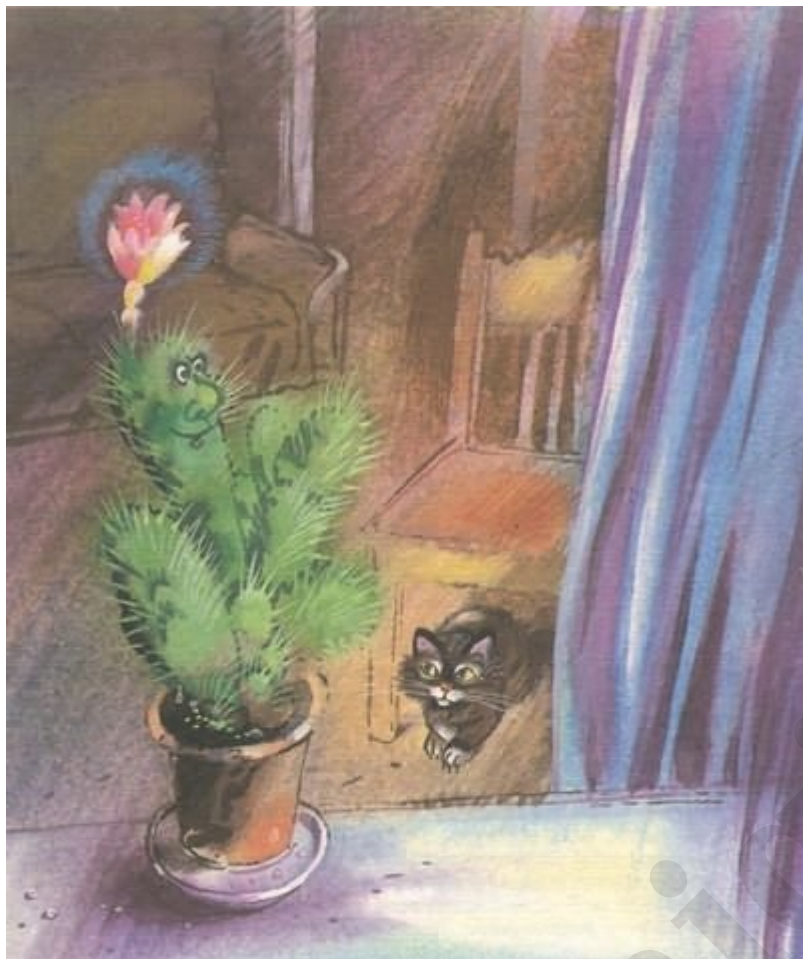
— Я, знаешь ли, не хотел тебя колоть, — равнодушно ответил кактус, — случайно вышло.

— Нет, не случайно, а потому, что вы колючий.

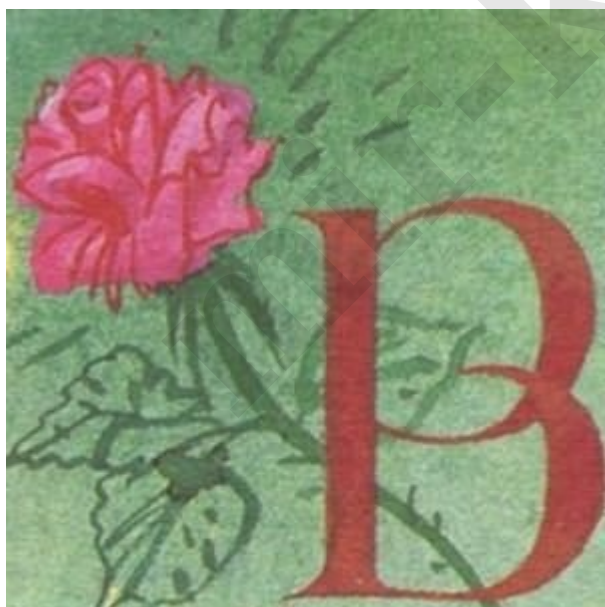
— Ну да, — согласился кактус, — я колючий. Я не злой. Я просто привык быть колючим. Привык, и все. Понимаешь? Понимаешь, я спрашиваю? Ну, что ты молчишь? — почему-то растерялся кактус. — Ладно. Подойди поближе. Посмотри цветок. Может, вдруг да и не уколешься.

— Спасибо, — грустно ответил котенок, — я отсюда хорошо вижу. У вас очень, очень, очень красивый цветок. Просто необыкновенный. Но я лучше пойду. С вами как-то... как-то не так с вами.

Котенок мягко прыгнул с подоконника. Посидел, погрустил о чем-то. Посмотрел на свою лапку со спрятанными коготками. И решил, что ни за что не согласился бы быть таким колючим-царапучим, как этот кактус. Царапучим просто так. Колючим по привычке. Ни за что бы не согласился! Даже за самый красивый цветок.

ВОЛШЕБНАЯ СКАЗКА

В доме переполох. Неприятность в доме. Почти беда. Заболела роза! Роза заболела! Та самая, что подарена маме на Новый год. В этом году Новый год снежный, морозный очень. Но розу для мамы все-таки удалось раздобыть-разыскать.

Целый предновогодний день стояла прекрасная роза в узкой стеклянной вазе. И тем, кто любовался чудесной, необыкновенно красивой розой, становилось радостно, тепло и так легко, будто весь наступающий год ни у кого не случится ни одной самой маленькой неприятности.

Так было днем. А вечером роза заболела. Не веришь? Не веришь, что цветы могут болеть? Могут, к сожалению.

Вечером, когда все сели за стол с новогодним пирогом, роза (она, конечно же, стояла в центре стола) собрала свои нежные лепестки в тугой комочек и... чихнула. Сначала все решили, что им показалось, но роза снова сжала лепестки и виновато чихнула. Тогда все замолчали, посмотрели на розу и ахнули: ее бледно-розовые лепестки стали ярко-красными. Конечно же, у розы поднялась высокая температура.

— Вирус, — уверенно сказала бабушка, — грипп.

— Сквозняк, — сказал папа, — простуда. А мама просто заплакала. Тогда маленькая мамина дочка прямо заявила:

— Вылечим.

Еще была кошка. Она ничего не сказала. Кошкам не положено говорить при людях. Ничего она не сказала, но внимательно посмотрела на розу и о чем-то задумалась.

И вся семья стала думать, как вылечить розу.

Бабушка сказала:

— Например, я, моя бабушка и даже бабушка моей бабушки лечили любую простуду сухой горчицей.

— Бабушка! — охнули все. — Какая горчица?! Ведь роза — самое нежное создание на свете.

— Я предлагаю накапать в воду противогриппозных капель, — неуверенно высказался папа. — Может быть, роза прочихается, и все пройдет.

— Что ты говоришь? — всплеснула руками мама. — Ведь это все-таки цветок, ведь это — роза!

— Послушайте меня, — сказала мамина дочка, — сейчас праздничный вечер, все ботанические сады закрыты, а завтра утром мы найдем самого главного и доброго ботаника, и он вылечит нашу розу.

А роза все сжимала лепестки и тихонько чихала. Жалко стало розу, так жалко, что даже Новый год встречать не захотелось. Легла расстроенная семья спать.

А кошка? Ты помнишь, я говорила о задумчивой кошке? У кошки ночью самые дела. Нужно сказать, что все кошки немножко волшебницы. Так уж вышло. Наша кошка тоже была чуть-чуть волшебницей. Ночью, когда в доме стало тихо, светло от лунных лучей, кошка мягко вспрыгнула на стол и подошла к розе.

Кошка и роза заговорили на языке, который непонятен людям, но понятен всем растениям и животным.

— Милая роза, — спросила кошка, — скажи мне, почему ты заболела? И тогда я, может быть, сумею тебя вылечить.

— Ах, кошка, — ответила роза, — разве ты не знаешь, отчего болеют цветы? Ведь мы живем для того, чтобы нами восхищались.

— Разве тобой не восхищались?!

— Восхищались, — грустно чихнула роза. — Все, кроме одной маминой подруги. Она забежала на минуту, каждому сказала что-то хорошее. А меня... меня... даже не заметила...

— Вот оно что, — поняла кошка, — ты заболела оттого, что кто-то не заметил твоей красоты?

— Да, — ответила роза, — если кому-нибудь наша красота не приносит радости, мы, розы, заболеваем.

— Да, — кошка задумчиво покачала головой, — это серьезное заболевание, но тебе повезло: сегодня волшебная единственная новогодняя ночь. Сегодня я могу тебе помочь. Нужно взять несколько самых ярких лунных лучей, сплести из них крошечный мешочек, положить в него три самые красивые новогодние снежинки, сказать волшебные слова и опустить лунный мешочек в вазу, из которой ты пьешь воду. К утру ты непременно поправишься. Подожди меня.

Скоро кошка вернулась. Она принесла лунный мешочек с сияющими новогодними снежинками. Кошка запыхалась, ее зеленые глаза горели, она очень торопилась, ей очень хотелось помочь прекрасной розе.

— Ну вот, — сказала кошка, — это лекарство поможет. Она опустила сплетенный из лучиков мешочек со снежинками в стеклянную вазу и попрощалась с розой. Лунный мешочек тотчас растаял, и когда утром к розе подошли мама, папа, бабушка и дочка, они его, конечно, не увидели. Зато им сразу стало ясно, что роза поправилась. Она больше не чихала, а лепестки снова стали бледно-розовыми.

Вся семья долго гадала, что же помогло розе выздороветь, и в конце концов решили, что это не важно, важно, что роза здорова.

Но роза так не думала. Ей очень хотелось узнать, что же ее вылечило.

Новогодняя ночь? Волшебное лекарство? А может быть, то, что кошке так хотелось ей помочь?

ЦВЕТЫ И ЗЕРКАЛО

Старое бабушкино зеркало стояло на старом бабушкином комод. Зеркало много лет смотрело

на мир, и стекло его слегка затуманилось. Совсем чуть-чуть. Оправа зеркала была очень красивая. Казалось, в ней спрятано множество сказок: ведь металлические нити, из которых она сделана, сплетались в удивительные узоры, цветы, листья.

Невдалеке от зеркала бабушка только что поставила узкую стеклянную вазу с цветами. Цветы отразились в зеркале. Это были гвоздики. Две гвоздики белые, две розовые и одна красная.

Гвоздики расправили свои резные лепестки, встряхнулись, распушились, огляделись. Совершенно неожиданно для себя они увидели в зеркале свое отражение. Потому неожиданно, что никогда раньше не видели зеркал и не знали, что на свете есть отражение. Да и сейчас решили, что это просто такие же, как они, цветы.

— Как это замечательно, — сказала красная, самая старшая, гвоздика, — нас ждут прекрасные цветы, хозяева здешних мест.

— Они прелестны, — сказали гвоздики белые.

— А нам кажется, — сказали розовые гвоздики, — что лучше назвать их очаровательными.

Старому бабушкиному зеркалу даже немножко смешно стало: гвоздики хвалили себя и не знали об этом.

Наконец гвоздики решили познакомиться с теми, другими цветами. Все пять гвоздик вежливо и грациозно поклонились своему отражению и произнесли какие-то добрые слова. Те, другие цветы тоже поклонились. Точно так же поклонились, но ничего не сказали. Это понятно. Ведь те гвоздики, что смотрели из зеркала, были не настоящие, а лишь отраженные.

— Они вежливы, но молчаливы, — сказала красная гвоздика.

— Быть может, они чересчур скромны, — предположили гвоздики белые.

Я не знаю, о чем спросили гвоздики свое отражение. И второго вопроса не знаю. И третьего. И даже десятого. Знаю только, что в конце концов гвоздики пришли в недоумение: оказывается, те, другие цветы не желают с ними разговаривать. Удивительно! До сих пор все цветы охотно разговаривали с гвоздиками. Ничего не понятно!

Зеркало решило раскрыть гвоздикам тайну тех, других цветов. Тихонько позвякивая, зеркало сказало, что других цветов вовсе и нет, что это просто отражение. И все.

— И все?! — не хотели верить гвоздики. — И все?! Так просто?

— Да, просто, — отвечало зеркало, — прекрасные, прелестные, очаровательные цветы — это вы. А ваше отражение замечательно сочетается с моей ажурной оправой. Правда?

Зеркало не сомневалось в том, что гвоздикам это приятно. Но, похоже, оно ошиблось. Гвоздики загрустили и замолчали.

Долго они молчали, а потом красная гвоздика робко спросила:

— Уважаемое зеркало, а вы уверены, что те, другие цветы... что их точно вовсе и нет?

— Конечно, — тихо зазвенело зеркало.

— Обидно, — сказала красная гвоздика.

— Грустно, — сказали белые гвоздики.

— Печально, — сказали гвоздики розовые.

А зеркало удивлялось. «Что же здесь обидного, грустного, печального? Как же они не понимают... — недоумевало оно, — как же прекрасные гвоздики не понимают, что раз здесь нет других цветов, они, бесспорно, самые красивые. Почему не радуются этому? Не гордятся?»

Гвоздики все понимали, но не радовались и не гордились. Они грустили. Им казалось, что они потеряли друзей: гвоздику красную, две гвоздики белые и две розовые гвоздики...

ПЕСТРАЯ СКАЗКА

Эта сказка — о цветах. Не о тех, что растут в поле или в саду. О цветах — красках, оттенках. Их гораздо больше, чем в обыкновенной полосатой радуге. Семь цветов, и все? Разве это так? А розовый? А васильковый? А просто белый или просто черный? Радуга их прячет, но они есть. И всегда рады нам показаться, подмигнуть, удивить нас.

Вот возьмет желтый цвет и обернется желтым одуванчиком, или желтым цыпленком, или маленьким грибочком лисичкой — здесь желтому немного поможет оранжевый цвет. Или, к примеру, черный цвет пошепчется с белым, и получится, может быть, зебра, может быть, школьная тетрадка, может быть, клавиши пианино.

Цвета-краски живут в мире и согласии. Дружат, помогают друг другу. Друг друга дополняют, оттеняют, подчеркивают красоту каждого. Темно-зеленый, почти малахитовый цвет старых елок, просто зеленый цвет травы, бледно-зеленый (его называют фисташковым) цвет молодых листочков так привязаны друг к другу, что трудно решить, давние ли они друзья или близкие родственники.

Вот еще два цвета: желтый и лиловый. Такие разные... А поссорились хоть раз? Думаю, нет. Иначе могла ли быть такой красивой клумба, на которой попеременно растут ярко-желтые и темно-лиловые тюльпаны? И откуда бы взялся наполовину желтый, наполовину лиловый цветок иван-да-марья?

Цвета-краски знают о том, что от ссор можно побледнеть, потускнеть, стереться. Да и просто не хотят, не любят цвета ссориться, поэтому и живут спокойно и вечно. Такие уж они есть, все,

кроме двух — синего и красного.

А эти чудесные цвета очень нужны, очень красивы. Это правда, это все краски и оттенки знают. Но никто не стремится узнать: красный ярче синего или синий красивее красного. Зачем? Поэтому со всеми другими цветами синий и красный в полном согласии, но между собой...

— Я!

— Нет, я!

— А я утверждаю, что я!

О чем они спорят? Обо всем, по порядку, по очереди, каждый день, каждый час. Очень сердито.

— Я, красный цвет, нужнее, чем вы, синий! — распалялся красный. — Нужнее, потому что само солнце красное!

Желтый, оранжевый, рыжий, золотой, розовый, багряный и множество других цветов промолчали из вежливости, хотя были дружны с солнцем не меньше цвета красного.

— Нет, — возмущался синий, — нет! Не вы, цвет красный, а я, синий, важнее людям! Потому что само небо синее!

Голубой, серый, розовый, черный (ночь есть ночь), печально-лиловый и еще многие-многие оттенки и цвета тоже промолчали, сделав вид, что ничего не слышали. И правильно: зачем спорить, если ничего не докажешь.

— Ух, — не отставал красный цвет, — все равно я сильнее. Потому что я... Потому что огонь... Огонь... — а он может все — он красный!

И снова промолчали оранжевый, желтый, золотой и вся тысяча, а может быть, миллион цветов и самых маленьких оттенков, без которых огня и на свете не было бы.

А синий цвет кричал:

— Я сильнее! Захочу — погашу огонь. Я — синий цвет, я — цвет воды. Я — реки, озера, моря, океаны.

Промолчали цвета морской волны, голубые, зеленоватые, промолчал белый цвет пены морского прибоя, промолчал серебряный цвет замерзшей воды — океанских айсбергов. Молча вздохнули эти цвета. Они не хотели гасить огонь — без него темно и холодно. Но знали они, что если синий цвет решил, что он самый-самый, словами его не переубедить. Должно что-то произойти, а пока...

— Я!

— Нет, я!

— А я утверждаю, что я!

...Наконец одна мама захотела сшить своей дочке новое платье. Мама — обыкновенная, дочка тоже обыкновенная. Только очень, очень синеглазая. Таких синих-пресиних глаз, наверное, ни

у кого на свете больше не было.

— Вашей дочке пойдет голубое платье, — говорили все. — Ведь у нее синие глаза, хотя белое или, например, желтое тоже будет неплохо.

Но мама сказала, что хочет сшить для синеглазой дочки красное платье. Почему именно красное? Не знаю почему, но как только девочка с синими-пресиними глазами надела красное платье, всем вокруг стало светлей и радостней. Будто пришел веселый, разноцветный праздник. К людям пришел.

А вот все на свете цвета — и желтый, и голубой, и белый, и бордовый, и остальные — так испугались, что на секунду погасли. Ведь два цвета-недруга — красный и синий — оказались рядом. Но два враждующих цвета вели себя вполне пристойно. Они друг друга, казалось, и не замечали. Им было стыдно ссориться при маленькой девочке.

Синеглазая девочка очень полюбила красное платье и надевала его часто-часто. И представь, скоро два прекрасных цвета нечаянно подружились. Кто из них первым нечаянно поздоровался, или попрощался, или сказал, что сегодня неплохая погода, — уже давно забыто. Да и не важно это. Важно, что тогда очень осторожный, самый осторожный из всех цветов, серый цвет сказал:

— Вы прекрасно смотрите вместе. Вы просто созданы друг для друга. Красный и синий ответили в один голос:

— Спасибо, вы совершенно правы.

А синеглазая девочка и ее обыкновенная мама, та, что сшила красное платье, даже и не знали, что помирили два самых ярких, самых сильных цвета.

ГОЛУБАЯ СКАЗКА

Небо было голубым. Просто голубым.

— Вы неплохо выглядите. Вам к лицу голубой цвет, — обронило ослепительно золотое солнце.

— Благодарю. — Небо расправило складки своего голубого наряда и замерло в ожидании новых

похвал.

Но их не последовало. Солнце уже беседовало с какой-то далекой звездой.

— Вот как... — Небо растерялось. — Может быть, мои голубые одежды кажутся роскошному солнцу чересчур скромными? И солнце, похвалив меня, просто посмеялось? Напрасно... Ведь я все-таки небо!

Небо гордо расправило свою голубизну и велело явиться портному.

Ветер, он с давних пор служил небу портным, прилетел тотчас.

— Мне бы хотелось выглядеть несколько... ну... знаете ли... уважаемый портной... — небо подбирало нужное слово, — несколько интересней.

— Интересней... — повторил ветер. — Не очень ясное пожелание, но попробую что-нибудь придумать.

Ветер взял охапку белоснежных маленьких пушинок-облачков и невидимой нитью сплел их в нежную, почти прозрачную накидку. Укрыв заказчика чудесной облачной шалью, ветер отлетел, посмотрел на свою работу со стороны, поправил два-три облачка и слегка подул.

— Что же, о небо, вы довольны? — почтительно спросил ветер.

— Да, спасибо, думаю, это подойдет.

Небо снова взмахнуло шалью, пушинки-облачка побежали быстро-быстро. Небо само себе понравилось! Но солнце молчало.

— Придется, — нахмурилось небо, — снова позвать портного.

Прилетел ветер.

— Новый наряд не понравился? — удивился он. — Слишком воздушно? Легко? Даже, может быть, легкомысленно?

— Возможно. — Небо недовольно сбросило облачную шаль.

— Не волнуйтесь, — заторопился ветер, — попробуем другой вариант: элегантно-строгий.

Ветер взмахнул одноцветным густо-серым полотнищем плотной облачности, набросил его на небесный свод, затем достал множество серебряных нитей дождя и, резко дунув, пустил их наискось. Получилось строго и нарядно.

Небо потрянуло нитями дождя и украдкой взглянуло на солнце.

С надеждой взглянуло. Но золотое солнце то ли потускнело, то ли погрустнело. Так и эдак встраивало небо блестящими дождевыми нитями, но печальное солнце молчало.

— Странно, — небо недовольно сбросило серебряные украшения, — неужели нельзя придумать что-нибудь необыкновенное?!

— Минуту, еще минуту, — заволновался ветер-портной, — я придумал для вас, о небо, великолепно эффектный наряд.

Ветер задул изо всех сил, пригнал тяжелые лиловые тучи, скроил из них величественное одеяние с золотыми пряжками-молниями.

Рассерженное небо осталось довольно работой портного. «Теперь солнце, конечно же, восхитится моим нарядом», — решило оно. Но солнце закрыло глаза, лучи его задрожали и поникли. Казалось, ему отчего-то больно.

— Не знаю, в чем дело, — удивилось, почти возмутилось грозное небо, — этому золотому зазнайке ничем не угодить! Я так стараюсь, так стараюсь ему понравиться, а от него ни слова доброго.

Разгневанное небо сбросило чудесный с золотыми молниями наряд и осталось в своих обычных голубых одеждах.

«Пусть так, — думало небо. — Не буду больше наряжаться. Так и останусь просто голубым. Все! Хватит!» — сердилось оно.

Сердилось, сердилось, сердилось и вдруг слышит:

— Вы прекрасно выглядите. Вам к лицу голубой цвет.

ЧУДЕСА ДА И ТОЛЬКО

Пожалуйста, никогда не выбрасывайте старых сахарниц. Если у вас появился новый сервиз, старую, ненужную сахарницу хорошенько вымойте, высушите и поставьте на самую дальнюю полку буфета. И тогда, может быть, в вашем доме некоторое время будут твориться разные удивительные вещи. А это совсем не плохо...

В старых сахарницах любят жить Струмышки. А Струмышки, эти сказочные существа, больше всего на свете любят устраивать людям приятные удивительные неожиданности. Струмышки — это совсем не мышки, не лягушки, не воробушки... Очень немногие видели Струмышек — такие они непрочные, придуманные, ветреные. От одного человеческого взгляда мгновенно превращаются в летучую золотистую пыль. Но те, у кого легкий взгляд и веселые глаза, видели Струмышек и рассказывают, что они похожи на клубочки желтого, необыкновенно легкого пушистого меха. А глаза Струмышек... одни говорят — карие, другие — фиолетовые, третьи — синие. И это правда — глаза у всех Струмышек разные.

Та Струмышка, о которой эта сказка, — зеленоглазая. Она поселилась в красной с белыми горошинами сахарнице, которую мама убрала за ненадобностью.

Семья, в доме которой поселилась зеленоглазая Струмышка, была самая обыкновенная. Мама — то ли портниха, то ли... не знаю точно. Сейчас она дошивает подруге строгий, деловой костюм. Папа — инженер, а может быть, шофер или летчик. У него есть любимое занятие — мастерить разные механические игрушки. А еще дочка. Девочка как девочка: косички, пятерки, тройки, любимый косматый пес.

Спокойно жила семья. Никаких несуразностей. Но вот в старой сахарнице появилась зеленоглазая Струмышка. И началось...

Дождавшись ночи, Струмышка выбралась из сахарницы, распушила свой легкий-легкий мех и плавно, как на парашюте, слетела с буфетной полки. Осмотрелась. Золотистым парашютом покружилась над спящими хозяевами квартиры. Зелеными волшебными глазами заглянула в их сны, чтобы с каждым познакомиться получше. Придумала первую приятную странность, рассмеялась тихонько и принялась за дело. А как делала Струмышка свое дело — спрашивать не станем. Это ее дело...

На другой день к вечеру папа сел к столу закончить очередную игрушку — вертолет. А Струмышка уже сидит, его дожидается. Только папа ее не видит — ведь она рассыпается от взгляда человека. Вот самый важный момент — последняя деталь, и вертолет готов. Но множество золотистых пылинок замелькало в глазах у папы. А вместо вертолета... Смотрит папа и ничего не понимает: за какую-то неуловимую секунду серьезная летающая машина превратилась в совершенно легкомысленного лягушонка. Можно ли в это поверить? Нет, конечно. А можно ли не поверить, если видишь своими глазами? Вот сидел папа и не знал — верить или нет.

Подошла мама.

— Все-таки у тебя золотые руки, — сказала она, — только ты мог сделать такую забавную игрушку.

Не поверить маме папа, естественно, не мог. Да и каждому ясно, что веселый лягушонок гораздо лучше обыкновенного вертолета.

А Струмышка удалилась в свою сахарницу. Ночью, когда все спали, она снова принялась за свои волшебные дела: готовила сюрприз для мамы.

На следующий день пришла мамина подруга. За готовым костюмом. Мама сшила очень элегантный, серьезный костюм. И вдруг — золотая пыль в глазах. На один миг. Потом — восхищение, радость: тяжелый темно-синий материал превратился в тончайший нежно-голубой шелк; строгий, деловой фасон преобразился до неузнаваемости — это же воздушное платье феи! Сказочный наряд, в котором танцевать на самом блестящем балу самого блестящего сказочного короля.

И не важно, что нет ни бала, и нет короля, ни сказочного, ни настоящего. Ведь не в этом дело...

«Теперь, — подумала Струмышка, — нужно что-то придумать для девочки». Что-нибудь очень-очень хорошее хотелось сделать для девочки. Две ночи думала Струмышка и придумала простую, но чудесную странность. Просыпается девочка утром и видит в вазочке на столе букет невиданных цветов. Золотисто-желтых с зеленой-зеленой серединкой.

Никто в доме не удивился Струмышкиным чудесам, ни первому, ни второму, ни третьему. Так уж устроены люди: добрым чудесам не удивляются. Их просто помнят.

Вот и кончились странные неожиданности в этом доме. Струмышке пора перебраться в другую сахарницу, других людей удивлять. Она им нужна: не очень интересно жить без веселых и обязательно добрых Струмышек.

Не выбрасывайте, пожалуйста, старых сахарниц.

ГНОМ СКРИПАЛЕНОК

Жил-был маленький лесной гном Скрипаленок. Он жил не как все обыкновенные лесные гномы — в дремучем лесу. Скрипаленок жил просто в квартире. В той же самой, где маленькая девочка, ее мама, папа и очень умная и красивая кошка Пушинка.

Почему Скрипаленок жил в квартире, а не в лесу? Все очень просто. Однажды девочка, мама, папа и кошка Пушинка гуляли по лесу. Вдруг все четверо увидели очень странный сучок. Он был похож на веселого человечка. Казалось, мягкий мох, который вырос на сучке, вовсе не мох, а зеленый бархатный костюм старинного фасона. И на голове у него совсем не березовый листок, а забавная шляпа. — Ой, — сказали девочка, мама и папа.

Даже кошка Пушинка, кажется, сказала: «Ой!»

— Какой веселый сказочный гном! — обрадовалась девочка.

— Волшебник-гном! — всплеснула руками мама. — Ах, какое чудо!

— Вообще-то я в чудеса не верю, — попробовал сказать папа, но умная кошка Пушинка так на него посмотрела, что он тут же исправился и согласился с тем, что лесной сучок, похожий на волшебного гнома, конечно же, чудо.

Девочка осторожно завернула веселого лесного человечка в мягкий лопушок и принесла домой. А дома удобно устроила на полке, где жили игрушечные зайчата, лисята, медвежата. Она решила: им будет о чем поговорить — ведь все они лесные жители.

— А как ты думаешь, — спросила девочка умную и красивую кошку Пушинку, — как его зовут?

— Му-у-урр... — Пушинка подняла глаза.

— Ах! — подхватила девочка. — Ты, наверное, хочешь сказать... — она задумалась, — гном Скрипаленок!

— Мур-р-р! — Пушинка утвердительно кивнула. Наверное, она имела в виду именно это.

Так в обыкновенном доме появился лесной гном Скрипаленок. Девочка очень привязалась к нему. Казалось, гном добрый, веселый и знает множество лесных сказок. «Интересно, — думала девочка, — почему он ничего не рассказывает про лес? Может быть, Скрипаленок думает, что я слишком маленькая и не пойму лесных сказок? Ну что ж, я подожду!»

И девочка терпеливо ждала. Но не забывала следить за тем, чтобы зеленый бархатный костюмчик гнома всегда был в порядке, и осторожно чистила нежный мох специальной шелковой кисточкой. И за шляпой Скрипаленка следила девочка, меняла шляпы — листочки. То у тополя листок попросит, то у сирени. И все ждала, когда же гном поверит, что она, девочка, — друг, что с ней можно разговаривать о лесных чудесах.

А Скрипаленок тем временем очень подружился с кошкой Пушинкой. Ей он рассказывал лесные сказки. Рассказывал, какие веселые зайчата получаются из хлопьев тумана, если этого захотят мохнатые ветки старых елок, ночной ветерок и свет луны. Рассказывал, как эти туманные зайчата играют с зайчатами настоящими. И другие сказки... И еще истории... Много сказочного поведал гном Скрипаленок домашней кошке Пушинке. Умная кошка только головой качала и щурила или, наоборот, широко раскрывала блестящие желтые глаза. Ей было очень интересно. Но однажды она сказала, слегка смущаясь:

— Скрипаленок, ты столько всего знаешь! Почему ты никогда не рассказываешь о лесных чудесах девочке?

— Что ты! Что ты! — испугался Скрипаленок. — Девочке нельзя о чудесах.

Хоть и умной была кошка Пушинка, но не поняла гнома.

— Почему?! — удивилась она. — Почему нельзя рассказывать девочке сказки леса?

— Не поверит, — вздохнул гном, — смеяться будет. Да и вообще, когда рассказываешь людям о чудесах, чудеса перестают быть чудесами. Становятся просто... ну, просто... как будто так и надо.

— Нет! — Кошка Пушинка серьезно покачала головой. — Это смотря каким людям рассказываешь. Если добрым и веселым, таким, как девочка, чудеса не исчезают. Чудеса еще чудесней становятся.

— Это как же так? — удивился гном Скрипаленок.

— Очень просто, — стала терпеливо объяснять Пушинка, — знает о чуде один хороший человек — раз чудо. Знают два человека — два чуда. Знают десять человек — десять чудес получается. Разве не так?

Скрипаленок озадаченно помолчал. Ничего подобного никогда не приходило ему в голову. Вдруг гном спохватился:

— Да, а как же с теми, кто не верит в чудеса? Вот девочкин папа сам сказал, что в чудеса не

верит.

— Скрипаленок, — вздохнула красивая кошка Пушинка, — ты совсем не знаешь людей! Во-первых, девочкин папа, может быть, больше самой девочки верит в чудеса. Очень подозреваю это. Во-вторых, тех, кто не верит сказкам, очень, очень мало. Ну, просто почти нет. Только некоторые не признаются, что верят в сказки.

— Почему? — не мог понять гном.

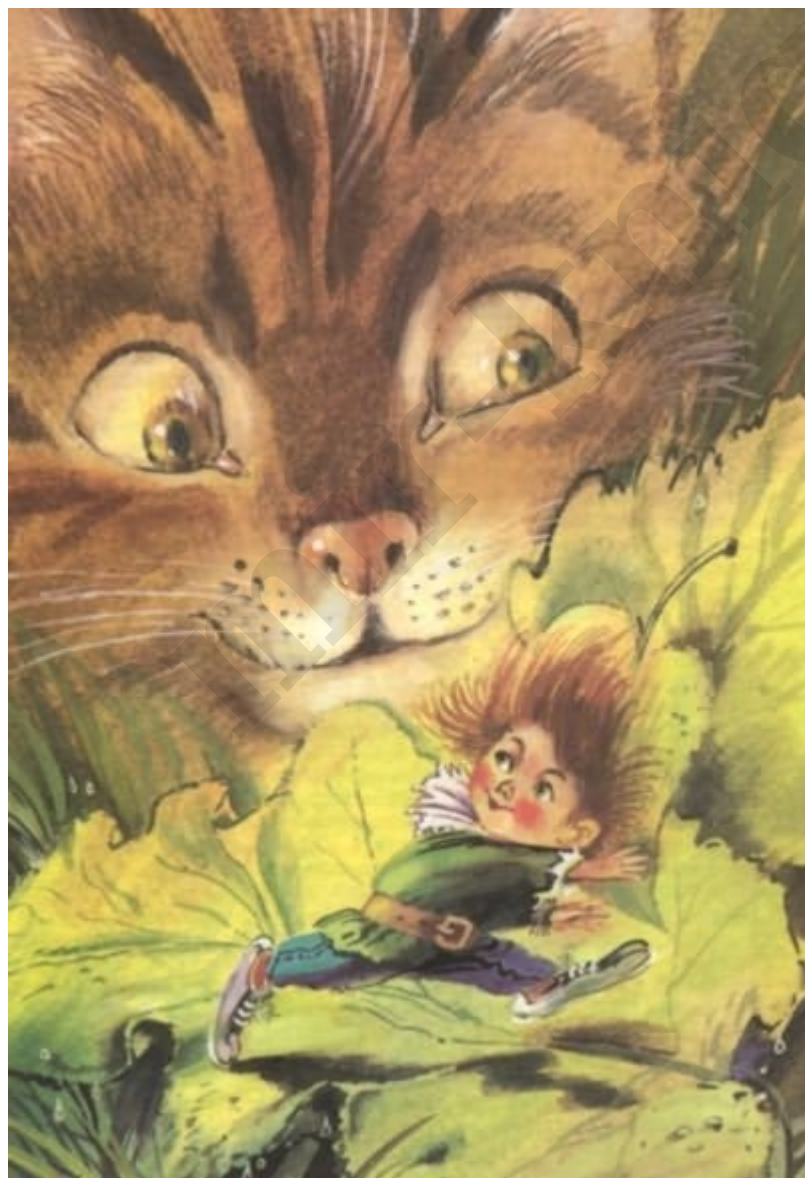
— Почему?.. — переспросила Пушинка. — Почему?.. Честно говоря, я и не знаю.

И умная кошка Пушинка ушла. А Скрипаленок задумался. Он думал о разных людях, о девочкином папе, который зачем-то притворяется, о девочке, о красивой кошке и о чудесах — о сказках думал он.

Потом пришла девочка. Она принесла гному новую шляпу.

Что было дальше — не знаю...

Но, наверное, Скрипаленок все-таки решился и рассказал девочке чудесные лесные сказки.

Поздно вечером далеко за лесом грустил туман. Ему было одиноко. У него никого не было. Так случается. Иногда.

— Как печально.... Как печально одному... — вздыхал туман.

Туман разорвался на множество клубочков. Получилось видимо-невидимо легких молочно-белых шаров. Это было очень красиво. Но ничуть не весело. Ведь шары просто висели в воздухе, и никто ими не играл.

Потом туман собрал все свои клубочки, взлетел немного над землей и растянулся в чудесный пушистый ковер. Получился замечательный ковер-самолет. Но печаль все равно осталась. Потому что никто никуда не собирался лететь на этом волшебном ковре.

И тогда туман решил, что ему просто необходимо иметь друга. Иначе он испарится от печали. А это гораздо хуже, чем испариться от солнца. Исчезнуть от солнца туману не страшно: ему ведь полагается таять с первыми солнечными лучами и не появляться до вечера. Но исчезнуть, растаять от печали... Это очень, очень обидно.

Туман снова вздохнул, посмотрел вокруг и увидел тропинку. Тропинка бежала сначала через луг, поросший травой, а потом ныряла в лес.

— Тропинка, — позвал туман мягким, тихим голосом, — тропинка, я очень одинок, стань моим другом.

— Твоим другом? — отозвалась тропинка. — А как мы будем дружить?

— Мы будем замечательно дружить, — ответил туман. — И ты, и я — мы знаем много интересного. Я — потому что могу подняться над землей и все разглядеть. А ты — потому что бежишь далеко, через луг, через лес, и тоже много всего видишь. Вот мы и будем рассказывать друг другу разные разности.

— Это было бы хорошо, — согласилась тропинка, — только уж очень я длинная. Поэтому один мой конец тебя прекрасно слышит, а другой, дальний, еле различает твои слова.

— Не беда, — возразил туман, — смотри!

Он вытянулся в длинную белую ленту и поплыл над тропинкой. Очень скоро лента густого белого тумана скрыла всю тропинку от конца до конца.

— Вот, — сказал туман. — Теперь ты вся должна меня видеть и слышать.

— Точно, — подтвердила тропинка. — Я тебя отлично вижу и слышу. Правда, ты такой густой, что, кроме тебя, я вообще ничего и никого не вижу. Это очень неудобно. Но раз мы друзья — я потерплю. Давай рассказывать интересные истории. Ты первый.

Но только туман собрался начать свой рассказ, послышался удивленный и недовольный голос. Человеческий голос. Голос лесника, который возвращался из города в свой лесной дом.

— Ничего не понимаю, — ворчал старый лесник. — Шел по знакомой тропинке и вдруг заблудился — туман. Туман спереди, туман сзади. Что за напасть! Ничего не вижу! Где же тропинка? Ну где же тропинка?

— Ой, — заволновалась тропинка, — милый туман! Меня из-за тебя совсем не видно! Я не подумала об этом. А как же без меня дедушка лесник найдет свой дом? Прости меня, туман, но мы не можем быть друзьями. Уходи, пожалуйста.

— Я понимаю, — печально сказал туман.

Белая пышная лента быстро свернулась, тропинка снова стала заметной, а туман снова стал прежним печальным туманным облачком.

Совсем загрустил туман. Вдруг видит — невдалеке что-то белеет. Туман пригляделся, но было темно и плохо видно. Ведь уже ночь наступила. «Интересно, — думал туман, — кто-то белый, и я — белый. Может быть, мы сумеем подружиться?..»

Туман тихо поплыл к тому, кто белел. Оказалось, что это березы. Целая березовая роща. Листва берез терялась в темноте, а кора стволов казалась в лунном свете еще белее.

— Милые березы, — робко сказал туман, — вы так красивы, а я так одинок. Станьте моими друзьями, пожалуйста.

— Мы бы рады, но... Мы бы рады, но... Мы бы рады, но... — прошептали березы по очереди.

— Мы бы рады, — закончила за всех самая красивая береза, — но мы красивы. Ведь ты тоже так считаешь?

— Конечно, — подтвердил туман, — вы очень красивы. Вы прекрасны! Но разве ваша красота мешает нам дружить?

— Да, — сказала самая красивая береза, — мешает. Если мы будем дружить, если пустим тебя в нашу рощу, мы... Мы будто исчезнем. Ты белый, и мы белые. Мы будто растворимся в тебе, и никто не сможет нами любоваться. А зачем тогда наша красота?

— Но, — пробовал спорить туман, — сейчас ночь. Для кого же ваша красота?

— Как?! — заволновались березы. — А ночные мотыльки? А ночные цветы? А ветер ночной?

— А ночь сама? — спросила самая красивая береза и добавила — Нет, туман, не обижайся, но

нам нельзя дружить. Уходи, пожалуйста.

И поплыл печальный туман снова искать друга. А кого? А где? Не знал он. И вдруг видит: в траве что-то маленькое, белое, как клочок тумана, только с длинными ушами и коротеньким хвостиком. «Ну уж с этим маленьким пушистым клубочком я обязательно подружусь. Во что бы то ни стало!» — решил туман.

Он подкрался к ушастому, осторожно, как пушистой шапкой, накрыл его и спросил:

— Ты кто?

— Заяц, — быстро ответил тот и спросил — А ты? — и добавил — Я тебя боюсь!

— Заяц! Ну, конечно, ты заяц. Теперь я вижу. А я — туман, — мягко ответил туман. — Ты меня не бойся. Я хочу с тобой дружить. Согласен?

— Согласен. Согласен. Я на все согласен. Потому что я боюсь. Утром начнем дружить.

— Нет, нет, нет, — заволновался туман, — не утром. Сейчас. Утром я растаю. Я вообще могу быть только ночью.

— А я ночью так боюсь!!! Боюсь темноты! Боюсь волка! Боюсь просто потому, что боюсь. Так боюсь, что меня, можно считать, почти и нет. А значит, дружить с тобой я не могу, — выпалил заяц. — Извини! Я домой!

Прыгнул заяц в сторону, и не видно его. А туман снова один. «Что же я за несчастный, — заплакал туман (а слезы тумана люди росой называют). — Что же никто со мной не дружит? Почему я никому не нужен?»

Но не долго плакал туман. Скоро услышал он громкое хлопанье сильных крыльев, щелканье сильного клюва, сердитое уханье. А потом увидел желтые-прежелтые яркие круглые глаза. Глаза то ли сердитые, то ли добрые — сразу не скажешь. Мудрая птица опустилась на ветку старой ели.

— Плачешь? — то ли насмешливо, то ли сочувственно спросила сова и добавила — Глупый...

— Почему глупый? — вздохнул туман.

— Потому что глупо то, что ты говоришь: «Я никому не нужен». Так не бывает. Не бывает, чтобы кто-то не был нужен, просто необходим, хотя бы кому-то одному на свете, — спокойно сказала сова.

— Ты точно это знаешь? — с надеждой спросил туман.

— Я — сова, — хлопнули желтые глаза, — могу ли я что-то знать не точно?

— И ты знаешь, кому необходим я? Ты поможешь нам стать друзьями?

— Знаю, помогу, — медленно ответила сова и, помолчав, добавила — Жаль. Жаль, конечно, что ты не сам его нашел. Ну да ладно. Лети за мной.

Сова расправила сильные мягкие крылья и полетела не высоко и не быстро, а туман послушно поплыл за ней. Недолго был их путь. Вот и небольшое озеро, поросшее по берегам зеленой осокой. Послышались тихие звуки: жалуется кто-то, вздыхает, сетует.

— Сова, — позвал туман, — послушай, это озеро жалуется.

— Вот как, — спокойно сказала сова, будто сама не слышала, — вот как. — И она опустилась на ветку старого дерева, что росло возле озера. Туман окружил озеро. А сова спросила:

— О чем вздыхаешь, озеро?

— Ах! Беда, беда, беда у меня, — заволновалось озеро, — я сейчас выйду из берегов. От слез.

— Ты плачешь? — спросила сова.

— Ты плачешь... — вздохнул туман.

— Нет, — ответило озеро, — не я. Плачут мои рыбы, что у меня живут. Они не могут уснуть. Слишком ярко горят звезды. Свет звезд дробится в моей воде, становится еще ярче, слепит рыб, не дает им спать. Вот рыбы и плачут. И столько слез они наплакали, что слезы их и вода моя в берегах у меня не умещаются. Ах, — волновалось озеро и само чуть не плакало, — жаль мне бедных рыб моих.

— Вот как, — будто бы радушно сказала сова и улетела. А туман? Туман повис над озером и укрыл его плотным пушистым ковром-одеялом. Яркие лучи прекрасных, но немного беззаботных звезд тонули, терялись в клубах тумана и не мешали спать ни одной, даже самой беспокойной рыбке.

— Спасибо тебе, — сказала озеро туману, — спасибо. Ты спас моих рыб и меня. Ты настоящий друг.

— Да нет, — смутился туман. — Спасибо тебе.

— Мне? — очень удивилось озеро. — За что?

— За то, что я тебе нужен, — ответил туман.

Вот и все. Теперь, когда ты увидишь над озером белые клубы тумана, ты поймешь, что все в порядке: рыбы спят, а два друга, туман и озеро, о чем-то беседуют. Или молчат. Но вдвоем.

...Может быть, серьезные ученые назовут эту историю сказкой, выдумкой. Может быть, скажут они, туман совсем не потому стелется над озером. Может быть. Но это не страшно. Я рассказала то, что узнала от озера, тумана и совы.

КТО СОБИРАЛ ГРИБЫ?

Жили-были три лесных лягушонка. Однажды сидели они на пенёчке и смотрели в три разные стороны: высматривали что-нибудь забавное. Вдруг один лягушонок говорит:

— Человек, кажется.

— Грибник, наверное, — сказал другой.

— Неинтересно, — не глядя, отозвался третий.

— Если это грибник, то довольно странный, — заинтересовался первый лягушонок.

И точно. Серьезный пожилой мужчина. Строгий элегантный костюм, галстук, черные туфли, белая сорочка. В одной руке — огромный раскрытый зонт. Пасмурно, но дождя не было, каждый лесной житель подтвердит. И тем не менее мужчина шел под зонтом. Осторожно шел, стараясь ступать только по тропинке. И каждый раз удивленно оглядывался, когда ветки деревьев цепляли его огромный зонт. В другой руке — крохотная корзиночка. Значит, правда, грибник. Хотя, как сказал первый лягушонок, довольно странный.

Ведь грибники — они какие: в спортивных костюмах, в рубашках, завязанных на животах, джинсах, старых плащах. Такого наглаженного, элегантного грибника лягушата видели впервые.

— Посмотрим, — хором сказали они.

Прыгнули с пенёчка, спрятались и стали по очереди выглядывать. Странный грибник подошел к пенёчку. Растерянно оглядывается, будто случайно сюда, в лес, попал. Но дело было не так. Попал он сюда по назначению врача. Этот грибник был очень серьезным ученым. Он очень много работал. Даже о выходных думать не хотел. Но однажды в его научный институт пришел врач: поликлиника прислала. Осмотрел врач ученого и говорит:

— Очень много вы работаете, отвлекаться надо. Советую на природу выезжать. Настоятельно рекомендую в лес по грибы.

Ученый — человек пунктуальный. С врачом спорить не стал: раз советует, значит, надо. Вот поэтому он и оказался в лесу. Но конечно, в обычном своем костюме, а не в рубашке, завязанной на животе, и, конечно, с зонтом — на всякий случай.

Ученый так долго был занят своими научными формулами, так давно не бывал в обыкновенном лесу, что совершенно забыл, как нужно собирать грибы. И как вообще вести себя в лесу. Ему бы оставить зонт в машине, надеть что-нибудь посвободнее... Тогда и трава под ногами не путалась бы, и ветки деревьев не казались бы такими длинными и колючими. С трудом прошел он несколько метров по влажной лесной траве, через редкий перелесок от своего автомобиля до спасительного ориентира — пенька. Хотел было присесть — не решился; пыльным показался пенек.

Стал профессор рассуждать, логически мыслить — это уж он умел:

«Врач рекомендовал собирать грибы. Чтобы их собирать, нужно их найти. Чтобы их найти, нужно их искать». Он решительно сжал ручку своего громадного зонта, крепче взялся за крохотную корзиночку и смело посмотрел вперед, в лес.

А лягушата под лопухом просто давились со смеху: очень нелепо выглядел грибник-профессор.

И вот он углубился в лес, вернее, от пенька добрался до елки, от елки — до березы, от березы — до другой елки, а потом наткнулся на крохотный островок розового клевера и засмотрелся на эти невиданные в городе цветы.

Лягушата тихонько прыгали за профессором, прячась в траве. Они отлично видели и сиреневую сыроежку, и рыжий грибок лисичку, и боровичок в плотной замшевой шапочке. Лягушата видели, а профессор и не заметил.

Насмотрелся ученый на цветы, шагнул в сторону и наткнулся на какой-то раскидистый высокий кустарник. Еле выпутал свой зонт из его гибких ветвей. Пока боролся с ветками, лягушата, посоветовавшись, решили помочь ему набрать грибов. Было ясно: сам ученый ни за что с этим не справится. Взялись за дело.

А ученый, освободив зонт, устав от схватки с задиристым кустарником, отряхнул костюм, поправил галстук и отправился к пеньку отдохнуть. Расстелил на пеньке свой белоснежный платок, присел. Корзиночку рядом поставил.

Сидит под зонтом, воздух леса вдыхает: хвойный, цветочный, травный. Глубоко, легко стало дышаться профессору. И успокоился он, и о чем-то хорошем вспомнил. Размечтался ученый... О грибах забыл совсем.

А лягушата нет. И когда ученый взял наконец свою почти игрушечную корзиночку, то глазам поверить не мог. Три настоящих крепких боровичка лежали на дне. Не знал профессор, как тяжело было лягушатам тащить грибы, каждый из которых больше самого лягушонка. Рассмотрел грибы. Очень они ему понравились. Но откуда взялись? Непонятно!

Снова стал профессор рассуждать логически: «Корзина была пуста! Теперь в ней грибы; грибы сами не приходят; кто-то их принес. Зачем? Хочет мне помочь? Кто?» И ученый запнулся. Он не знал кто. Взял корзиночку — убедиться, что глаза его не обманули. И ахнул! От удивления даже зонт на траву положил. Увидел профессор в своей корзиночке, кроме серьезных боровиков, шесть веселых грибочков лисичек.

Тут уже стало не до логических рассуждений. Снял профессор с пенька свой платок, вытер лоб, сел на пенек и задумался просто по-человечески. Безо всякой логики. Пока он думал, лягушата притащили три удивительно красивые сыроежки. И спрятались под лопушок. Они бы и еще грибов собрали, но корзиночка была слишком маленькая.

А профессор подумал-подумал и краешком глаза на корзинку взглянул.

— Ну и ну, — обрадовался профессор, — вот это красота!

Сыроежки и вправду на редкость нарядные: одна малиновая с оранжевым, другая сиреневая, а третья совсем многоцветная. Рассматривает ученый грибы и улыбается чему-то. А лягушата под лопухом тоже очень довольны, что их грибы понравились. Профессор аккуратно сложил грибы в корзиночку и вдруг влез на пенек, встал да как закричит на весь лес:

— Э-ге-ге! Спасибо вам! В следующий выходной я приеду. Приходите, пожалуйста! Хорошо?

Во весь голос кричит, а лягушата ведь рядом совсем.

— Хорошо, придем, — проквакали они еле слышно: они же маленькие. Профессор снова закричал:

— Я тоже хочу подарить вам что-нибудь. Если вы не против — зонт! Он осторожно слез с пенка, взял раскрытый зонт и воткнул его ручку в расщелину пенка. Потом взял корзиночку с грибами, помахал неизвестно кому — тому, кто в лесу живет, и направился к машине. И кстати, без зонта ему было гораздо удобнее: ветки не цепляли, да и небо виднее.

А лягушатам зонт очень понравился, хотя и не знали они, зачем он нужен. Они сидели на пенке под зонтом, а потом и на самом зонтике и спорили, придет или нет еще этот странный грибник.

ОСЕННЯЯ ИГРА

Очень грустно ежонку Ежинке. Отчего? Не оттого ли, что в лес пришла осень? Ничего очень уж страшного, необычного, но почему-то грустно...

Лес привык к тому, что Ежинка веселая, смешливая, озорная, и потому маленький Черничный Куст, возле которого она грустила, был неприятно удивлен. «Как бы ее рассмешить?» — подумал Черничный Куст. Он перебрал свои крохотные листочки и выбрал два. Один — зеленый, еще совсем летний, а другой — желтый-желтый, осенний. Он наколот их на иголки ежонка: справа — желтый, слева — зеленый. Как будто два глазка появились на боках Ежинки.

— Они тебе очень идут, — сказала Осина.

Ежинка и Черничный Куст посмотрели вверх. Совсем осенней стала Осина. Ее круглые листья-монетки покраснели все до единого. Осина осторожно, так чтобы оторвался только один листочек, тряхнула веткой. Красная легкая монетка полетела, покружилась и опустилась на одну из иголок Ежинки.

— По-моему, очень неплохо, — внимательно посмотрев на ежонка, сказала Осина.

Ежинка даже взвизгнула от удовольствия. Ей очень понравилась эта новая игра. Правда, она сейчас же вспомнила, что только что грустила, и решила погрустить еще немножко. Иначе неудобно. Ежинка вежливо поблагодарила за листочки и снова печально вздохнула.

— Вот что, Ежинка, — сказала Осина, — теперь беги к кусту Волчьих Ягод.

— Волчьих Ягод?!

— Да. Называется он страшно, но у него есть очень красивые листья. Беги!

Ежинка колебалась: то ли бежать, то ли дальше грустить. Конечно, очень хотелось побежать.

— Ладно, если вы хотите... — немножко воображая, сказала Ежинка. Она все еще пыталась сделать вид, что у нее нет настроения заниматься всякими пустяками. Но Осина и Черничный Куст уже видели, что все в порядке.

Маленькими шажками побежала Ежинка к кусту Волчьих Ягод. Побежала, потому что ходить ежи вообще не умеют, даже если не спешат. А ведь Ежинка спешила. Ей не терпелось наколоть еще один нарядный листочек. Вот он — куст с таким страшным именем.

— Здравствуй, Ежинка! Я знаю, ты ко мне. Знакомая оса все слышала и рассказала. Вот посмотри, я выбрал для тебя. Нравится?

Ну мог ли не понравиться такой листочек! Желтый, в темно-рыжую крапинку. Ежинка долго примеривала, как его нацепить. Наконец выбрала подходящую иголку. И в самом деле — вышло очень хорошо.

Краешком глаза Ежинка посматривала в сторону старого развесистого Клена. Листья его необыкновенно красивы. Но Клен был стар, его листья были большими, и каждый из них мог укрыть ежонка с головой. А Ежинке так хотелось получить удивительный, яркий резной кленовый лист! Только бы поменьше!

— Хорошо, — сказал Старый Клен, — мой внук, Маленький Клен, подарит тебе свой маленький и самый красивый листочек. Беги к нему.

Ежинка бежала так быстро, ее тоненькие ножки так мелькали, что стали совсем незаметны. Но как она ни спешила, оса, которая опять все подслушала, прилетела к Маленькому Клену раньше. Он сразу же принялся выбирать листочек. И, не успев отдышаться, Ежинка получила чудесный бордовый, с желтыми прожилками листик. Пока Ежинка и Маленький Клен придумывали, куда лучше прицепить новый листочек, к ним тихонько подкрался веселый лисенок Рыжик.

Рыжик увидел свою подружку, всю в разноцветных листочках, такую нарядную, такую красивую!!! Он даже тихонько тявкнул от восхищения.

— В-о-о-т! — гордо сказала Ежинка и пошевелила иголками. И как раз знакомый лягушонок Лашка припрыгал. Он тоже разглядел листочки, и ему тоже очень понравился наряд Ежинки.

— Здорово! Они как будто растут на тебе. Вот бы еще у Ивы листочек попросить! А ну, за мной!

И Лашка попрыгал к ручью, где росла Ива. А за ним побежала и Ежинка. А за Ежинкой помчался Рыжик. А впереди всех полетела оса — предупредить Иву.

Ива никак не могла выбрать листочек: то один покажется лучше, то другой. Стали выбирать вместе. Выбрали пестрый-пестрый — крапинки розовые, красные, желтые, оранжевые. Ива и сама удивилась, когда нашелся такой необыкновенный листик.

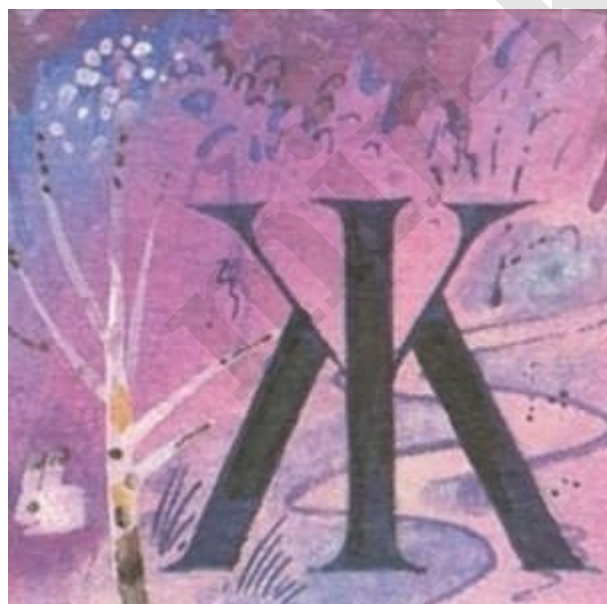
И тут откуда-то сверху слетел очень скромный и симпатичный листочек — желтый, с зеленой каемкой. Оказывается, Березка, что росла рядом, тоже захотела сделать подарок ежонку. И еще Березка посоветовала обязательно сбегать к Рябине. У нее есть даже сиреневые листья.

А оса вспомнила, что видела поразительно красивый Орешник. А Рыжик рассказал, что знает, где растет и Маленький Дубок с совершенно оранжевыми листочками.

Кто-то звал к боярышнику, кто-то вспомнил про лесную малину, кто-то про бузину, кто-то про тополь... И ежонок, лисенок, лягушонок и оса побежали, попрыгали, полетели и к рябине, и к орешнику, и к малине, и к тополю.

И вот уже два глазка — желтый и зеленый, два крошечных черничных листочка, стали почти не видны среди множества ярких, разноцветных листьев. Но Черничный Куст и не думал обижаться, ведь это он придумал веселую осеннюю игру.

ТРОПИНКА

Жила-была тропинка. Тоненькая петляющая ниточка. Весело, легко бежала тропинка. Сначала через луг зеленый скользила среди густой травы, среди цветов. Потом ныряла в овражек темный. За оврагом начинался лес. С лесом тропинка дружила. Каждую елку, березу давным-давно знала. С каждым ежонком, зайчонком, лягушонком поболтать любила, да и с рыжей лисой и серым волком не ссорилась.

Но честно говоря, волк, будь он не злой, а умный, понял бы, что тропинка нередко его

обманывала. Как? Очень просто. Вот спешит-мчится по тропинке зайчонок — от волка спасается. Волк догоняет, зубами щелкает.

— Тропинка, — просит зайчонок, — помоги, уведи волка.

— Хорошо, — отвечает тропинка, — спрячься, а я волка уведу — запутаю.

Зайчонок спрячется за старый пенёк, а тропинка в другую сторону кинется. Не останавливаясь мчится волк по тропинке все дальше и дальше. А тропинка нарочно то в заросли крапивы нырнет, то под поваленным деревом проскользнет и, наконец, приведет волка к лесному болоту. Только здесь, ткнувшись носом в болотную кочку, глупый волк потрясет головой и поймет, что давным-давно потерял зайчонка. А хитрая тропинка оставляет волка у болота и бежит в свой веселый лес. Там ждут ее дела. Дел у тропинки немало.

Как-то раз бежит тропинка по светлому березовому лесу, встречает мышонка. Мышонок маленький, а глаза у него большие-большие, как у зайца. Оттого у мышонка глаза большие, что слез в них много. Обезала тропинка вокруг печального мышонка, остановила его.

— Что с тобой, — спрашивает, — почему плакать собрался?

Зажмурился мышонок, головкой замотал, полетели слезы во все стороны.

— Тише, тише, — говорит тропинка, — не брызгайся. Лучше объясни, что случилось. Может быть, ты потерялся?

— Потерялся, — кивнул мышонок.

— Ничего, — успокаивает тропинка, — я тебя домой приведу.

— Ты знаешь, где мой дом? — Мышонок осторожно ставит крохотную лапку на тропинку.

— Пока не знаю, но ты мне расскажешь.

— Да как же я тебе расскажу, если я сам не знаю? — Слезы снова закапали на тропинку. — Перестань плакать, лучше скажи — ты мышонок лесной или полевой?

— Я? Наверное, корневой. Удивилась тропинка: что же это значит?

— Я живу в норке возле корней большого дерева, поэтому я, наверное, как раз и есть корневой.

— Ну нет, — стала объяснять тропинка, — раз ты живешь у дерева, значит, ты живешь в лесу, значит, ты лесной мышонок. Теперь скажи, какое это дерево, мы быстро его найдем.

— Это большое дерево, красивое и очень доброе. И защищает наш дом от ветра и дождя. Знаешь его?

— Видишь ли, — отвечает тропинка, — все деревья и красивые, и добрые. А какое оно еще, твое дерево?

— Еще? — задумался мышонок. — Оно белое и немного черное, а весной на нем много сережек.

— Та-а-ак... Белый с черным ствол и сережки бывают только у берез. Твое дерево зовут береза. Но берез много. Подожди, я узнаю, какая из них твоя.

Быстро-быстро побежала, закружилась тропинка и узнала, что под березой с раздвоенной верхушкой мама мышка давно ждет своего мышонка.

Проводила тропинка мышонка и дальше побежала — вдруг еще кому-нибудь помочь нужно. Выбежала ниточка-тропинка из елового леса на солнечную поляну и налетела на что-то незнакомое из белых и красных перепонек. Тропинка, конечно, не знала, что это обыкновенные босоножки, но сразу поняла, что без нее им не обойтись.

— Здравствуйте. — Тропинка сделала петельку вокруг босоножек. — Вы, наверное, не здешние. Не заблудились ли?

— Дело в том, уважаемая тропинка, — сказала одна босоножка, — что нас, кажется, бросили.

— Бросили? Не может быть! Вы такие красивые. Кто оставил вас здесь?

— Наша хозяйка, девочка с желтыми бантиками.

— Может быть, ваша девочка решила побегать босиком, — предположила тропинка, — а потом забыла, где вас оставила? Сейчас я все узнаю.

Тропинка метнулась на соседнюю полянку. Там играли девочки. Закружилась тропинка вокруг босых ножек той девочки, чьи бантики желтого цвета.

— Смотри, тропинка! — удивилась девочка. — А я и не видела ее раньше. Интересно, куда она ведет?

И девочка побежала по тропинке. А тропинка привела ее к босоножкам. Девочка обрадовалась — ведь она совсем не собиралась их бросать. Просто забыла, где оставила. «Теперь все в порядке», — решила тропинка.

Но в это время из леса донесся голос:

— Ау, ау! Кажется, я заблудилась.

— Ох уж мне эти незадачливые грибки! — вздохнула тропинка и побежала на помощь.

Так и живет тропинка в делах и заботах. Всем нужна.

СКАЗКА О ВЕЧЕРЕ

Тебе бывает грустно? Бывает иногда? Чаще вечером. Днем все нормально, столько дел разных, интересных, но вот приходит вечер, и тут все может быть по-разному. Хорошо-хорошо или грустно.

Может быть, это происходит оттого, что лучи вечернего солнца порозовеют и белые-белые розы в саду станут чуть розовыми, а желтые лесные кувшинки будто изнутри засветятся тихим розовым светом. В такой розовый вечер просто невозможно грустить. В розовый вечер хочется рассказывать или слушать добрые сказки и дарить друг другу подарки.

Но не все вечера розовые. Бывают лиловые. В лиловый вечер лучи заходящего солнца гаснут быстро, белые розы окутывает лиловая дымка, желтые лесные кувшинки перестают светиться и тускнеют. Лиловый вечер становится грустным. Что же делать в такой вечер, как не грустить?

Отчего бывает вечер лиловый, печальный? Отчего розовый, веселый? Я думаю, дело вот в чем: наденет старый колдун Вечер розовый плащ, и розовеет все кругом, и появляются розовые облака, а веселые и добрые сказки затевают суматошную игру чехарду. Наденет старик Вечер лиловый плащ, и опускается лиловый туман, и веселые сказки, будто испугавшись чего-то, прячутся в кармашки самых послушных девочек.

Ты, может быть, думаешь, что колдун Вечер злой и ему нравится навевать печаль своим лиловым плащом? Ошибаешься. Я расскажу тебе о Вечере, и ты поймешь, что не злой он.

Вечер — старый колдун с седой бородой — жил в лесу в бревенчатом доме, а вокруг дома был маленький сад. Совсем крошечный. В нем росли только те цветы, что распускаются вечером: белый душистый табак, ночная фиалка и петунья. Нежная петунья была двух цветов — розовая и лиловая, как плащи у Вечера.

Днем старый колдун Вечер любил работать в своем маленьком саду. У него была помощница — кошка Бланка. Белая-пребелая. Потому ее и звали Бланка, ведь на языке волшебников «бланка» означает «белая».

Бланка была кошкой старого колдуна, и неудивительно, что она научилась у него некоторым колдовским вещам. Например, варить замечательное клубничное варенье из обыкновенных камушков. Дело в том, что и кошка Бланка, и колдун Вечер очень любили клубничное варенье.

Но не в этом дело, о другом поговорим. Много лет жили старый колдун Вечер и его белая

кошка в своем лесном доме. Бланка не только варила варенье. Старый колдун Вечер поручал ей, когда приходило его время, доставать из сундука и приносить один из его вечерних плащей — розовый или лиловый.

Бланка — добрая кошка, и потому она каждый раз старалась принести розовый добрый плащ. Не хотелось ей, чтобы Вечер наряжался в печальный лиловый. Старый колдун заметил это.

— Милая Бланка, — сказал он не сердито, — ты очень рассеянна. Ты, видно, забыла, что у меня есть еще и лиловый плащ. Раз он есть — нужно его надевать. Хотя бы иногда, просто порядка ради. Будь добра, принеси, пожалуйста, лиловый плащ.

— Ах, повелитель, — отвечала хитрая и добрая Бланка, — дело в том, что ваш лиловый плащ, он, видите ли, не совсем в порядке... У него бахрома запуталась.

— Надеюсь, завтра он будет готов? — спрашивал Вечер.

— Конечно, — отвечала Бланка и смотрела в сторону. На некоторое время старый колдун Вечер забывал о лиловом плаще. Ведь ему, в сущности, все равно. Но вскоре цвет лиловой петунии напоминал о себе. И тогда Вечер снова говорил, не сердито говорил, потому что никогда не сердился:

— Милая Бланка, что-то я все в розовом и в розовом, если тебе не трудно, приготовь сегодня лиловый плащ.

— О повелитель, — отвечала добрая и хитрая Бланка, — мне совсем не трудно, но вам так идет розовый цвет.

— Ну что ж, — соглашался Вечер. — Тогда лиловый приготовь завтра. Ведь мне, в общем-то, все равно.

Бланка грустно повиновалась. Грустно, потому что ей не все равно. Не любит она, когда грустят люди в лиловые вечера.

Теперь ты знаешь, отчего бывают вечера розовые и вечера лиловые. Если вечером у тебя хорошее настроение, а вода в озере розовая, и розы в саду розовее, чем днем, значит, позаботилась об этом обыкновенная белая кошка Бланка. Но не совсем обыкновенная, а та, что умеет варить замечательное клубничное варенье из обыкновенных камушков.

САМАЯ ХОРОШАЯ ВАЗОЧКА

Жил-был маленький чайничек для заварного чая. На одном его боку был нарисован маленький

зеленый листочек. И все. Больше никаких украшений не подарили художники чайнику. Но он не унывал и верой и правдой служил хозяйке дома. Поначалу. А потом такая большая семья получилась, что как ни старался маленький чайничек, никак не мог на всех напасть заварного чая. И тогда старенькая уже хозяйка хорошенько вымыла чайничек с зеленым листиком на боку, высушила его, поставила на краешек одной из кухонных полок и купила...

Купила хозяйка новый замечательный большой заварной чайник. Он был ярко-красный, весь в золотых веточках. А на одной веточке сидела необыкновенно важная, вероятно заморская, птица. Поселился новый чайник с важной птицей на главной кухонной полке. Там же жили хрустальная вазочка на высокой ножке — это была вазочка для варенья — и старинная сахарница, украшенная разными металлическими веточками и цветами. Очень скоро они нашли общий язык и даже стали друзьями.

А о маленьком чайничке все забыли. Даже хозяйка. Чайничек не обижался, понимал все: «Что поделаешь?»

Но вот однажды весной кто-то принес в дом цветы. Очень нежные крошечные лиловые головки-лепестки на тонких розоватых стебельках — это первые лесные фиалки. И забеспокоились все, и зашумели: «Ах, скорее воды! Скорее несите вазочку! Фиалки задыхаются без воды!»

Но вот беда: одна вазочка оказалась слишком высока для маленьких цветов, другая — чересчур широка для тонких стебельков, третья вазочка была очень темной — темно-лиловые фиалки терялись на ее фоне.

— Ах, как быть? Ах, что делать? — волновалась хозяйка. — Нет подходящей вазочки для фиалок.

И тут хозяйка случайно увидела старый заварной чайничек. «Конечно, не бывает вазочек с носиком, — подумала она, — но зато чайничек низенький и горлышко у него неширокое — фиалки не будут рассыпаться, да и цвет белый подходит».

Не долго думая хозяйка взяла чайничек и поставила в него лесные цветы. И получилось очень даже неплохо: чудесные темно-лиловые фиалки в маленьком белом с зеленым листиком на боку чайничке.

Чайничек так обрадовался, так заволновался, что его листочек задрожал и чуть не улетел. Но все обошлось.

Вечером вся семья собралась за большим круглым столом пить чай. На столе стояла вазочка на высокой ножке, полная клубничного варенья, рядом — красивая сахарница с рассыпчатым печеньем, рядом — заварной чайник с заморской птицей. Все трое важные и нарядные.

А в центре стола хозяйка поставила маленький чайничек с фиалками. Ах, какое удивление, какое недоумение, какое, представьте, возмущение закружилось вокруг маленького чайничка. Почему? Вот послушай, о чем говорили на столе.

— Ой, ой, ой, — зазвенела вазочка, — вы только взгляните, взгляните, взгляните! Разве это не дерз-з-зость?

— Да уж, да уж, — строго сказала старинная сухарница, — действительно возмутительно: такой маленький, ненарядный... э... э... предмет считает, что достоин цветов. Да уж, да уж...

А красный заварной чайник вообще ничего не сказал. Только сердито звякнул крышечкой и фыркнул.

Заморская птица тоже промолчала, повернула голову и свысока взглянула на маленький чайничек. Было ясно, что и она его очень осуждает.

Как удивился маленький чайничек! Как расстроился! Как горько стало ему. Так горько, так горько, что цветы в нем... завяли. В одну секунду завяли, на глазах у всех.

Так бывает: если плохо тебе, обязательно плохо кому-то еще, рядом... Но чайничек этого не знал и решил, что правы были вазочка для варенья, красивая сухарница и большой чайник с

яркой птицей: да, действительно, он должен был отказаться от цветов, потому что, наверное, он очень, очень плохой, и цветам не могло быть в нем хорошо.

Вот такая грустная и несправедливая вышла история.

Целый год маленький чайничек с зеленым листиком на боку грустил на своей полке. Целый год! А через год в дом снова принесли первые лесные фиалки. И снова...

Не знаю этого наверняка, но почти уверена...

Хозяйка поставила цветы в старый маленький чайничек. Вероятно, снова не нашлось подходящей вазочки. И тогда...

Не знаю точно, но так бы хотелось верить...

Чайничек понял: он необходим, ну, совершенно необходим фиалкам.

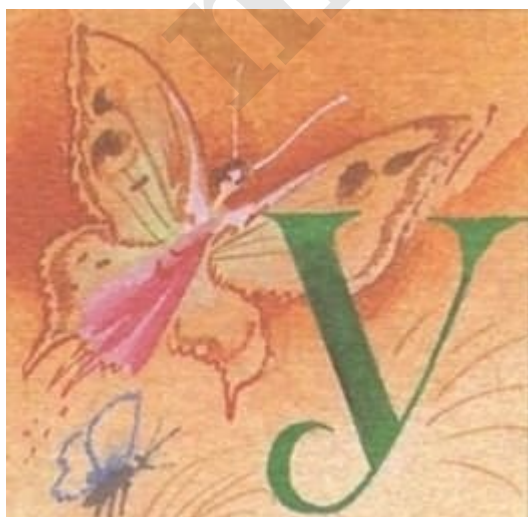
Радость чайничка с зеленым листиком росла, росла и стала такой большущей, что и фиалкам хватило. И фиалки... — представьте! — не вянут до сих пор. Уже почти год.

Я, правда не видела ни чайничка, ни фиалок, но мне кто-то о них рассказывал.

Вот только не помню кто. Но это неважно.

ШЕЛКОВАЯ СКАЗКА

У мотылька были матовые тонкие крылышки. Он сидел на белом блестящем лепестке ромашки. Желтая веселая серединка цветка подсвечивала матовые крылышки. Вокруг было еще много

ромашек и травы, густой, зеленой-зеленой. Еще было небо. Голубое, просторное, прогретое солнцем. Крохотный мотылек с матовыми крылышками был почти незаметен среди этого веселого лета.

Вот такая картина висела на стене напротив окна. Картина. Только не нарисованная. Ромашки, трава, небо и даже крошечный мотылек с матовыми крылышками — все-все было вышито по шелку тонкими цветными шелковыми нитками.

Давно — двести лет назад. Ну, если не двести, то сто точно. Эту картину вышивала бабушка бабушки той девочки, что жила сейчас в комнате с шелковой картиной. Когда девочка прапрабабушка вышивала веселую картину с ромашками, она сама была молодой и веселой. Поэтому картина и получилась такой яркой, солнечной.

Закончила молодая прапрабабушка вышивать. Остался у нее совсем маленький моточек белого шелка. Белого, но не блестящего, а чуть матового. Выбросить его? Зачем же? Раз, два, три стежка, и на одной ромашке появился матовый мотылек. Его почти не видно. Ведь кругом такие красивые ромашки, такая яркая густая перепутанная трава, такое небо голубое-голубое. И среди всего этого — маленький мотылек.

А знаешь, сколько с тех пор хозяев было у картины? Сколько комнат она украшала? Сколько людей любовались ею? Каждый восхищался:

— Ах, какая прелесть! Ромашки будто трепещут под ветерком.

— Ах, какое чудо! Трава — как настоящая. Шелестит, кажется.

— Ах, какое небо! Просто чувствуешь его тепло.

Вот так говорили разные люди. И каждый обязательно добавлял, что шелковая картина кажется почти живой. Почему-то...

Все любовались ромашками в густой траве и голубым небом, но никто ни разу не обратил внимания на маленького матового мотылька. Что же удивительного? Крошечные крылышки были просто незаметны на фоне ярких летних красок. Но мотылек не обижался и не расстраивался. Он сидел на прекрасной ромашке и радовался, когда о шелковой картине говорили что-нибудь хорошее.

Так было все двести или сто лет. А вчера или позавчера — не знаю точно — случилась вот такая история.

В открытое окно влетела бабочка. Чудесная бабочка! Удивительно красивая: огромные золотисто-оранжевые крылышки, с шоколадной каемочкой и голубыми крапинками.

Когда шелковый мотылек увидел прекрасную бабочку, ему больше всего на свете захотелось заговорить с ней. Это было совсем нетрудно. Прекрасная бабочка была вовсе не воображалой, а очень даже общительной.

Она подлетела к шелковой картине, похлопала золотистыми крылышками и сказала:

— Какие прекрасные у вас ромашки, милый мотылек!

— Да, да! Они всем нравятся. Я рад, что вам тоже.

— Но знаете ли... — бабочка заморгала крылышками, — знаете ли... Вы только не подумайте, что я хвальнось! В моем саду тоже есть очень красивые цветы: красные, желтые, лиловые, оранжевые... Не хотите ли посмотреть?..

— Я бы с удовольствием. Но можно ли мне покинуть мою ромашку? Ведь все давно привыкли, что я здесь.

— Ну, подумаешь — несколько часов! Никто ничего не заметит. И шелковый матовый мотылек вместе с прекрасной бабочкой полетели в сад к разноцветным цветам.

Картина осталась на месте. И все в доме было как всегда. Кто-то пришел. Посмотрел на шелковую картину и сказал как-то между прочим:

— Красивая картина. А другой человек сказал:

— Смотрите, какие ромашки! Они похожи на пуговицы. Забавно, правда?

А третий сказал:

— Какое небо голубое. Оно на что-то похоже. Только забыл на что. Ах, вспомнил!!! На занавески моей соседки!

Картину хвалили: «Красиво, забавно...» Все так. Но никто не сказал, что ромашки будто трепещут на ветерке, а перепутанная зеленая трава шелестит. Никто не сказал, что картина почти живой кажется. Почему же так? Случилось что-нибудь? Двести лет, ну, в крайнем случае, сто ромашки трепетали, трава шелестела, небо теплым казалось, а теперь... Занавески соседкины... Пуговицы забавные...

Обидно.

Но вот вернулся мотылек. Ему, конечно, понравились цветы прекрасной бабочки. Но он очень, просто очень торопился к своим ромашкам. Он скучал, он привык к ним. Мотылек опустил на свою ромашку, расправил матовые крылышки, замер...

И странная история получилась. Все увидели, как затрепетали ромашки, а трава, кажется, зашелестела, а небо потеплело.

Шелковая картина снова стала не просто красивой, а живой, как двести лет назад.

Кстати, матовый маленький мотылек сидел на своей чудесной ромашке так же спокойно и незаметно, как будто он ни при чем.

КАБЛУЧКИ

Много лет назад — может, двести, а может, и триста — в одном маленьком городке жил Сапожник. Обыкновенный городок: узкие улицы, острые шпили главных зданий. Обыкновенный Сапожник. Хороший Сапожник. Вот однажды под вечер приходит к нему заказчик — самый известный в городе Адвокат. И просит к утру сшить ему сапоги, да как можно лучше, наряднее.

— Завтра, — объясняет, — у меня очень важный суд: защищаю совершенно невиновного человека. Вот я и хочу повнушительнее выглядеть.

— Хорошо, — говорит Сапожник, — очень постараюсь. Не волнуйтесь. Только ушел Адвокат, бежит Девушка. Спешит, торопится, волосы светлые разлетаются.

— Дорогой Сапожник, помогите! Завтра в парке Большие танцы. Туфельки мне нужны для вальса! Такие туфельки, такие... — запнулась Девушка, покраснев.

— Знаю, знаю, какие нужны тебе туфельки. Приходи утром. Знал Сапожник и тайну Девушки: она очень хотела, чтобы на вальс ее пригласил один молодой гончар.

Только принялся Сапожник за работу, ворвался в мастерскую Мальчишка. Таких рваных башмаков Сапожник за всю свою жизнь не видел.

— Да-аа, — ни о чем не спрашивая, сказал Сапожник.

— Покрепче, пожалуйста, — попросил Мальчишка, — а то у меня привычка такая: что увижу, все пинаю — и камень, и бревно.

— Ладно, — кивнул Сапожник, — сошью из самой прочной кожи. А привычка плохая. Отвыкай!

Постоял Сапожник возле двери в мастерскую, подождал, — может быть, еще кто зайдет. Нет. Все на сегодня. Взялся за работу. Быстро работал, умело. Вот готовы чудесные, из мягкой кожи сапоги для Адвоката. Вот розовые с золотыми бантиками туфельки для Девушки. А вот прочнейшие башмаки для Мальчишки. Поставил Сапожник — все три пары рядом на рабочий стол, лег спать.

Ночь. Окна темные. Звезды яркие. Луна большущая. И ночь какая-то странная. Что-то волшебное в ней, сказочное. Дело в том, что в эту ночь у одной молодой и легкомысленной Феи был день рождения. Ночью — день рождения? Ну и что? Ведь у Феи и не такое бывает.

Захотелось этой Фее что-нибудь забавное и хорошее сделать. Полетела она по городу, понравилась ей вывеска мастерской Сапожника. Заглянула в мастерскую. На секунду задумалась Фея и рассмеялась. И тут же поменяла каблук на новой обуви. Девушкины каблочки — адвокатским сапогам. Мальчишкины — девушкиным туфелькам. Каблуки Адвоката — мальчишкиным башмакам. Фея так ловко, волшебю сделала это, что со стороны ничего не было заметно. Снова рассмеялась Фея-озорница и улетела.

Утром Адвокат, Девушка и Мальчишка приходят один за другим. Благодарят Сапожника, радуются вместе с ним, что такие внушительные сапоги вышли, такие чудесные туфельки, такие наипрочнейшие башмаки.

И никто не знает их главного, волшебного, подаренного Феей секрета!

Дальше все вышло так, как задумала Фея.

Надел адвокат новые сапоги (сапоги с девушкиными каблочками) и отправился на заседание суда. Пришла его очередь выступать. Хотел начать речь, а тут каблочки вспомнили, что они с туфелек для вальса. И закружился Адвокат в танце... Совсем неожиданно и для себя, и для всех! Испугался, удивился, а потом ему понравилось! С упоением, напевая, кружился Адвокат вокруг судьи, прокурора, зрителей, невиновного обвиняемого. Только одному танцевать неудобно, вот и подхватил Адвокат судью. Тот сначала сопротивлялся, потом покорился, а потом увлекся, и ему понравилось. Так хорошо танцевал Адвокат! Кружился старый судья в огромном напудренном парике, длиннющей красной мантии и думал:

«Да, старик я. Вот как, оказывается, решаются теперь в суде справедливые дела». И чтобы доказать, что он все правильно понял, ударил молотком Закона по столу приговора. И провозгласил: «Обвиняемый признан невиновным!» И хотел, как обычно, сказать в заключение: «Да здравствует Король!» Но почему-то, улыбаясь, добавил: «Да здравствует вальс!»

И вдруг — кр-рак! — отвалился каблук Адвоката. И перестал он танцевать. Чуть смутился, совсем чуть, потому что все были довольны. Ведь обвиняемый и правда был невиновен: просто он вылил чайник холодной воды на соседского петуха, потому что этот зловредный петух каждое утро в три тридцать распевал под его окном. Нарочно будил! Невиновный оправдан. Адвокат больше не нужен. Кр-рак. Фея знает свое дело.

Ну а что с Мальчишкой? Пришел в школу в новых башмаках (с каблуками Адвоката). Учитель вызвал отвечать этого совершенно безнадешного двоечника. Уроков Мальчишка, как обычно, не учил, а отвечать стал правильно, гладко, убедительно. Учитель от удивления всхлипнул и сказал:

— Я догадывался, что ты способный. Хотя и лодырь.

Никто, кроме веселой Феи, не знал, что в этом каблук Адвоката виноваты. Ведь дело Адвоката — правильные, гладкие, умные речи говорить. Огромную пятерку, сильнее всех прежних двоек, поставил учитель.

И кр-рак — сломался адвокатский каблук на мальчишкином ботинке: не вечно Мальчишке чужими правильными словами говорить. Фея знает свое дело.

Ну а Девушка? Невесело ей. Отменили Большие танцы. Не пригласил ее на вальс молодой гончар. Возвращалась домой опечаленная Девушка. Поблескивали на заходящем солнце золотые бантики новых туфелек (с мальчишкиными каблуками). Идет Девушка мимо

футбольного поля, ребята мяч гоняют, по непонятным причинам мяч подкатил к ногам Девушки. И тогда мальчишкин каблук толкнул ее ножку; приподняла Девушка длинную шелковую юбку и изо всех сил ударила розовой туфелькой с золотым бантиком по мячу. Полетел, полетел мяч и в ворота влетел. В воротах — лучший вратарь города: молодой гончар. Удивился он, посмотрел на Девушку и... точно понял, что прекрасней ее нет во всем мире. Заметила это Девушка, рассмеялась весело, почти как Фея.

И кр-рак — сломался мальчишкин каблук. Зачем он теперь? Фея знает свое дело.

А вечером к Сапожнику пришли вчерашние заказчики. Адвокат — гордый победой на суде. Мальчишка — первый раз в жизни получивший пятерку. Счастливая Девушка. Довольные пришли, радостные, хоть и со сломанными каблуками. Ох и удивился Сапожник! Ох и сокрушался Сапожник! Ох и извинялся Сапожник! Первый раз за всю карьеру такой конфуз... К утру как новые будут. А заказчики его успокаивали. А заказчики благодарили. А заказчики радовались.

Взялся Сапожник за работу. Вот и все готово! Сапоги Адвоката, туфельки Девушки, башмаки Мальчишки.

...Ночь. Темные окна. Яркие звезды. Большая луна. Чудесная ночь. Обыкновенно-чудесная ночь. Ни у одной Феи не было в эту ночь дня рождения. А потому ждали Адвоката внушительные сапоги, Девушку — изящные туфельки, Мальчишку — неразбиваемые башмаки. Отличные вещи, но не волшебные. Молодая веселая Фея уже сделала доброе веселое волшебное дело.

Вот такая история произошла много лет назад — может, двести, а может, и триста — в маленьком обыкновенном городке.

ПОЧТИ ВЕСЕННЯЯ СКАЗКА

Ягоды рябины были ярко-красные, а листья ее сиреневые. А вот листья березы и ясеня — желтые. Но все равно не похожие друг на друга. Потому что продолговатые листья ясеня

скорее золотые, чем желтые. А листочки-сердечки березы даже на солнце — пусть на холодном, на осеннем — скорее печально желтеют, чем золотятся. А сильные дубки просто веселые и рыжие-рыжие. А вот клены, те и желтеют, и золотятся, и краснеют, и рыжеют.

В общем, все до одного листочка чародейка-Осень раскрасила по своему вкусу. А вкус у нее, надо признаться, отличный.

Еще раз осмотрела Осень свои владения. Все хорошо. Только трава не понравилась: бурая какая-то, невыразительная. Слегка тряхнула Осень деревья, и бурая трава уже не видна под ковром пестрых листьев. «Теперь все», — решила Осень.

Время идет, все довольны. Даже люди. А вот Осень начинает волноваться. Волнуется Осень, кривит яркие губы, сердито щурит желто-карие глаза, на север смотрит. «Сейчас вот-вот явится белая волшебница. Ничего, холодная, не пожалеет! Даже Лето, зеленое, веселое, покорилося мне. Красоте, богатству, силе моей прекрасной уступило. Так неужели снежная, ледяная погубит все вокруг. Не дам! — тряхнула Осень листьями. — Не пущу! Не дам!» Гордо встала Осень у своих границ.

А вот и она, сама Зима, появилась. Белая шаль узорами из драгоценных льдинок украшена, на ресницах густых вокруг глаз, синих, холодных, снежинки застыли, губы сжаты.

— Пришла... — сердились желто-карие глаза.

— Пришла. — Спокойны синие глаза, холодные.

— Зачем? Разве я хуже тебя?

— И я хороша. Да и время мое.

— Твое ли? — усмехнулись яркие губы.

— Мое, — почти не разжимались губы холодные.

— Не пущу. Уходи! Погубишь все.

— Губить не стану. По-своему переделаю.

— Не переделаешь, — сердилась Осень, — не позволю!

— Не сможешь. Время твое ушло. И ты уходи, — звенела Зима.

— Не уйду.

— Уходи!

Они не ссорились. Они сражались. Так кто же победил? Холодная ли уверенность? Упрямая ли настойчивость? Кто сильнее? А может ли быть кто-то сильнее?

— Уходи!

— Уходи!

— Уходи!

И ушли. Обе. Почему? Обиделись. И Осень-чародейка, чье время ушло. И Зима-волшебница, та, что решила: «Пусть без меня обойтись попробуют».

Ушли. Обе. А кто же остался? Дождь холодный, деревья с голыми, гнущимися от ветра ветками, лужи, по которым уже не плавают разноцветные лодочки-листочки. Серое все, серое. И не удивительно: обиженная Осень унесла с собой разноцветье листьев, грибов, ягод.

А дождь — он бы и рад серебряным снегом обернуться, да Зима на Осень обиделась, ушла. А ветер хотел бы метелицей стать, да как же без Зимы? А голые ветки просто мечтают инеем заискриться, но Зима далеко уже! А лужи грустные так хотели бы в сверкающие ледяные зеркала превратиться! Но ушла Зима, обиделась и ушла.

Так как же быть? Ведь грустно, тускло, серо очень. Что же вы наделали, Осень и Зима? Что же вы наделали, Зима и Осень?

Одно остается. Ждать Весну. Очень ждать, терпеливо ждать, верно ждать. Она придет.

ХОРОШО, ЧТО ХОРОШО КОНЧАЕТСЯ

Солнце проснулось. Выглянуло из-за горизонта. Огляделось, ведь за весь день отвечает. Нельзя сказать, чтобы у него сразу испортилось настроение. Лес и луг зеленели, поле золотилось, речка голубела. Где-то на краю света зевала и потягивалась туча. Большущая, темно-серая.

Она не испугала солнце. А вот на другом конце света в небе парило маленькое белоснежное облачко. Очень симпатичное и, несомненно, веселое. Оно и заставило солнце не то чтобы нахмуриться, но улыбнуться чуть осторожно.

Время идет, солнце торопится. Траву от ночной росы высушить надо, цветы светом напоить надо и, конечно, совершенно необходимо... А это что такое?! Медленно, но верно приближается та самая огромная серая туча. Если она, которой в общем-то все равно, куда

ползти, закроет солнце, тогда ему ничего не успеть сделать.

— Как приятно, — быстро проговорило солнце, — что мы встретились!

— Чем могу служить? — Туча изогнулась, как могла, грациозно.

— Надеюсь, вы поможете. — И солнце, упираясь лучиком в тучку, чтобы та не поползла, рассказало о поле, которое ждет не дождется дождя, о пересыхающей речке, о грибах, которым очень трудно расти без дождя.

— Где объекты? — раздуваясь от дождя и гордости, спросила туча.

— Поле, — солнце указало лучиком в одну сторону, — речка, — второй лучик потянулся в другую сторону, — в грибной лес, — третий лучик ткнулся в третью сторону.

Туча отправилась по делам, а солнце улыбнулось — оно знало, что медлительная туча не скоро со всем справится. Почти спокойно стало солнце дальше делать-поделывать свои дела. Даже не забыло установить точное время на главных живых часах — подсолнухах.

Только вот почему солнце почти спокойно? Почти, а не совсем! А потому, что нет-нет, да поглядывало оно в ту сторону, где над горизонтом висело-парило белоснежное облачко.

Солнце видело, что происходит именно то, чего не миновать. Вздохнуло: «Не впервой, как-нибудь...»

А все-таки, в чем дело? Вот порхает белое облачко, и настроение у него просто прекрасное. «Ах, с кем бы поговорить, поболтать?» — поглядывает облачко по сторонам. И вдруг, совершенно откуда ни возьмись, появляется второе облачко. Тоже прелестное и безобидное. Да еще с легким перламутровым оттенком. И ему было легко и весело и хотелось с кем-нибудь поболтать.

— Как замечательно, что мы встретились!

— Прекрасно! Мы давно не виделись!

— А вы не изменились! Разве что стали еще белоснежнее. Просто снежинка!

— Спасибо! И вы чудесно выглядите! Перламутровый оттенок восхитителен!

— Недавно мне довелось пролетать над озером изумительного изумрудно-зеленого цвета. И знаете, когда мой перламутр отразился в озере...

— Да...

— Да! Получилось редкое по красоте сочетание: изумрудно-перламутровое.

— Да...

— Что «да»? Я не совсем понимаю смысл вашего «да».

— Так... Ничего особенного...

— И все-таки?

— Если... вы не обидитесь? — кажется, колебалось белое облачко.

— Конечно, нет! — искренне, нет ли, рассмеялось облачко перламутровое.

— Хорошо, я скажу. Мне кажется, что сочетание перламутрового с зеленым немного резковато.

— Резковато?

— Да, немного вульгарно. Надеюсь, вы не обиделись?

— Ах, ну что вы! Просто мне жаль вас. Наверное, вы никогда не видели озеро изумрудного цвета. Потому вам и кажется, что...

— Вы ошибаетесь, я отлично знаю это озеро. И отражалось в его зеркале не раз. Представьте: моя белоснежность в изумрудной оправе! Берега застывали в восхищении.

— Ну... — протянуло перламутровое облачко, — сочетание цветов довольно приятное, но слишком уж обычное.

— Ах, что вы! — не соглашалось белоснежное облачко. — Торжественное сочетание! Благородное.

— По-моему, простовато.

— А я считаю — изысканно!

— Вы, вы... — задрожало перламутровое облачко.

— А вы? Будто бы вы... — не уступало облачко белоснежное. И вдруг...

— Не надо! Не надо! Друзья мои, не ссорьтесь! — Это из-за горизонта выскочило красивое ярко-розовое облачко. — Не ссорьтесь! Вы очаровательны, это ясно, но я, именно я, самое красивое! — громко рассмеялось розовое облачко и добавило — Это я вроде бы шучу, но на самом деле говорю правду. Вы согласны, что я неотразимо?

— Не в этом дело! — одновременно, стараясь перекрыть друг друга, бросились к розовому облачку белоснежное и перламутровое. И услышали звенящий смех. Приближалось светящееся золотистое облачко. Конечно, оно утверждало, что именно его отражение создано, как будто специально, для изумрудного озера. Ничего нового...

Ближе и ближе друг к другу подлетали облачка. Громче становились их голоса. Пока не превратились, не слились в один голос, шум, гам, грохот — просто обыкновенный гром! И цвета яркие, разные столкнулись, зацепились друг за друга, перепутались. И вот уже непонятно, где веселый розовый, где благородный белый, где редкий перламутровый, где гордый золотой. Смешавшись, веселые цвета странным образом слились в один черно-лиловый цвет. Исчезли разноцветные облачка, быстро летит по небу к солнцу грохочущая черная туча. Не остановить ее. Слов солнца она не слышит. Его острые, но тонкие лучи сминает. Неизвестно, почему так быстро летит только что появившаяся туча. Неужели сила ссоры красивых облачков гонит ее?.. Зажмурилось солнце. Задрожали его лучики.

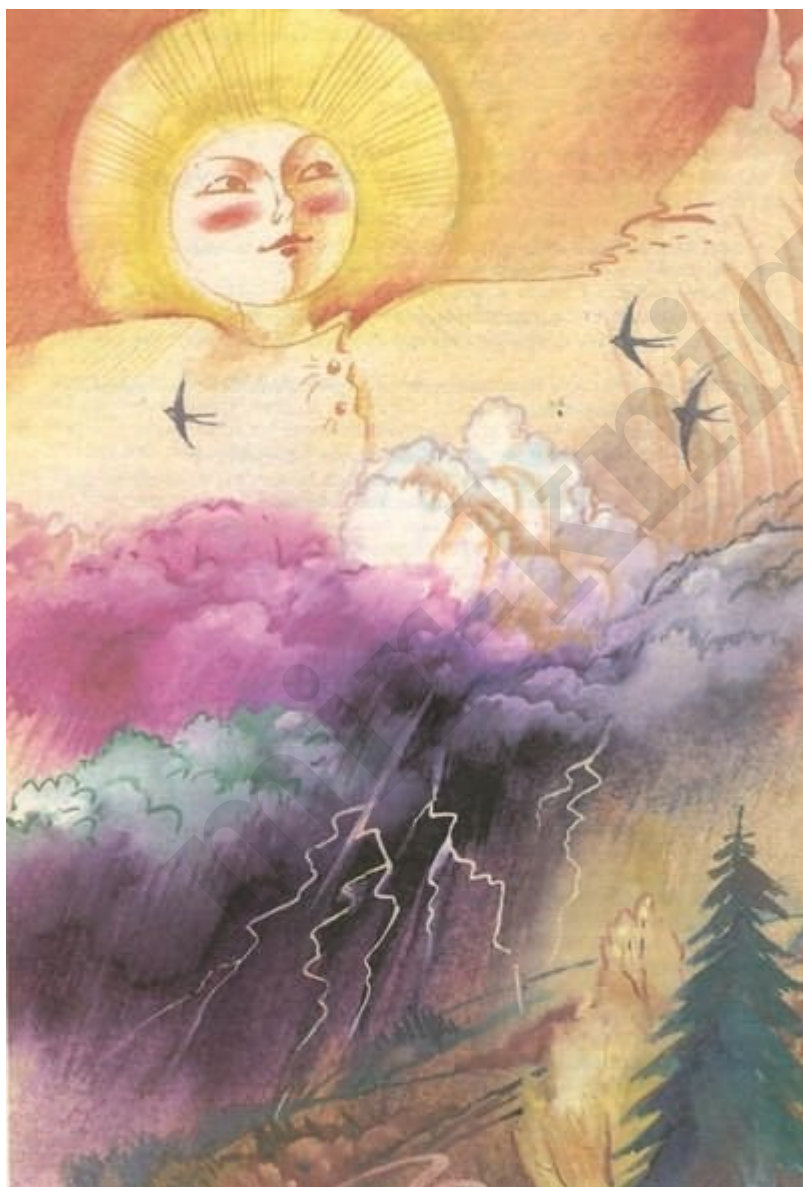
А это еще что такое?

— Эй, солнце, — спокойно приближалась медлительная серая туча, — я сделала все, что вы

просили. — Как всегда, она не смотрела, куда плывет. — Ой, извините, будьте любезны. — Эти слова уже относились к молодой черной туче.

Дело в том, что на этот раз туча серая плыла немножко мимо солнца, зато прямо на тучу черную. А была туча серая большая, спокойная, неторопливая. Не то что туча черная — не очень уж большая, быстролетящая, злющая, грохочущая. А потому туча серая еле заметила столкновение, зато туча черная вздрогнула, охнула, грохнула последний раз и... Рассыпалась, распалась. На облачко белоснежное, облачко розовое, облачко перламутровое, облачко золотое. Разноцветные облачка коротко взглянули друг на друга и, не прощаясь, быстро разлетелись. А серая туча поплыла своей дорогой.

А солнце... Солнце моргнуло. И еще раз моргнуло, и еще раз... Чтобы не заплакать. А потом расправило лучики, улыбнулось и подумало: «Я так и знало — как-нибудь обойдется...» И стало дальше делать-поделывать свои солнечные дела.

ЛАСТОЧКА

Весело напевая, маленький приемник раскачивался на шее Ласточки. А Ласточка помахивала головой и под музыку ритмично перебирала копытами. Ласточка — лошадь. Не молодая, честно говоря, — старая. Она работала в этом колхозе, когда еще техники там было всего ничего. И конечно, работы у Ласточки было невпроворот: вспаши, тракторам помоги, одно привези, другое отвези. Да и кроме официальной работы забот хватало: то деда Митрофана к врачу свези, то тетке Аглае сено привези, а то в самый город топай, в магазин «Детский мир»: Петьке конструктор вынь да положи.

Давно лошадь работала в колхозе. Дело свое знала отлично. Доверяли ей полностью, а потому работала Ласточка самостоятельно, без кучера. Приходила утром к своему начальнику, получала задание.

Прошло время, колхоз стал сильным, богатым, техники разной сколько угодно. Где уж старой лошади за всеми чудо-машинами угнаться? Попросила на другую работу перевести — поспокойнее.

Работа нашлась — стала почтальоном Ласточка. Ласточка знала всех, все давно знали Ласточку, а значит, никаких недоразумений, ошибок быть не могло. Подходила лошадь к нужному дому, звала: «И-го-го!» Выходила хозяйка, брала с тележки, что ей полагалось, а Ласточке выносила морковку или еще что-нибудь вкусное.

Ласточку все любили. Помнили, как помогала она людям в трудное безмашинное время, да и сейчас честно работала. Решили все вместе сделать старой лошади подарок. Знали — Ласточка любит песни. Часто после работы она стояла под окном клуба — слушала музыку. Вот и решили подарить ей приемник, легкий, чтобы Ласточка носила его на шее и слушала. Поэтому, когда мы с ней встретились, шла старая лошадь, постукивая копытами в такт знакомой мелодии.

Тележка с почтой уже почти опустела, одно-единственное письмо осталось. Конверт яркий, марки красивые. Но прочитать адрес Ласточка не могла.

Решила посоветоваться с Главным почтальоном. Посмотрел Главный почтальон, удивился.

— Ласточка! — говорит. — Это ведь тебе!

Приемник на шее Ласточки напевал что-то спокойное, а все четыре ее коленки дрожали от волнения. Поверить, что письмо действительно ей, старая лошадь не решалась — очень уж

заманчиво, очень уж хотелось.

— Точно, тебе, от родственницы какой-то!

И не думала Ласточка, что есть у нее родственница. А тут письмо! Ей — лично! Главный почтальон выключил приемник. Стал вслух читать:

— «Дорогая прабабушка! Вас беспокоит Ваша всемирно известная четвероюродная внучка Розалинда. Я случайно узнала...» — И дальше Розалинда писала, что она молодая спортсменка, вместе со своей наездницей установила множество рекордов. Объездила весь мир, а недавно узнала о своей дальней родственнице Ласточке. Розалинда приглашала прабабушку к себе в гости. И даже прислала ей билет в специальный лошадиный вагон первого класса.

Огромные слезы часто-часто сыпались из Ласточкиных глаз. От радости плакала старая лошадь: внучка нашлась! Да какая! Чемпионка! Внимательная! «Ах, Розалиндочка! Ах, деточка!» — вздыхала старушка Ласточка. Она уже всем сердцем полюбила новоявленную дальнюю внучку.

Пока Главный почтальон читал, толпа собралась огромная. Кричат, советуют, спорят.

— Нет, нет, — заглушает всех пронзительный голос тетки Серафимы, — нет, милая, не уезжай ты к этим чемпионкам: все нервы вымотают.

— Да погоди шуметь, — урезонивает тракторист дядя Сережа, — дай Ласточке самой подумать.

— Насовсем уезжать не стоит, — веско сказала, растолкав всех, передовая доярка Марья Шарикова, — а вот навестить необходимо, погостить, уму-разуму научить. Внучка как-никак, хоть и четвероюродная.

— Ладно, — как бы подводя итог, сказал Главный почтальон, — даю тебе отпуск, поезжай!

И всей деревней стали собирать Ласточку в гости к знаменитой внучке. Кузнец Василий Севастьянович так подковал, что сама Сивка-Бурка позавидовала бы... А Марья Шарикова попону новую расшитую подарила. Пенсионер дедушка Михаил сплел уздечку — васильковую с серебряной ниткой. А парикмахер Тамара так причесала Ласточкину гриву и хвост, так подклеила и подкрасила ресницы, что помолодела старушка лет на... Не будем говорить на сколько, чтобы не раскрывать Ласточкиного истинного возраста.

На вокзал провожали все до единого жителя деревни. Пришли. Показывают контролеру билет. Тот смотрит внимательно, потом на Ласточку взглянул с уважением.

— Да, — говорит, — все правильно: лошадиный вагон первого класса. Предъявите удостоверение вашей лошадиной личности и... счастливого пути!

Удостоверение Ласточкиной лошадиной личности?! Да что же, не видно, что она лошадиной, а, к примеру, не овечьей личности?!

— Видно, — согласился кондуктор, — очень заметная, яркая лошадиная личность. Но закон, сами понимаете, строг. Документ нужен!

И пока пронзительно надрывалась тетка Серафима, пока знатная доярка Марья Шарикова, как всегда, веско доказывала общую правоту, пока Главный почтальон и Кондуктор умоляли друг друга войти в положение друг друга, пока... Пока... Пока... Поезд гуднул, фыркнул и, сверкая

разноцветными вагонами, укатил в далекий город, где живет знаменитая Розалинда.

— Не беда, — вяло успокаивал Главный почтальон, — дадим телеграмму: «Глубоколюбимая Розалиндочка тчк по причине навестить не могу тчк безмерно жду тебя отпуск тчк глубоколюбящая Ласточка тчк».

Готовятся к приезду дорогой гостьи. Конюшню устроили в гараже председателя. Уздечек в подарок дед Михаил сплел дюжину, одна другой наряднее. Парикмахер Тамара по цветным иллюстрациям новейшие лошадиные прически изучает. А Ласточка? Ласточка то ждет со дня на день, то надеяться перестает. А ведь если серьезно, не смешно ли четвероюродной прабабушке ждать в гости такую всемирно известную внучку? А может, и не смешно!

Месяц прошел. Еще. Возит старая Ласточка почту, слушает на ходу песни. Правда, в последнее время к спортивным известиям внимательней стала. А по вечерам приходит к дедушке Михаилу. Садится возле скамейки деда, и тот читает ей вслух газету «Советский спорт». Нет-нет да и узнает Ласточка что-нибудь о четвероюродной внучке: то в Лондоне рекорд установила, то в Мадриде.

Время идет, идет, идет. Уже ждать перестала Ласточка:

— Где уж ей, молодой, замоталась, в делах вся.

...Развозила как-то Ласточка почту. День как день. Вот стала легкой тележка. Кажется, опустела. Оглянулась Ласточка, и чуть все четыре ноги ее не подкосились. Одно-единственное письмо: красивый конверт, яркие марки. «От нее, — сразу поняла Ласточка. — Розалиндочка!» И, не разбирая дороги, по огородам, закоулкам, громяхая телегой, размахивая непричесанной гривой, помчалась Ласточка к Главному почтальону — быстрее читать внучкино письмо.

— Да, — глубокомысленно разглядывая конверт, сказал Главный почтальон, — от нее.

Надел очки, разорвал конверт, стал читать замершей лошади: «Дорогая прабабушка Ласточка...»

Конец сказки.

О ЧЕМ ДУМАЛ КОТЕНОК

В обыкновенном доме жил обыкновенный котенок. Только имя у него было не совсем обыкновенным. Его звали Светик. Потому что он очень любил свет. А точнее — лампу. А совсем точно — настольную лампу. Она жила на письменном столе хозяина и очень гордилась своей желтой шляпой под названием абажур. И еще она гордилась тем, что всем нужна. И хозяину — он просто не мог без нее работать. И котенку Светику. Ведь он, несмотря на то, что хозяин неодобрительно покачивал головой, пробирался на письменный стол, отодвигал лапками кипы бумаг, стопки книг, иногда ронял карандаши и ручки, но все-таки устраивался у самой лампы. Там было не только светло, но и тепло. А значит, спокойно.

Иногда Светик, сощурившись от яркого света, подолгу смотрел на лампу. Светящиеся проводки в ее стеклянной головке сияли ярко, ровно, спокойно, уверенно. И очень красиво.

— Ты такая красивая! — однажды восхищенно сказал котенок.

— Так надо, — ответила лампа.

— А почему возле тебя так тепло?

— Так надо, — ответила лампа.

— А ты... ты всегда будешь светить? Всегда будешь с нами? — робко спросил Светик.

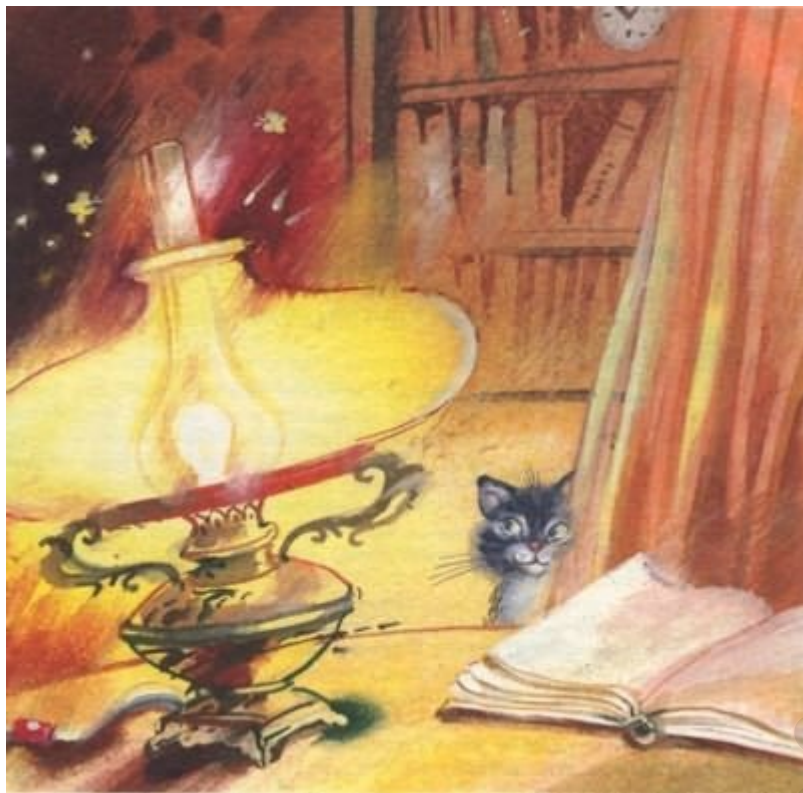
— Да, — ответила лампа. — Всегда. Так надо.

И погасла... И погасли все лампы в доме. Стало темно-темно.

— Пробки перегорели, — сказал хозяин, поднимаясь из-за стола, — не бойся. Сейчас почию. Только свечку найду.

Пока Светик в темноте, стараясь ничего не уронить, спрыгивал со стола, хозяин нашел свечку. Зажег ее, укрепил на маленькой металлической подставке и поставил на табуретке в прихожей.

Котенок увидел свечу и замер. Он прижался к полу и во все глаза смотрел на белый стебелек с трепещущим кусочком солнца на макушке.

— Ой! — выдохнул котенок и на секунду зажмурился. — Ой... Огонек все дрожал. И переливался разными цветами: то желтым, то красным, то белым, то оранжевым. Светик не понимал — веселый он или грустный, этот кусочек солнца. Уж очень робко и тревожно вздрагивал огонек.

— Ой, — снова прошептал котенок.

Что еще скажешь, если от восхищения все слова забыл. Осторожно, чтобы не напугать свечу, котенок прыгнул на табуретку. Оказывается, рядом с огоньком было светло и тепло. Светик и огонек внимательно смотрели друг на друга. Так внимательно, что зеленые глаза Светика стали золотистыми.

— Какой ты красивый, — наконец тихо-тихо сказал котенок.

— Что ты, — смущенно вздрогнул огонек, — я самый обыкновенный огонек.

— И рядом с тобой так тепло.

— Правда? — Огонек задрожал весело.

— А ты, — с надеждой спросил Светик, — будешь теперь с нами жить?

— Не знаю, — вздохнул огонек, — хорошо бы.

И тут зажглись все лампы в доме. Хозяин задул огонек и унес свечу. Растерянный котенок так и остался сидеть на табуретке.

— Ну, пошли работать, — сказал хозяин. — Хотя и не положено котенку на столе сидеть, не привык я работать без тебя.

Он посадил Светика под самую лампу. Тепло, светло было возле нее. Все так же гордо сияла лампа под своим прекрасным желтым абажуром. Так же спокойно, ясно, ровно. Так же

красиво. Только Светик не смотрел на лампу. Он о чем-то думал...

ОТЧЕГО БЫВАЕТ ВЕСЕЛО

Жил-был котенок. Он был не серый, как котята многие, и не рыжий, и не черный, и не белый, как котята остальные. А был он разно-разно-разноцветный: серый, белый, черный, рыжий, в пятнышках. Кто ни посмотрит, каждому весело становится. Очень уж веселая шубка у него была. Наверное, поэтому и сам котенок был такой веселый, игрuchий, прыгучий, озорной немножко. И непонятно, почему однажды, ни с того ни с сего, котенку стало грустно.

А грустно стало, и даже очень. Вздохнул котенок. Печально вздохнул, а его разноцветная веселая шкурка будто полиняла и потускнела. Котенок свернулся в пестрый клубочек и решил уснуть. «Может быть, во сне, — подумал он, — увижу что-нибудь веселое».

Не успел уснуть, а ему уже весело. Тихо-тихо, чтобы не спугнуть веселое настроение, котенок фыркнул, открыл глаза и увидел на кончике своего хвоста небольшое яркое пятнышко. Светлое пятнышко шевельнулось и перепрыгнуло котенку на нос. Очень щекотно стало.

— Ой, — котенок скосил зеленые глаза, чтобы лучше видеть пятнышко, — ты кто же такой? Веселый и щекотный!

— Я? — Пятнышко перепрыгнуло на рыжую лапку, и лапка будто засветилась. — Я — зайчик. Солнечный зайчик.

— Зайчик... Солнечный... — Котенок осторожно перенес светлое пятнышко на другую лапку, на белую. И белая лапка засверкала, как снег на солнце.

— Слушай, зайчик, — котенок тихонько перебрасывал пятнышко с лапки на лапку, — ты что, узнал, что мне грустно? И потому нашел меня?

— Конечно, — подмигнул солнечный зайчик, — я очень не люблю, когда кто-нибудь грустит. Даже бледнею.

— Ну, сейчас-то ты не очень бледный. Вон как светишься! Все ярче и ярче. — Котенок легонько подбросил зайчика.

— Правильно. Ярче. Это оттого, что ты уже не грустишь. Что тебе со мной весело.

Солнечное пятнышко взлетело на занавеску, заскользило по ней и остановилось у подоконника.

— Прыгай в сад, за мной, — замигал зайчик, — в прятки поиграем. Замечательно играли котенок и солнечный зайчик. Правда, находить друг друга им было очень легко. Если прятался пятнистый котенок, казалось, на ветке дерева вырастал невиданный пятнисто-полосатый фрукт. Как его не найти? И солнечный зайчик не мог спрятаться по-настоящему. В самый темный, в самый глубокий колокольчик заберется зайчик, и засветится колокольчик, как маленький голубой фонарик.

Играли они, играли, котенок и забыл, что скучал недавно. Вот и день кончается, вечер наступает. Заметил котенок, что бледнеет зайчик. Уже еле видно его.

— Эй, зайчик! Ты что побледнел? Я же не грустный. Я очень веселый! — удивился котенок.

— Я не потому, — тихо-тихо отозвался зайчик, — просто я не какой-нибудь зайчик, а солнечный. Солнышко садится, мне спать пора. До завтра, котенок.

И погас солнечный зайчик. Расстроился котенок. Стал искать его. В каждый колокольчик заглянул. Нигде нет.

А вот и стемнело совсем. И вдруг много-много зайчиков появилось откуда-то. Яркие зайчики забегали по траве, по цветам, по деревьям. Обрадовался котенок. Подбежал к одному, нос подставил. И так ему спать захотелось, что сразу он понял: эти зайчики — зайчики ночного солнышка, того, что луной зовется, — совсем-совсем не настоящие солнечные зайчики.

«Ладно, — засыпая, думал котенок, — ничего. Завтра вернется настоящий веселый мой знакомый солнечный зайчик. Вернется. Обязательно».

НУ ЧТО ТЫ, КОШКА!

Жили-были блестящая сосулька, свисающая с крыши, вредная черная кошка с желтыми глазами, которая любила бродить по этой крыше, и воздушный шарик желтого цвета. Сначала сосулька не была знакома ни с кошкой, ни с шариком. Сосулька была очень красивой,

блестящей, искрящейся. Когда на нее падал солнечный луч, она будто загоралась, и казалось, в ней спрятано множество разноцветных елочных игрушек.

Черная кошка с желтыми глазами страшно завидовала красивой сосульке. И напрасно. Ведь у нее, у кошки, такие замечательные горящие желтые глаза.

А потом прилетел желтый воздушный шарик. Откуда он летел — неизвестно. Но, пролетая мимо сосульки, шарик зацепился за нее своей веревочкой.

— Привет! — сказал он сосульке. — Я летал-летал, устал совсем. Можно за тебя зацепиться и немного отдохнуть?

— Конечно, — ответила сосулька. — Цепляйся и отдыхай. Желтый шарик потуже затянул на сосульке свою веревочку, и они принялись болтать о том о сем. А вредная кошка сидела рядом, перегнувшись через край крыши, упираясь задними лапами в черепицу, и смотрела на сосульку, блестящую на солнце, и на шарик, который сам был похож на маленькое желтое солнышко. Кошка уже и желтому шарiku завидовала, забыв о своих собственных желтых-прежелтых глазищах.

А сосулька и шарик тем временем разговаривали вот о чем. Сосулька рассказывала шарiku о том, что скоро пригреет солнце, и она капелька за капелькой слетит вниз, на тротуар, превратится в лужицу и в ней будут купаться веселые смешные воробьи.

— Это будет очень забавно и приятно. Правда?

— Да, конечно, — согласился желтый шарик. Ведь у него был тоже веселый характер. — Это будет замечательно!

А вредная кошка, свисая с крыши, чуть не задыхалась от зависти уже не только к сосульке, шарiku, но и к будущей лужице, и смешным воробьям! Кошка так завидовала, что у нее из глаз чуть искры не сыпались.

И тут ее увидели сосулька и желтый шарик.

— Ой! — сказал шарик. — Какие у тебя красивые желтые глаза! Желтые, как я.

— Ничего подобного, — сказала кошка, — пытаюсь пограциознее устроиться на покато́й крыше. — Ну ничего подобного! Мои глаза гораздо желтее.

— А сверкают так же ярко, как я на солнце! — восхищенно заметила сосулька.

— Неправда! Вот неправда! — Кошка от возмущения чуть с крыши не свалилась. — Неправда! Ярче сверкают мои глаза!

— Хорошо. Пусть ярче, пусть желтее, — согласились сосулька и шарик, — не сердись. Иди к нам. Поговорим о разных веселых вещах, — позвали они кошку.

Но кошка надменно отвернулась:

— Вот еще! Буду я болтать о разной чепухе!

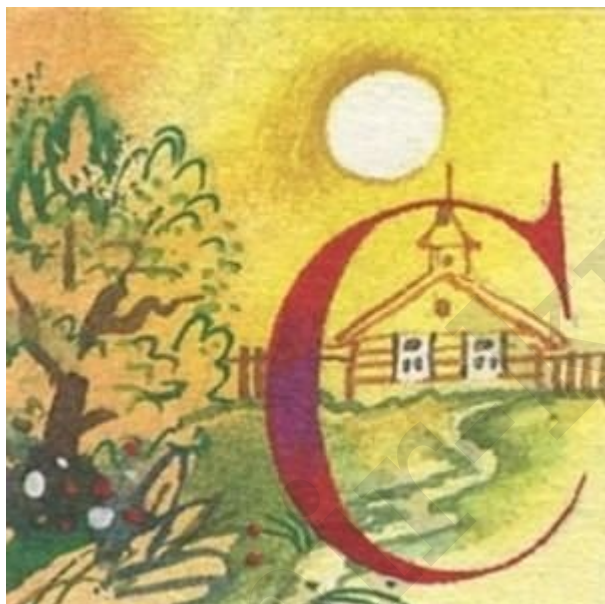
И она отошла, но совсем недалеко: ведь ей очень хотелось услышать, о чем будут говорить сосулька и шарик.

Ни о чем тайном, секретном они не говорили. Погода была такой солнечной, такой легкой, что не хотелось говорить ни о чем серьезном. Шарик рассказывал сосульке, что, пролетая мимо крыш, он видел много сосулек, но такой веселой и разговорчивой не встречал. Кошка только насмешливо фыркнула. Сосулька рассказала, как на днях видела маленького мальчика с шариком. Только не с желтым, а с синим, и не с круглым, а с длинным, как огурец. И назывался этот длинный синего цвета все равно — шарик. Сосулке и желтому шарiku это показалось очень смешным. И они рассмеялись. При этом шарик подпрыгивал на своей ниточке, а сосулька весело позвякивала. А вредная кошка опять презрительно фыркнула.

Скоро шарик отдохнул, попрощался с сосулькой и улетел. Потом солнышко стало пригревать все теплее и теплее. Капелька за капелькой стала таять сосулька. Вот и превратилась она в лужицу. И стали купаться в ней веселые воробьи. Это действительно было очень весело.

А вредная черная кошка с желтыми-прежелтыми глазищами? Как она? Не вредная уже, а грустная какая-то... Сидит на краю крыши, смотрит на веселую лужицу. По сторонам поглядывает — не видно ли где желтого шарика?.. А что еще ей остается?

КАК КОШКА НА ДАЧУ СОБИРАЛАСЬ

Солнце стало жарким, голубое небо слегка выгорело, а трава и деревья позеленели. «Лето», — решили мама, папа, девочка с голубыми глазами и бабушка. Кошка Мурзета тоже считала, что это — именно лето, и не удивилась, когда семья стала собираться на дачу.

— Каждый день, — радовалась мама, укладывая вещи в чемоданы, — я буду гулять. Да не путайся ты под ногами! — Это Мурзете, которая просто проходила мимо. — Так вот, буду гулять и за лето похудею на десять килограммов.

— У меня получится неплохой огород, — планировала бабушка, аккуратно переставляя маленькие ящички с рассадой. — Это помидоры, это огурцы, это... Мурзеточка, отойди, помнешь, это редиска, это... — И бабушка перечисляла дальше.

Кошка отошла и услышала папин голос:

— Осторожно! Не урони мои удочки! Ведь кошка все-таки должна уважать рыбалку!

Мурзета только головой покачала: удочки стояли в другом конце комнаты. А пробежавшая

мимо нее уже одетая в дачный розовый сарафан красивая девочка вскрикнула:

— Ой, прости, кисонька, я, кажется, наступила тебе на хвост. А ты не видела моих розовых лент?

«Кажется, наступила, кажется, не видела», — спокойно подумала Мурзета. А потом она подумала: «И что такое творится? Ну, на дачу едем. И что? А сколько нервов, беготни...»

Сама кошка Мурзета не волновалась ничуть. Дача — это хорошо. И трава, и деревья, и солнце там... что ли... более настоящие, чем в городе. Правда, работы у нее, у кошки, будет немало. Ведь рядом лес, поле. И тамошние лесные и полевые мышки так и норовят, ну, вот просто так и норовят прошмыгнуть в подвал дачи. Ночью, конечно. Придется Мурзете охотиться на мышей. Охранять добро и покой хозяев. Это не страшно. Как и положено кошке. Посмотрела в окно. Удивилась. Потому что небо стало не голубым, а очень темно-серым, солнца не было видно вообще. Да еще и дождь полил. Ливень просто. «Ничего себе, — Мурзета, не спеша, спрыгнула с подоконника, — дождь-то какой... Придется переждать непогоду. А потом уж поедem». И она хотела свернуться в клубочек и поспать. Но в это время...

— Ой, что делается! Что творится! — Мама чуть не плакала. — Дождь! Ливень! Ехать нельзя! Вещи уложены! Все помнется! Жить будем на чемоданах! А сколько?.. Неделью? Месяц? А еще... — Мама продолжала говорить, а к ее звонкому голосу присоединился чуть глуховатый голос бабушки:

— Что будет с моим огородом?! Ливень устроил такие лужи!.. Рассада погибнет! Ни огурчика, ни редисочки не вырастет!

— О чем вы говорите?! — на фоне голосов мамы и бабушки загремел папин голос. — Не о том волнуетесь! Разве не понятно, что не это важно! Дождь-то, ясно, надолго! Дорога возле дачи размокнет!!! Машина в грязи застрянет! Эти сотни чемоданов и коробок мне на руках таскать! Легко, думаете?!

Но все три голоса заглушил плач голубоглазой девочки:

— Размокнет мой розовый сарафан! И розовые ленты! И розовые босоножки! И я простужусь! Но мы все равно поедem! Не-мед-лен-но! Потому что я решила!

И тут кошка Мурзета обнаружила, что она, оказывается, стоит, выгнув спинку и распушив хвост. От неожиданности и удивления. Что, собственно, случилось? Спокойствия не было. Но сейчас что творится? Что-то совсем невозможное. Дело-то в чем? Дождь пошел. И что? Ведь кончится. И можно ехать. Шум зачем?

Но куда там... Мама и папа очень громко разговаривали друг с другом. Правда, мама с папой о том, что невозможно жить на чемоданах, а папа с мамой о том, что невозможно тащить чемоданы по размокшей дороге. А бабушка твердила о том, что все неважно, кроме огорода. А голубоглазая девочка тоже что-то кому-то доказывала, порхая по квартире в своем розовом сарафане. И было очень шумно, беспорядочно и совсем не весело.

Кошка Мурзета вздохнула и подумала: «Как утомительно все это. Придется принять меры». Она подошла к двери, поскребла ее коготками — так она просила, чтобы ее выпустили. Кто-то открыл дверь. Мурзета вышла, поднялась по лестнице на чердак, а оттуда вылезла на крышу, в самый дождь. Минутку посидела, будто что-то обдумывая. А потом подняла голову и начала разговор. Это был разговор на языке, который знают и слышат кошки и собаки, деревья, цветы и крокодилы, тучи, реки и бабочки — короче говоря, все, все, все, кроме людей.

— Здравствуйте, — кошка посмотрела вверх, — здравствуйте, туча!

— Привет! Чего надо? — не очень любезно отозвалась туча.

— Поговорить.

— Говори.

— Я хочу сказать, уважаемая туча, что вы просто прекрасно напоили деревья нашего города...

— Ну да, конечно.

— И еще — вы замечательно вымыли наши улицы и крыши.

— Ну да, конечно.

— И всю пыль вы прогнали.

— Ну да, да! Дальше-то что?

— Дальше? Я думаю, вам пора отправляться дальше.

— Это куда же?

— По радио я слышала, что в соседней области посадили что-то важное, а вот дождя там давно не было, и...

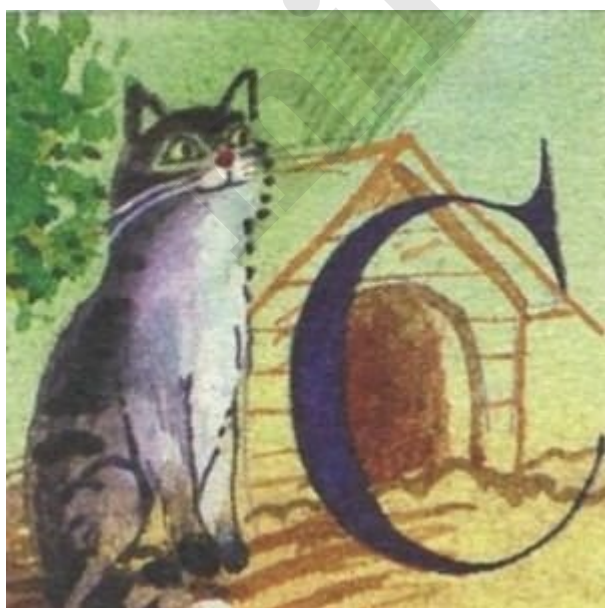
— Все ясно. Я полетела. Пока!

И огромная темно-серая туча медленно поползла (это она называла «летать») в нужную сторону. А кошка Мурзета впрыгнула на чердак, стряхнула капли дождя и медленно спустилась по лестнице к своей квартире. Мурзета вошла во все еще открытую дверь и снова очутилась в шуме, гаме, плаче. Не теряя времени, кошка прошла через комнаты к окну и громко мяукнула.

Мама, папа, бабушка и девочка посмотрели в окно и замолчали. Потому что небо снова стало очень голубым, а солнце ярким и жарким. Все, кроме кошки, сказали: «Ну, наконец-то!»

По дороге на дачу, уже в машине, мама опять радовалась будущим прогулкам, бабушка планировала, где что посадит на огороде, папа рассуждал о рыбалке, девочка с голубыми глазами вспоминала, взяла ли она розовый сачок. Кошка Мурзета просто дремала. У нее не было особых забот. Ну, подумаешь, мышей по ночам ловить... Ну, подумаешь, за погодой следить... Может быть, какие-то еще мелочи. Это все не страшно. Она ведь кошка. Она справится.

СЕРАЯ КОШКА

Серая Кошка жила в пустой собачьей конуре во дворе обыкновенного пятиэтажного дома. Давно жила. Привыкли к ней. Да и как не привыкнуть к Серой Кошке? Такая она обыкновенная... Просто кошка серого цвета, глаза желтые, шерсть густая — ведь и зимой на

улице; хвост, лапы, уши — все нормально. Одно необычно: Серая Кошка умела разговаривать. Но говорила она так легко, правильно, непринужденно, что никто этому не удивлялся. Правда, разговаривала Серая Кошка нечасто: хозяев у нее не было, а с чужими людьми или даже со знакомыми из соседнего с кошкиной конурой дома заговаривать казалось неудобно. Хотя относились к ней хорошо. Подкармливали, делились чем-нибудь по дороге из магазина или даже выносили в миске горячий суп, а зимой кое-кто пускал погреться.

В общем, жилось Серой Кошке вроде неплохо, неголодно, и дом ее, собачья конура, был вполне приличным домом.

Только в последнее время стало Серой Кошке чего-то не хватать. Думала-думала она и поняла, что не хватает ей просто имени. У каждой кошки есть имя, а у Серой Кошки — нет. Трудно жить без имени. Очень захотелось ей получить имя.

Она стала вспоминать, как зовут знакомых кошек. Знала Серая Кошка кошку по имени Мурка, кошку по имени Тошка и даже кошку со смешным именем Мышка. Она тихонько повторяла вслух разные имена. Хорошие имена, очень хорошие, но чужие. И кошка стала придумывать себе имя.

Она лежала на солнышке, на крыше своей конуры и думала. Она думала-думала. И никак не могла придумать нового имени, незанятого. Серая Кошка так расстроилась, что у нее даже голова заболела. «Ну, хорошо, — наконец решила она, — я найду себе новое имя, а как же все узнают, что меня зовут так, а не иначе? Нельзя же ко всем подходить и представляться. Что же делать?»

А вот что! Нужно, чтобы кто-нибудь придумал и подарил ей имя. Нужно, чтобы кто-нибудь называл ее по имени. А кто может это сделать? Хозяин, конечно! Значит, необходимо найти хозяина.

Серая Кошка решительно спрыгнула с крыши конуры и направилась к пятиэтажному дому. Она была уверена, что кто-нибудь захочет взять ее себе в кошки. Недолго думая Серая Кошка вошла в первый подъезд, поднялась на первый этаж, остановилась у первой квартиры. Она тщательно вытерла лапы о половичок перед дверью, подпрыгнула к звонку и позвонила.

Дверь открыл мужчина. Кошка его слегка знала: не то писатель, не то журналист, человек, кажется, не вредный. Когда замечает за окном кошку, кидает ей что-нибудь съедобное. Сейчас он был одет в домашний вельветовый пиджак, спортивные штаны, шлепанцы, красные носки. Сначала мужчина посмотрел поверх кошки: он не понял, что это она звонила. Потом заметил ее.

— А!.. Это ты?!

— Это я. Здравствуйте. Можно? — Кошка заглянула в квартиру.

— Заходи, заходи. Рыбу жареную будешь есть?

— Нет, спасибо. Я есть не хочу, — отозвалась Серая Кошка.

— А что же ты?..

Кошка снизу посмотрела на мужчину, чуть-чуть растерялась.

— Я бы хотела поговорить с вами. Если вы не очень заняты. Мужчина удивился, но кивнул.

Пошли к нему в кабинет. Он сел в кресло у стола с пишущей машинкой, папками, разбросанными бумагами. Кошке показал на диван напротив. Она устроилась на спинке дивана. Молчит, подергивает ушками, не знает, как начать.

— Видите ли, я хотела спросить... — Серая Кошка прошлась по спинке дивана, — не нужна ли вам кошка?

— В каком смысле? — не понял мужчина.

— Кошка в смысле кошка. Просто кошка. Я хозяйственна, послушна. Без разрешения ничего не возьму. Вы не подумайте, что я хвальнось. Я объясняю.

— Ты понимаешь... Я вот рыбу пожарил... Вкусную. Может, хочешь? — пробормотал он.

— Нет, вы меня поймите, пожалуйста, правильно, — терпеливо объясняла Серая Кошка. — Скажите, не хотели бы вы взять меня в кошки, придумать мне имя?

— Ах, в кошки! Завести как бы... ну... собаку?

— Почему же обязательно собаку? — Шерсть зашевелилась на кошкиной спинке. — Просто домашнее животное. В данном случае — кошку.

Было уже ясно, что с этим дядей вряд ли что получится, хоть и не вредный он.

— Да, да. Я понял... Но... Понимаешь...

— Я понимаю...

— Я в принципе не против... Совсем! — Он зашагал по комнате. — Но... Но! Я... Я же все работаю, все занят. Ты не обижайся. Ты очень хорошая кошка... Но вот видишь, — он показал на письменный стол, — работаю, занят... Тебе плохо у меня будет. Скучно.

Серая Кошка кивала головой:

— Да, да. Все ясно. Извините.

— Ты только не обижайся, ты заходи. Накормлю... Он как-то виновато посмотрел на кошку.

— Да, да... Спасибо. Зайду обязательно.

И прямо со спинки дивана она прыгнула на форточку, осторожно развернулась, кивнула на прощанье, сказала «до свидания» и соскочила вниз на улицу. Мужчина посмотрел ей вслед, потер затылок и застучал на своей машинке.

А кошка, приземлившись на хилый газон под окном, стала прикидывать, что делать. «Ничего страшного не произошло, — решила она, — нужно искать дальше».

Серая Кошка вошла во второй подъезд, подошла к двухкомнатной квартире, позвонила. Открыла тетка. По-другому не скажешь. Именно «тетка»: тощая, длинная, сухая, накрашенная. Сразу видно — вредная. «Ну и ну, — подумала кошка, — куда это я попала?..»

Но все-таки решила довести дело до конца.

— Ты что? — спросила тетка.

— Извините, пожалуйста, — запинаясь от смущения, проговорила Серая Кошка. — Скажите, не нужна ли вам кошка?

— Это ты-то?! — возмутилась тетка. — Да у тебя блох, наверное, тьма-тьмушая! А может, ты даже бешеная!

Дверь захлопнулась.

— Сама ты бешеная, — тихо сказала кошка, спускаясь по лестнице. Не очень весело стало кошке: здесь просто выгнали, там, мягко говоря, не приняли. Сидела она перед третьим подъездом и не знала — идти дальше искать хозяина или так уже и жить без хозяина, без имени? Но в конце концов решила, что две неудачи — это еще не все.

Вошла в третий подъезд, поднялась на третий этаж, остановилась около трехкомнатной квартиры. Прислушалась: женский голос. Серой Кошке показалось — телефонный разговор. Голос негромкий, мягкий, несколько вялый, томный, чуть надменный даже, но все равно приятный. «Подожду», — решила кошка: она была вежливой. Ждать пришлось довольно долго. Наконец ее чуткие ушки уловили легкий стук: опустилась телефонная трубка. Серая Кошка позвонила в дверь. Неторопливые шаги. Открыла женщина средних лет, полноватая, короткие каштановые волосы, пестрый, но не яркий крепдешиновый халатик, сигарета в тонких пальцах.

— Здравствуйте, можно войти?

— Пожалуйста, проходи.

Женщина ничуть не удивилась, ни о чем не спросила, провела Серую Кошку на кухню, налила для нее молока в блюдце, а себе сделала красивый бутерброд с сыром.

— Выпей молочка, — сказала она, принимаясь за бутерброд. Кошке не хотелось молока, но отказываться было неудобно. Она выпила. Женщина доела бутерброд и хотела подлить кошке молока.

— Нет-нет, спасибо, — остановила кошка. — Мне нужно поговорить с вами.

— Поговорить? Я слушаю тебя.

И Серая Кошка терпеливо и толково рассказала все о себе, о том, что у нее нет хозяина, о том, как ей хочется иметь имя. Женщина очень внимательно слушала кошку. И в то же время жевала то ли коржик, то ли пряник... Кошка замолчала. Ждет.

Без тени сомнения, закуривая сигарету, женщина кивнула:

— Конечно. Оставайся моей кошкой. Я буду твоей хозяйкой. А назовем тебя, — она чуть задумалась, — назовем тебя Шастой. Нравится?

Серой Кошке нравилось все: и чудесное новое имя, и хозяйка, такая спокойная, ее голос, такой ласковый.

Зазвонил телефон. Женщина взяла кошку на руки и неторопливо пошла в комнату, где на полу стоял телефон.

— Алло? — Она сняла трубку. — Это ты, моя хорошая, — радостно, но спокойно сказала женщина, — а я тебе звонила, звонила. Сейчас, погоди...

Женщина принесла сигареты, закурила, прилегла на софу и вернулась к прерванному разговору. Кошка легла на ковер рядом с софой, слегка задремала под монотонный голос новой хозяйки. Специально она не слушала, но ее кошачий слух улавливал отдельные реплики. Кошка поняла, что речь шла о босоножках, которые купила подруга хозяйки и которые были слишком яркими, и потому хозяйка считала их вульгарными.

— Нет, ты как хочешь, — говорила она, — но наш возраст, комплекция обязывают. Я бы не решилась. Но раз тебе нравится...

И они принялись выяснять, какие платья, блузки, юбки, сумки, зонтики могут сочетаться с новыми босоножками.

«Все это очень важно, — думала Серая Кошка, — но когда же обо мне?» Она немножко спала, немножко слушала, немножко вспоминала, что знала об этой женщине. Где-то она работает несколько часов в день. Вырастила двух сыновей, которые редко бывают дома, а муж ее почти все время на работе, в командировках. Живет она, в общем, спокойно. Пока тянулся разговор, кошка успела выспаться, пройтись по квартире и даже чуть-чуть забыть свое новое имя — ведь по имени ее ни разу так и не называли.

И вот разговор закончился. Кошка открыла рот, хотела что-то сказать и не успела. Телефон!

— Алло? Ах, это ты, моя хорошая. Ну как же ты забыла меня? Нет, неправда! Нет, ты не звонила! Нет, ты так не говори, хорошая моя!

Хозяйка взяла телефон и вместе с ним ушла на кухню. Достала из холодильника сладкий творожный сырок, устроилась на маленьком кухонном диванчике. Кошка присела рядом на полу: «Сейчас она расскажет обо мне этой своей приятельнице. Скажет, как меня зовут».

Напрасно так думала Серая Кошка. Говорили о тех же ярких босоножках, что купила общая знакомая, потом о романе известного писателя: его напечатал какой-то толстый журнал и был он не то гениален, не то бездарен — критика пока не решила. Потом говорили о том, как хочется похудеть, и как трудно сидеть на голодной диете, и так далее, и так далее... И ни слова о кошке.

«Удивительно! Ведь даже имя придумала. Как его?.. Я и не успела запомнить», — сокрушалась Серая Кошка.

Наконец и этот разговор кончился. «Вот! Вот сейчас она назовет меня по имени», — решила кошка. А женщина, закулив, томно потянувшись, начала готовить грандиозный обед. Ведь сегодня суббота, соберется вся семья — и муж, ответственный работник, и сыновья-студенты. Время от времени она кидала на блюдечко Серой Кошке что-нибудь съедобное, иногда ласково улыбалась ей. Ласково. Но отрешенно как-то. И было ясно, что в мыслях у нее пельмени, которые лепила, босоножки приятельницы, толстые журналы, зонтики, диеты... А вот Серой Кошки там не было. Приготовление обеда прерывалось телефонными звонками. И опять ни слова о ней, о кошке. Что она — никто совсем этой женщине? Выходит так. Пообещала взять в кошки, дать имя. Пообещала, и все?

«Ну уж нет, — подумала Серая Кошка. — Не нужна я ей! А значит, и она мне...» И кошка решительно пошла к двери.

Хозяйка отпустила кошку, не спрашивая, вернется та или нет. Но Серая Кошка точно знала, что не придет.

Она сидела на лестничной ступеньке в растрепанных, совершенно растрепанных чувствах. И даже с растрепанной, взъерошенной шерсткой, что было ей совсем не свойственно. Ведь она очень аккуратна. А сейчас Серая Кошка была и расстроена, и растрепана, и... обижена.

Сидела она на ступеньке третьего этажа и не могла сообразить, что же ей теперь делать. Снова искать хозяина? Она не могла. Что-то мешало. А как же имя? А тот, кто даст его?

Пока Серая Кошка ломала голову, снизу стали доноситься звуки вполне определенные. Кошка узнала эти вопли и грохот. Посмотрела в лестничный пролет. «Они», — вздохнула она. Совсем молодая мама, в джинсах конечно, волокла за руку упирающуюся, орущую маленькую дочку в синем комбинезоне, а девчонка эта тянула игрушечную пустую коляску, гроыхающую на каждой ступеньке. Мама что-то втолковывала дочке, та яростно спорила, дергая одной рукой коляску, другой — маму. Догромыхали до кошки.

— Серая Кошка!!! — радостно крикнула девочка. — Привет, Серая Кошка!

Кошка вздрогнула. От девчонкиного вопля и, главное, оттого, что она так запросто к ней обратилась, по имени будто. Довольно измученная мама кивнула тоже приветливо и по-свойски как-то. И тут Серая Кошка, сама не понимая, что делает, впрыгнула в девчонкину игрушечную коляску.

— Мама!!! Смотри!! Смотри!! Серая Кошка теперь наша! — завопила девочка. — Не нужно мне говорящую куклу! Не хочу мороженого! Серая Кошка наша!!!

Девчонка дергала маму, трясла коляску с Серой Кошкой.

— Мама! Мамочка! Серая Кошка! Я давно просила! Она сама пришла! Серая Кошка! Серая Кошка наша!!!

И хотя маме в джинсах было все равно — хоть кошка, хоть тигр, хоть дракон, — она устало улыбнулась и сказала:

— Пошли домой, Серая Кошка.

А девочка, волоча коляску по ступенькам, распевала на весь дом:

«Серая Кошка наша теперь! Серая Кошка наша!»

И тут Серая Кошка поняла: есть у нее имя, давно есть, прекрасное имя СЕРАЯ КОШКА.

РАЗНОЦВЕТНЫЕ РАЗГОВОРЫ

Жила-была... Нет. Жил-был... Нет. Жило-было окно. Красивое-красивое. Наверное, самое красивое в нашем маленьком городке. Нижняя, большая часть окна, та часть, что открывается, была из стекла совершенно прозрачного, необыкновенно чистого и чуть блестящего. Знаешь, почему блестящим было оконное стекло? Потому что дружило с солнышком. И каждое утро солнце дарило ему по одному своему лучику. Потому и блестело прозрачное оконное стекло.

А верхняя, меньшая часть окна? Она была совсем другой. Верхняя полосочка окна состояла из семи стеклянных квадратиков семи разных цветов: красного, оранжевого, желтого, зеленого, голубого, синего и фиолетового. Эти цветные оконные квадратики были в добрых отношениях с солнцем, но больше почему-то дружили с мерцающими ночными звездами. И даже днем они иногда подмигивали волшебным звездным светом.

Вот такое было окно. Одна сторона окна смотрела в комнату, другая в сад. Только представь, сколько разного, интересного видело окно за день!

Комната, в которую смотрело окно, была не просто комната. Это была детская комната. В ней

жили дети и их веселые игрушки. Много игрушек: куклы Маша, Вика и Вера, два зайчонка — Кляпа и Липа, тигренок Тик и медвежонок без имени. Днем игрушки и окно скромно молчали: ведь вещи оживают и разговаривают только ночью.

И вот приходит ночь. Тут бы и поболтать им, послушать рассказы окна о том, что видело оно за целый день.

Много видело окно, глядя в сад. Например, козу. Чужую. Коза убежала от своей хозяйки, которая привезла ее в город к зубному врачу, лучшему специалисту по козьим зубам. Неблагодарная коза бросила хозяйку в приемной врача и убежала. Конечно, всего этого окно точно не знало, но догадывалось: по глазам козы было видно, что она боится лечить зубы. Ну, да ладно, не это самое интересное. Интересно вот что: когда коза прошмыгнула в калитку, окно смотрело на нее в свое прозрачное стекло, и коза была совершенно белой, когда коза отошла к клумбе с ноготками, окно посмотрело в свое зеленое стеклышко, и коза стала зеленой, а потом, когда коза, постукивая копытцами, стала прохаживаться по садовой дорожке, окно посматривало на нее сразу в два стеклышка — желтое и синее. Вот тут коза вообще стала совершенно единственной в мире желто-синей козой. Каждый ли может увидеть такую многоцветную козу? Окно, о котором я рассказываю, могло.

И еще многое могло. Вот и сегодня окно видело очень даже забавную вещь: идет себе по дорожке сада, важно-преважно идет, курица. Обыкновенного куриного цвета, а за ней семеро цыплят: цыпленок красный, цыпленок оранжевый, цыпленок желтый, цыпленок зеленый, цыпленок голубой, цыпленок синий и даже цыпленок фиолетовый. Почему у такой обыкновенной мамы курицы такие необыкновенные цыплята? Да разве непонятно? Просто на курицу окно смотрело прозрачным стеклом, а на цыплят стеклышками цветными.

Насмотрится разноцветное окошко на разных цветных цыплят, столько за день интересного, красивого, неожиданного увидит, что вечером почти звенеть начинает: так хочется рассказать обо всем друзьям-игрушкам, тем, что живут в комнате. Да и они, игрушки, весь день ждут не дождутся рассказов разноцветного окошка.

Но вот ведь какая неприятность! Досада какая! Обида просто! Как только садится солнышко, ночь опускается, зажигаются звезды, в детскую комнату входит бабушка и задергивает шторы на разноцветном окошке. Конечно, бабушка права, все так делают. Да и шторы красивые: желтые-желтые, почти золотые. Но тяжелые, плотные. Попробуй расскажи о разноцветной козе или еще о чем-то забавном, если тебя занавесили плотными шторами... Только тихое стеклянное дзинь-делинь, дзинь-делинь доносилось из-за тяжелых штор.

Так расстраивались игрушки... Куклы Маша и Вика первыми попытались раздвинуть ночью шторы. Но вдвоем у них ничего не получилось, сил не хватило. Потом девочке, хозяйке кукол Маши и Вики, подарили двух зайчат — Кляпу и Липу и медвежонка без имени. И когда игрушки впятером — Маша, Вика, Кляпа, Липа и медвежонок без имени взялись за шторы, шторы закачались, закачались и чуть-чуть раздвинулись.

Окно заглянуло в щелочку зеленым квадратиком и сказала шепотом, что щелочка очень мала, что в такую маленькую щелочку просто невозможно рассказать что-нибудь интересное.

К счастью, вскоре девочка получила еще два подарка: куклу Веру и надувного тигренка Тика. Раздвигать тяжелые шторы всемером было немного легче. Уже не одним, а двумя цветными стеклышками — желтым и зеленым — смогло окошко заглянуть в комнату. Заглянуть-то заглянуло, но ничего не рассказало — ведь все остальные стеклышки всё еще оставались закрытыми тяжелыми плотными шторами.

Совсем было опечалились игрушки. Но неожиданно пришла радостная весть: кто-то собирается подарить девочке настоящего плюшевого слоненка. Слоненка! А ведь слонята очень, очень сильные. Слоненок запросто, просто совершенно запросто раздвинет шторы.

И тогда игрушки услышат наконец разноцветные, пестрые, а значит, веселые истории красивого окошка.

Но придется чуть-чуть подождать. Подождать, пока подарят слоненка. А сейчас некому раздвинуть шторы...

ЗЕЛЕНАЯ СКАЗКА

Куст сирени рос по одну сторону крылечка, темно-зеленая елка — по другую его сторону. А само крылечко принадлежало дачному домику. Куст был молод, разговорчив, ветви его были длинными и гибкими, а цвел он светло-светло-сиреневым цветом. А вот елка была строже, молчаливей, сдержанней. Густо-зеленой, даже темно-зеленой была ее хвоя. Ну а летний домик казался сказочным теремком: наличники на окнах резные, стекла в окнах веранды разноцветные. Вот только крылечко было совсем не сказочным. Или просто из другой сказки. Или, может быть, у строителя, строившего крылечко, сидела в пальце заноза. Так или иначе, но у красивого, совсем не старого дома оказалось порядком покосившееся, немного развалившееся, очень скрипучее крылечко. Даже травой ухитрилось оно порастить. Странное такое крылечко. Конечно, красивый дом был им очень недоволен.

— Который год хозяйка обещает мне новое крылечко! — переживал он.

— Все обещает и обещает, обещает и обещает! — подхватывал сиреневый куст. — Ведь уже просто неудобно. Стыдно просто! Гости из города приезжают, часто приезжают, а как мы их встречаем?! Каким крылечком? — шумел куст.

— Вы, конечно, тоже так считаете, дорогая елка? — Дом не сомневался в том, что елка считает именно так.

Но темно-зеленая елка ответила не очень определенно.

— Кто знает, — тихо прошуршала она, — кто знает...

— Все знают! — Сиреневый куст уверенно взмахнул самой длинной веткой. — Я знаю, дом знает, хозяйка знает, да и вы, конечно, знаете.

В это время скрипнула калитка. Гости... Две нарядные женщины шли по садовой дорожке к дому.

— И все-таки ты ошибаешься, — настаивала та, что была в белом платье.

— Да нет же, — уверяла та, что была в платье голубом, — ошибаешься именно ты!

Голоса стали громче, женщины подошли совсем близко.

— Ты! — продолжала утверждать гостя в голубом.

— Ну, знаешь! Ты просто не думаешь, что говоришь! — почти рассердилась гостя в белом.

И как раз ступила на первую ступеньку порядком покосившегося, слегка развалившегося, поросшего травой скрипучего крылечка. И замолчала. А потом поднялась на вторую ступеньку, оглянулась и сказала:

— Да разве в этом дело? Посмотри, какая необыкновенная елка! А сирень! Просто чудо!

«Елка как елка, сирень как сирень», — подумала было гостя в голубом. Но в этот самый миг она тоже поднялась на странное, все в косматой траве крылечко. И почему-то сразу увидела, что елка и сирень действительно необыкновенно красивы. А еще она посмотрела по сторонам и, наверное, увидела еще что-то удивительное и прекрасное, потому что села вдруг на ступеньку, погладила кустик травы и сказала тихо:

— Как хорошо здесь... Просто странно, как хорошо... И другая женщина, та, что в белом платье, тоже вдруг притихла и тоже присела на кривое косматое крылечко и сказала:

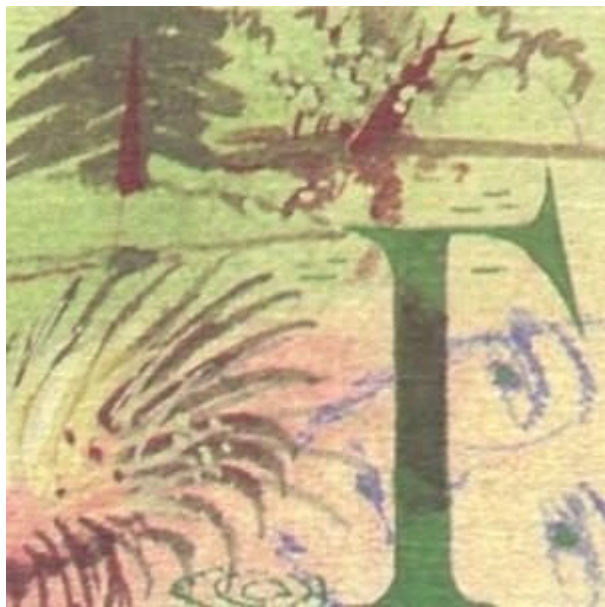
— А ведь лето... А я в суете и не заметила... — И она добавила немного странные, а может быть, очень обыкновенные слова — Лето, лето летнее; лето, лето зеленое...

А потом обе госты долго сидели на скрипучем крылечке и тихо разговаривали о чем-то добром, спокойном и, конечно, летнем.

Дом красивый, куст светлой сирени и темно-зеленая елка тоже тихо беседовали. Дом и сиреневый куст говорили о том, что будь крыльцо новым — госты были бы довольны гораздо больше. А елка нет-нет да и повторяла:

— Кто знает... Кто знает...

ТИШЕ, ПОЖАЛУЙСТА...

Где-то в лесу жила-была речка. Чистая-чистая, прозрачная-прозрачная. Весь свой лес поила прохладной водой. Каждому позволяла смотреться в себя, как в зеркало. Ни с кем не ссорилась, со всеми болтала. Веселая, добрая речка.

Так было долго. Но однажды утром проснулась она в плохом настроении. То ли сон грустный увидела, то ли еще что случилось. Вздохнула речка печально, потянулась и зацепилась волной за корягу, поцарапалась. Совсем расстроилась речка, чуть помутнела ее вода. Заметило это солнце. Решило развеселить речку. Пощекотало ее своим длинным лучиком, да как-то неудачно: сломался луч, уколол и без того поцарапанную волну. Вскрикнула речка испуганно. «Что за глупые шутки?» — подумала она обиженно. А тут еще неприятность: кто-то больно толкнул речку копытцем. Оказывается, совсем маленький лосенок, покачиваясь на своих тоненьких ножках, пришел попить. Запутался в речной траве и упал в воду, еле выбрался. Эта мелочь окончательно вывела речку из себя.

Да, расстроенная, испуганная, обиженная речка рассердилась, разозлилась, фыркнула и... вышла из себя. Из берегов своих... Сначала осторожно, на прибрежную траву. Дальше — до первых кустов. Потом закружилась вокруг стволов деревьев. Во все стороны, дальше, дальше, дальше растекается речка... И понимает, что не то делает, а вернуться не может. И коряга не хотела царапаться, и солнечный луч нечаянно уколол, и лосенок, конечно же, не нарочно упал в воду. Все понимает речка, а теперь — бесформенная мелкая огромная лужа. Все понимает, а вернуться не может... Сорвалась... Вышла из себя. И вперед бежать не может, сил больше нет... Качается почти стоячая вода меж кустов и деревьев. Гниют ветки, листья, трава в стоячей воде. Никто не пьет из бывшей речки, никто в нее не смотрится. Мутной, грязной, вязкой трясинной стала чистая, светлая речная вода.

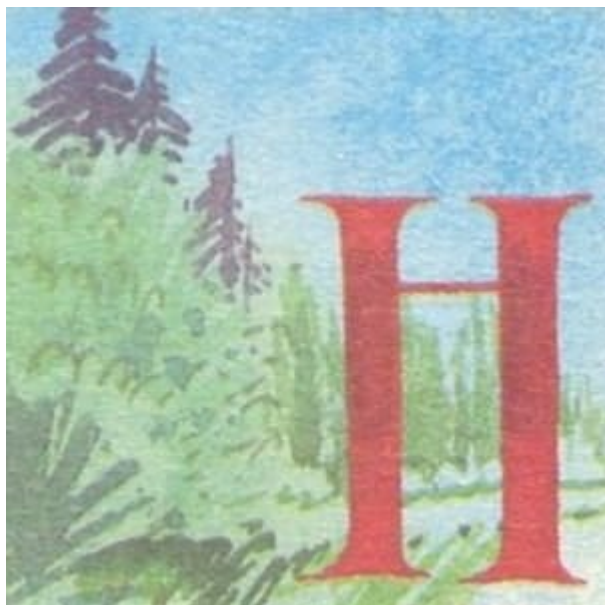
Болото... Неверные кочки... Ползучие стебли... Страшные черные оконца... Болото...

А была речка. Была... Добрая, веселая лесная речка. Только вот из себя вышла... Выйти каждый может. Всегда может. Выйти легко... Очень-Слишком даже...

...Не надо кричать... И дверью хлопать не стоит... Спокойно... Зачем бить посуду?! Тише, пожалуйста... Тише...

МАЛО ЛИ ЧТО...

Небо было голубым, а тучка розовой. Не совсем розовой, скорее — белой. Розовыми были ее чудесные волосы (люди их называют перистыми облаками). Тучкины волосы не могли не быть розовыми, потому что их расчесывали красные лучи заходящего солнца. А еще тучка была легкой-легкой. А еще веселой и доброй. И не надо говорить, что тучка моя не настоящая, а будто нарисованная. Тучка как раз очень настоящая. Просто у нее день рождения. Первый. Просто как раз в этот самый сегодняшний день тучка на свет появилась. И конечно, сразу поняла, что очень хорошо быть белой-белой, розововласой, доброй и веселой. А не как некоторые — серо-черно-лиловой с дождем и градом.

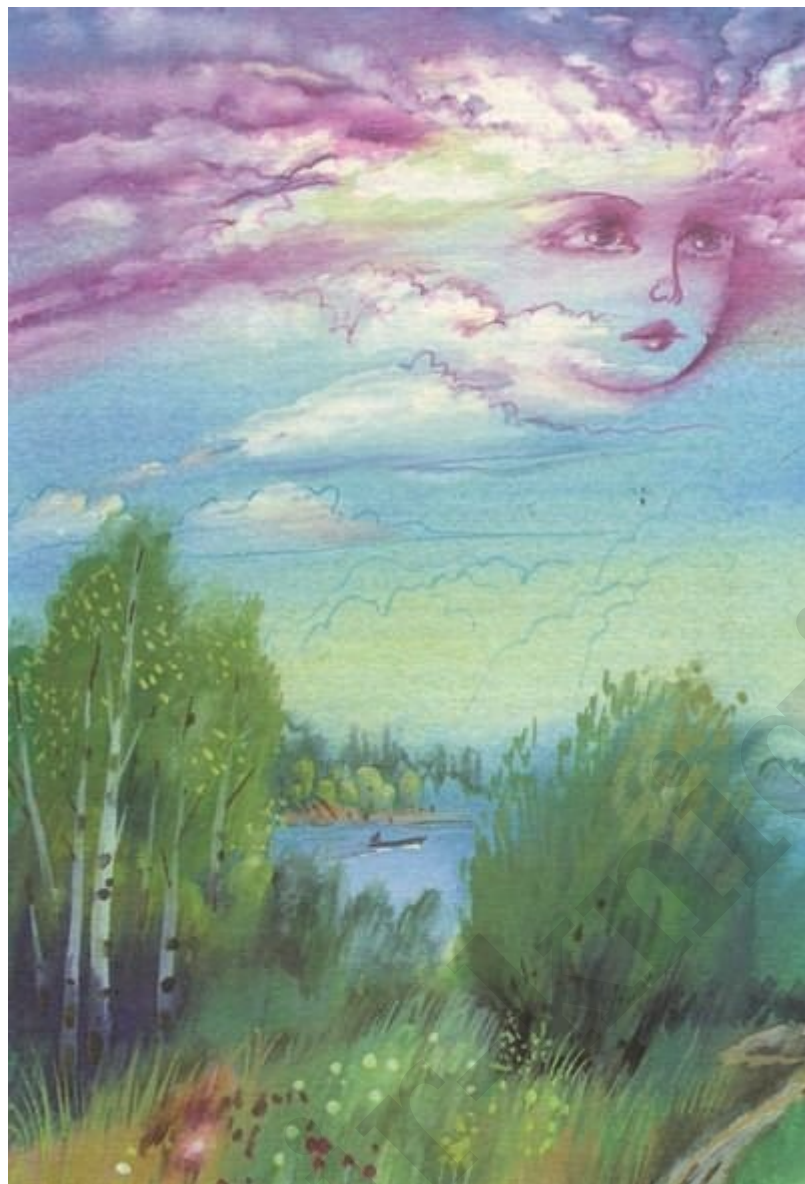
Вот и плыла, легко и весело, красивая, праздничная тучка. С небом почтительно разговаривала, самолеты о разных разностях спрашивала, с птицами болтала. А ветер рядом летел, следил за тем, чтобы юная тучка чувствовала себя уверенно. Но опекать тучку не было нужды. И ветер улетел по делам, пообещав скоро вернуться. А тучка поплыла дальше.

Конечно, хорошо ей в небе, но все интереснее землю рассматривать. Чего только не увидишь! И города, и деревни, и реки, и озера маленькие, меньше самой тучки. А людей сколько! И всем на тучку смотреть радостно, потому что красивая она. Плыла-летела по небу тучка, посматривала на землю, приглядывалась к людям. И оказалась над окраиной города, над большим старым парком. По аллеям парка гуляли разные, разные люди. Белая веселая тучка сразу обратила внимание на молодую нарядную женщину. Очень красивую, в легком белом платье, с яркой розовой лентой в волосах. «Какая красивая, — подумала тучка, — может быть, даже красивее меня. Только почему она грустная?»

Женщина и правда казалась грустной, даже раздраженной. Она сердито смотрела себе под ноги и слушать не хотела свою подругу. А та все удивлялась:

— Какая муха тебя укусила? Что случилось? Ведь здесь так хорошо. А ты будто не видишь. Какие старые деревья! Какое небо...

— Какое?! Ну, какое?! — сердилась красивая женщина с розовой лентой. — Небо как небо, деревья как деревья. И не до них мне.

Чем-то очень недовольна была нарядная женщина. Старые деревья и мудрое небо не удивились ее сердитым словам. И даже не очень расстроились. Мало ли странных людей на свете? А молодая тучка удивилась. Она плыла над аллеей. И вот тень от прядки ее розовых волос упала на лицо красивой женщины. Та резко подняла голову.

— Я так и знала, — сказала она удовлетворенно и твердо, — сейчас пойдет дождь.

«Дождь? — удивилась тучка. — Почему дождь?»

А снизу, с аллеи, снова слышались сердитые слова:

— Туча! Настоящая туча! Да еще с облаками какого-то розового цвета. Совершенно неестественный цвет!

«Так это на меня рассердилась красивая женщина. Ей кажется, что я принесла дождь, — догадалась белая тучка. — Напрасно. Ну а раз не понравились мои волосы, я могу их убрать». И белая легкая тучка собрала свои розовые волосы в тугой узел. И сразу что-то изменилось. Новая прическа сделала тучку будто тяжелее и старше. И еще. Исчез чудесный розовый цвет,

потому что солнце, увидев, как тучка собрала волосы-облачка, решило, что его красные лучи надоели. Солнце обиделось и отвернулось.

И вот уже в небе не белая-белая розововласая тучка, а чуть сероватая маленькая туча. А красивая женщина не успокаивается:

— Да эта туча не просто дождь, а ливень с грозой принесла. Не иначе. Очень обидно было слышать эти несправедливые слова. «Улечу. Сейчас же! Далеко», — решила тучка. Но не вышло. Пока тучка и женщина в белом платье были заняты друг другом, на горизонте появились тяжелые, серо-лиловые тучи. Эти грозовые тучи, полные дождя и молний, услышали сердитые слова женщины и поспешили к тучке будто бы для того, чтобы защитить ее. На самом же деле злые лиловые тучи очень любили ссоры. Вот и сейчас они надеялись, что без серьезной ссоры не обойдется. Они нависли над аллеей, окружили тучку, и загромыхали, и засверкали:

— Не бойся, мы ей устроим! Мы ей покажем! Послушаться бы красивой женщине подругу и сделать как все — уйти из парка. Так ведь нет же! Смотрит она в черные тучи и не устает повторять:

— Я предупреждала, я говорила! Сейчас, вот сейчас пойдет дождь! Так оно и вышло. Только дождь не пошел, а хлынул. Маленькая тучка старалась, очень старалась вырваться, улететь от черных туч, но разве пробьешься? А нарядная женщина была уже совсем не нарядной. Ее белое платье и розовая лента промокли, потемнели, стали цвета совершенно непонятного, печального. Злые тучи были очень довольны. Маленькая тучка чуть не постарела от обиды. А промокшая женщина твердила, почти плача:

— Я знала! Я говорила, говорила, говорила.

— Поменьш-ш-ше бы говорила, — шелестели старые деревья.

Никто их не услышал. Или не понял.

...А так хорошо все начиналось: голубое небо, розовая тучка... А кончилось как? Плохо кончилось. Вернее, плохо кончилось бы, если бы не ветер. Но ветер, закончив свои дела, вернулся к тучке, как и обещал. Увидев, что творится, ветер разлетелся, расшумелся, закружился. Разогнал лиловые тучи, маленькую тучку вынес в синее небо, растрепал ее стянутые волосы, помирил тучку с солнцем, с его красными лучами. Все, что нужно, сделал ветер. Деловой попался ветер. Молодец просто.

А что же было дальше? А все было хорошо. Плыла по голубому небу белая тучка с розовыми волосами. С небом разговаривала, с самолетами и птицами весело болтала.

А вот на землю не смотрела. Не хотела. На всякий случай. Мало ли что...

ЯНТАРНАЯ СКАЗКА

Шел по земле человек. Катилось по небу солнце. Шел человек по земле красивой, по траве зеленой. Думал человек. Катилось солнце по небу голубому, облакам кивало, человеку лучи золотые кидало. Радовалось солнце. О чем думал человек? Чему радовалось солнце? Человек думал ни о чем, просто думал. Потому что был человеком. Солнце радовалось ничему. Просто радовалось. Потому что было солнцем.

Солнце радовалось и немного удивлялось. Тому удивлялось, что человек совершенно, ну, абсолютно, ну, несколько не обращал на него, на солнце, внимания. А ведь оно такое яркое, большое, красивое.

Солнце бросило человеку несколько веселых, искрящихся лучиков. А человек в лес свернул. Ну и что! Не такая уж это для солнца преграда. Разворошило солнце густую листву и протянуло человеку теплые тонкие лучи. То ли не почувствовал человек, то ли все-таки лес помешал. Солнце не обиделось: «Все кончается, и лес кончится, — решило оно, — тогда человек меня увидит и, конечно, обрадуется». Лес и правда кончился. Человек вышел на широкий пляж. Песок был золотым. А море — очень синим. Солнце прицелилось и бросило несколько лучиков к ногам человека, так чтобы, ударившись о песчинки, искры лучей кинулись человеку в глаза. Теперь человек наконец заметил солнечные лучи. Он очнулся от своих человеческих мыслей и поднял голову. И увидел солнце. Солнце приветливо кивнуло, а человек серьезно сказал:

— Если я не ошибаюсь, солнце сегодня чересчур навязчиво. Правда, возможно, я ошибаюсь.

Человек взял подзорную трубу, долго смотрел на солнце и сказал:

— Я прав, солнечная активность явно повышена.

— Точно, — закивало солнце, — я сегодня очень активно! И очень хочу с вами общаться! И просто дружить!

А человек убрал трубу, надел шляпу с полями, темные зеркальные очки, в которых отражалось синее море, и гордо сказал:

— Теперь я могу не бояться солнца.

— Бояться?! Меня?! — ахнуло солнце. — Я не пугать, я дружить хочу! Какие обидные слова... Какая несправедливость... Солнцу стало так горько, так горько... Совсем огорчилось-опечалилось солнце. Это заметила легкая белая тучка. Она подлетела к солнцу и завела

непринужденную беседу о том о сем. Специально. Чтобы отвлечь солнце от грустных мыслей.

А человек тем временем подошел к морю. Синие волны выбросили к его ногам красивые золотистые камушки. Те, что называются янтарем. Эти чудесные камушки давным-давно живут в море. С тех самых пор, когда море захватило древний лес и превратило смолу деревьев в желтые прозрачные камушки. Множество камушков получилось. И если море хочет, его волны выносят их людям. В подарок. Золотистые камушки очень понравились человеку. Он пересыпал янтаринки из ладони в ладонь и повторял:

— Какая прелесть! Какие чудесные камушки! Будто маленькие солнышки!

— Что? Что? Что? — Солнце услышало слова человека о камушках-солнышках, несмотря на заботливую болтовню тучки.

А человек медленно шел берегом моря, радуясь каждой новой янтарной капельке.

Солнце выглядывало из-за тучки и никак, ну, никак не могло понять человека.

— Станный он, — удивлялось солнце, — радуется маленьким ненастоящим как будто солнышкам, а меня — настоящее, живое солнце — знать не хочет. Не понимаю.

И неудивительно. Понять человека очень трудно. Даже солнцу...

ОСЕННЯЯ СКАЗКА

Зазвенел яркий желто-красно-оранжевый будильник, и проснулась Осень-красавица. — Я не опоздала? — встревожилась она и выглянула в окно. — Меня уже ждут, наверное.

Осень собралась быстро и, конечно, не забыла свою волшебную шаль. Золотая шаль была соткана из нитей грибного дождя и солнечных лучей, а если приглядеться, виделись в золоте разноцветные осенние листья, грибы и колосья, виноград и яблоки, и улетающие журавли, и еще столько всего, что даже сама Осень не могла запомнить.

Явилась Осень к людям. А люди и не сразу заметили. Не до того им. Удивлены и расстроены люди. Крупные в садах яблоки выросли за лето, но кислые. На полях золотые колосья, красивые колосья, а зерна легкие, будто ненастоящие — не получится из них хорошей муки. А

на виноградниках тяжелые гроздья. Видимо-невидимо их, но не сладкий виноград, не вкусный совсем. Вот люди и беспокоятся.

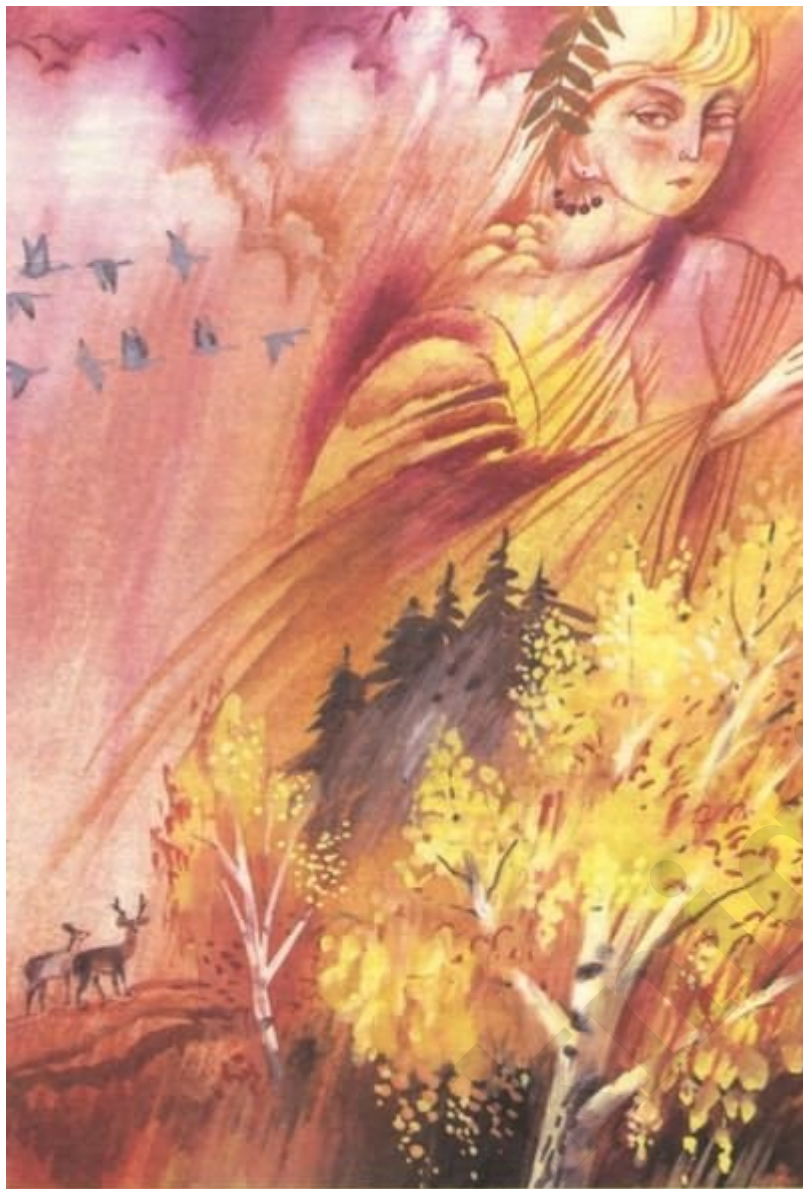
А Осень не беспокоится. «Лето хорошо поработало, все подготовило, — огляделась она, — дело за мной». И взлетела над садами, полями, виноградниками волшебная шаль Осени.

Теперь людям только успевай! Яблоки сладкие: в ту корзину — желтые, в эту — красные. Зерна тяжелые: из одних — мука для хлеба, из других, самых лучших, — для пирожков и пирожных. Виноград сладкий, сочный: и на сегодня, и на завтра, и еще хватит на соки для малышей до самой весны.

Быстро собрали люди урожай и, похоже, были им очень довольны. И Осень рада. Как же иначе! Но вот посмотрели люди вокруг, и оказалось, что в садах их не осталось яблок; а поля вовсе не золотые, а черные; а виноградники, раньше желто-зеленые и фиолетовые, стали бледными, грустными, без единой яркой виноградинки. Переглянулись люди:

— Осень? Уже?

«Конечно, это я, — подумала Осень, — давно я. Наверное, люди были так заняты урожаем, что меня просто не сразу заметили. Неважно! Главное, что всего много и все вкусное». И Осень улыбнулась — она была довольна.

А люди не улыбнулись, они, кажется, уже не были довольны.

— Да... — вздохнули люди. — Лето кончилось. Вот и осень. Да... — задумались они. — Осень... А что делать?.. А ничего не поделаешь.

«Странно, — удивилась Осень, — люди мне будто и не рады. Быть не может».

И снова, теперь уже над лесами и перелесками, взлетела волшебная шаль Осени.

И вот машина за машиной, автобус за автобусом повезли людей в осенний лес. Долго гуляли люди по лесу и, кажется, были довольны. «Урожай понравился, лес мой понравился, значит, и я людям в радость», — думала Осень.

А люди будто снова недовольны чем-то, будто печальны даже. Несут люди полные корзинки грибов. И в рыжих, и в разных — красных, шоколадных, желтых — шапочках. А корзины с осенней ягодой — ярко-ярко-красной клюквой! А еще охапки разноцветных рябиновых, дубовых, кленовых листьев. Бережно несут люди домой это осеннее волшебство и вздыхают:

— Осень... Да... Совсем осень. А что делать?.. А ничего не поделаешь... «А что, что нужно делать?! — Осень почти испугалась. — Почему печальны люди? Неужели они хотят прогнать меня? Неужели я все-таки им не нравлюсь?»

И она решила удивить людей, дать им полюбоваться тем, что не увидишь ни в какое другое время года. В самое небо на этот раз взлетела волшебная шаль Осени.

— Смотрите, смотрите, — звали друг друга люди, — быстрее, не успеете. Даже самые равнодушные долго не отрывали глаз от неба. И неудивительно. Летели птицы. Просто летели, и все. На юг.

— Видишь? Это стая ласточек. Маленьких, но очень смелых.

— Да нет же — это ровная-преровная нить сказочных гусей-лебедей.

— Тебе показалось! Это журавли. Это их стройный клин. Это они курлычат.

Вот такое чудо подарила Осень людям. Долго смотрели люди в небо, вслед прекрасным разным птицам. А потом?

— Да... Осень. Да, настоящая осень. А что делать? А ничего не поделаешь...

Опустила Осень руки. Заплакала Осень. «Ничем людям не угодишь. Уйду!» Закуталась она в свою волшебную шаль и отправилась куда глаза глядят. Но вот беда — расстроенная, обиженная Осень нечаянно надела свою шаль наизнанку. А изнанка была... Совсем не золотой, совсем не красивой, совсем другой была изнанка. Так случается и не с волшебными вещами, а с волшебными тем более. Не красные яблоки, не золотые листья, не крики журавлей несла с собой изнанка чудесной шали. Холодный долгий дождь и злой ветер вырвались из ее складок.

Дует ветер, льет дождь, медленно бредет — уходит Осень вдаль по размокшей уже дороге. А что же люди? Люди смотрят в другую сторону. Там, в другой стороне, невидимая пока, на обочине дороги, чтобы в слякоть не ступить, стоит в белых своих одеждах красавица Зима.

Взмахнула Зима своей волшебной шалью, и полетели сначала редкие, потом все чаще снежинки. Удивительные, хрупкие, узорчатые, невесомые, прекрасные. Чудо? Радость? Да уж и не знаю...

— Зима? Уже? — переглянулись люди. — Да... Осень прошла. Быстро как... Да... А жаль. Вот и зима. А что делать?.. А ничего не поделаешь...

Интересный народ — люди. Жаль им Осень!.. Не ту, добрую, золотую. Сегодняшнюю — дождливую, печальную, некрасивую. А вот Зима со всеми чудесами, похоже, не ко времени им. Станные люди. Да... А что делать?.. А ничего не поделаешь.

СОЛНЕЧНАЯ СКАЗКА

Я расскажу тебе сказку о Солнечном Луче, который однажды послушался Солнца, осмелился спорить с Законом Природы и попал из-за этого в очень неприятную историю.

Солнце, ближайшая к нам звезда, светит ярко, греет жарко и нежно. В его огненной гриве и бороде живет множество горячих, искрящихся лучей. Но в космосе тем не менее все равно очень холодно, темно, даже черно. Отчего же так?

— Закон Природы, — коротко отвечало Солнце.

Солнце постоянно кидало на Землю снопы, охапки, маленькие горсточки лучей: в зависимости от того, проплывала ли под ним злая Сахара, яркая Куба или мягкая Карелия. И всегда Солнце предупреждало свои лучи:

— В вашем распоряжении столько-то солнечных часов. И никуда не отклоняться!

— Ну почему же нельзя чуть-чуть, немножко побегать по холодному Космосу? Сгреть его? — спрашивали иногда Солнечные Лучи.

— Нельзя, — строго отвечало Солнце, — невозможно: Закон Природы. Солнце отправляло свои лучи не только на нашу голубую Землю, но и на красный Марс, и на зеленоватую Венеру, и даже на самую далекую нашу планету — всегда печальный Плутон. Но Солнечный Луч, о котором сказка, бывал пока только на Земле.

Однажды по воле Солнца наш Солнечный Луч и целый миллион миллионов его братьев оказались в чудесном краю. Это был огромный луг, поросший высоченной зеленой-зеленой травой, а в траве — красные, синие, желтые, белые цветы. Солнечные лучи прыгали по цветам и пели на своем солнечном языке. По лугу бежала женщина в белом платье и красивой белой, с большими изогнутыми полями шляпе. За руку она держала маленькую девочку.

— Смотри, смотри, — почти кричала красивая женщина, хотя девочка была рядом, — смотри же! Мир пронизан Солнцем! Мир пронизан Солнечными Лучами!

И надо же было, чтоб эти слова услышал наш Луч!.. Он будто застыл, закачался на ромашке, повторяя про себя: «Мир пронизан Солнечными Лучами». И... собрав все свои силы, Луч ринулся в путь.

— Несправедливо, несправедливо! — твердил он на лету. — Эта женщина в красивой шляпе

думает, что весь мир пронизан нами, лучами Солнца. А там, далеко, темно и холодно. Потому что, видишь ли, ЗАКОН ПРИРОДЫ!

И Солнечный Луч помчался пронизывать мир, потому что, так он считал, будет гораздо лучше.

А что же Солнце? Оно не видело, куда и зачем полетел его Лучик? Да нет. Солнце, планеты, кометы и прочие космические жители и, уж конечно, сам Закон Природы своим волшебным зрением отлично видели крошечный, вернее, почти никакой по сравнению с Космосом Лучик. Почему же тогда Солнце его не остановило? Может быть, и Солнце тоже не считало Закон Природы абсолютно верным? Не знаю. Одно знаю точно: Солнце тряхнуло огненной гривой и решило — разрешу!

Сначала лететь было не трудно, не страшно, даже интересно. Мимо проплывали планеты, о которых раньше рассказывали другие Солнечные Лучи.

Вот немного странная планета Нептун. Этот самый Нептун только и делает, что примеряет то так, то эдак свое, как он считает, очень оригинальное кольцо.

Но вот показалась печальная планета Плутон — край подвластной Солнцу страны или, как говорят люди, Солнечной системы. Дальше Солнце не сможет помогать своему Лучу. И оно, почти испугавшись, приказало:

— Вернись! Иначе я не знаю, что с тобой случится. Ведь твоя сила, твое тепло, твой свет без меня...

— ...исчезнут без вас, о Солнце, — медленно и спокойно сказала печальная планета Плутон.

А в этот миг мимо нее промчался Солнечный Луч, не обратив внимания на приказ Солнца и повторяя про себя заветные слова: «Мир пронизан Солнцем. Я маленький, но солнечный. Мир пронизан Солнцем».

Теперь все. Теперь за пределами Солнечной системы только Закону Природы был подвластен Солнечный Луч. Конечно, Закон Природы с самого начала следил за этим прямо-таки безобразным, с его точки зрения, поступком Солнечного Луча. Он решил непременно строго наказать нарушителя. Это сначала. А потом?

...Все труднее лететь Солнечному Лучу. Все меньше сил у него оставалось. Все холоднее становилась горячая ниточка Солнца, все тоньше, все бледнее. Солнце уже не могло помочь своему Лучу. Но Закон Природы тоже не так жесток, как иногда кажется.

— Возвращайся! — велел он Лучу. — Немедленно! Пока совсем не замерз. Я прощаю тебя.

Но Луч летел вперед. Бледнел, замерзал, если бы у него были зубы, он бы, конечно, сжал бы их, чтобы не стучали. И летел... Летел. Летел, и все... И все тут.

Замерли в тревожном ожидании Солнце, планеты, даже далекие незнакомые звезды. Ждали. Ждал Великий Закон Природы. А маленький усталый Солнечный Лучик летел. Он все равно хотел, чтобы весь мир был хоть чуть-чуть пронизан Солнцем. Но Закон Природы не привык к неповиновению, а потому он просто-напросто швырнул Лучик в самую середину огненной гривы Солнца. Здесь среди других лучей бледный и почти замерзший Лучик сразу отогрелся и засветился так же ярко, как прежде.

— Благодарю Вас, Ваше Могущество Великий Закон Природы, — склонилось в поклоне Солнце.

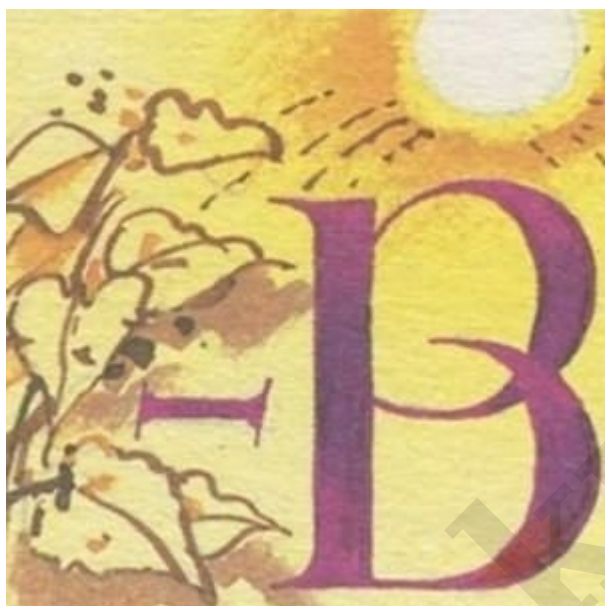
— Следить за своими лучами нужно лучше, а то безобразие какое-то получается, — проворчал Закон Природы и строго добавил — Приказываю тебе, Солнце, отнять у этого Луча способность понимать язык людей.

И про себя пробормотал: «На всякий случай, мало ли...»

— Повинуюсь, — ответило мудрое Солнце.

Солнце сказало «повинуюсь». Но первый раз в жизни, а ему уж за несколько миллиардов перевалило, Солнце, честное, как огонь, решило солгать. Оно не запретило Лучу понимать язык людей. Почему? Кто знает..

СВОЙ ЦВЕТ

Все светишь? Все радуешься?! — Ворона зажмурила один глаз, а другим посмотрела на золотое солнце. Очень вредно посмотрела. — Почему же мне не светить, не радоваться? Ведь все хорошо! — И солнце протянуло лучик, чтобы поправить вороне перышки.

— Ой-ой-ой, хорошо! — подпрыгнула серая ворона. — Что хорошего-то?! — Она так возмутилась, что ветка старого лесного орешника задрожала под ее лапками.

— Ну... — солнце то ли растерялось, то ли разволновалось, — по-моему, все хорошо. — И оно бросило несколько искорок на маленькую елочку.

— По-твоему? — Ворона открыла зажмуренный глаз и зажмурила тот, что был открыт. — Ну, допустим, хорошо. А при чем здесь ты? Я спрашиваю!

Солнце широко открыло глаза, посмотрело на орешник, усыпанный гроздьями коричневатозолотых орехов, на желтые-желтые березы, на зеленые елки с рыжеватыми шишками, на красные ягоды рябины. Посмотрело солнце вокруг и промолчало. Что тут скажешь? Только загрустишь.

Подруга солнца — туча — очень не хотела, чтобы солнце грустило. Поплыла она к солнцу и... Да, кстати, может быть, ты не знаешь, что солнце и туча — друзья? Они очень дружат, поверь мне! А работают по очереди. Когда отдыхает — не проливает дождя — туча, солнце теплом и светом помогает хорошесть листьям, ягодам, орехам. Потом приходит черед тучи: дело

солнечных лучей продолжают нити дождя. Так и дружат туча и солнце. Но это к слову.

А что же делается у нас в сказке? А вот увидела туча, что расстроилось солнце, и говорит:

— Что ты?! Грустить из-за того, что кто-то, вредный или глупый, нарочно тебя обидел?! Несерьезно это.

Темно-серая туча бережно укрыла солнце. Пошел дождь. Желтеют среди нитей его березы, поблескивают красные ягоды рябины, не боятся дождя орехи золотистые.

Ворона, та, что обидела солнышко, похоже, рада туче и дождю. «Вот теперь точно все хорошо, — она сразу двумя глазами удовлетворенно посмотрела на тучу, — прекрасная темно-серая туча! Мне под цвет. И дождь замечательный: светло-серый. Подойдет мне». Туча не обращала внимания на довольную ворону. Дождь нашептывал что-то спокойное ярким деревьям, поил водой их корни. Вороне это было как-то все равно, ее другое занимало.

— Приветствую вас! Добро пожаловать в мой лес! — Ворона даже крыльями взмахнула, но в ответ не услышала ни слова. Тогда она продолжала — Я рада, что вы закрыли солнце. Оно меня раздражало.

— Мне, кажется, что-то послышалось, — прошелестел дождь.

— По-моему, я тоже слышу чьи-то странные слова, — ответила туча своему дождю.

— Странные слова?! Это мои слова! Это я, ворона, столько всего умного прокаркала.

Ворону немного задело невнимание тучи и дождя, она взъерошилась еще больше. Но наконец к ней обратилась сама туча:

— Ворона? Где-то здесь ворона? И говорит что-то умное?

— Конечно, конечно! — Ворона подпрыгнула на ветке. — Вот, вот здесь я!

— Что-то я вас не вижу, ворона, — правду, нет ли сказала темно-серая осенняя туча. — А вы какая из себя?

— Да, о вашей внешности, пожалуйста, — прошелестел дождь.

— Какая я? — Ворона вытаращила глаза. — Моя внешность?! Она у меня очень замечательная. Просто серая! Я немного светлее вас, туча, и немного темнее вас, дождь. Я средне-просто-серая и в перьях. — Ворона устроилась на кончике самой длинной ветки, чтобы быть виднее.

— Я смотрю и вижу, — туча будто бы прищурилась, — желтые березы, рыжие молодые шишки, красную рябину, — медленно перечисляла туча. Нарочно, нет ли...

— Ой, ну при чем здесь все это разноцветное. Я просто серенькая, обыкновенно серенькая. Ну? Видно?

— Поливая орешник, — прошелестел дождь, — я обратил внимание на блестящие, красивые орехи.

— Ну, знаете! Ну!.. — совсем рассердилась ворона. — Оба вы, туча и дождь, какие-то странные! Золотые орехи всякие, рябины, березы красные и желтые видите! А меня, родственную, можно сказать, родную вам по цвету, серую ворону, разглядеть не можете! Как же так?!

— Очень просто. — И туча вот как все объяснила — Я туча темно-серая, дождь мой светло-серый.

— Ну-ну! — не терпелось вороне.

— Вот, — спокойно продолжала темно-серая туча, — а вы, ворона, как вы сами сказали, обыкновенная, просто средне-серая. В этом все и дело.

— Какое дело? Какое такое дело? Я... Я... Я... — Ворона просто из себя вышла — Я как раз нужного вашего цвета!

— Не нашего, простите, — прошептал вежливый дождь.

— Ага, — каркнула ворона, — я не вашего, а все эти разноцветные, — она завертела головой, указывая на орехи, ягоды, листья, — они, можно подумать, именно вашего.

— Нет, нет... — Туча поставила все на свои места. — У ягод, орехов, листьев пестрых свой, именно свой цвет: желтый, красный, золотистый...

— Это правильно, — кивнула ворона.

— У меня, — продолжала туча, — тоже свой цвет: темно-серый. Ворона внимательно слушала.

— И у моего дождя свой цвет: светло-серый. Вот и получается, что у всех — посмотрите вокруг — свой цвет. Потому и видно всех.

— Интересно получается, — пробурчала ворона, — интересненько. Вы — цветные. А я что — бесцветная?

— Вы, уважаемая ворона, вообще бесцветно-незаметная. Это мы, я и дождь, как бы спрятали ваш цвет. Ненарочно. Вы средне-серая, так? Вот и потерялся ваш цвет средний где-то посреди моего темно-серого...

— И моего светло-серого, — подхватил дождь. Растерялась ворона, замолчала, вздохнула даже. Взъерошилась. Поразмышляла и спросила, представь себе, почти робко:

— Так что же, я такой и останусь? Ну, посредине... что ли?

— Нет, — успокоила туча, — совсем нет. Нам с дождем придет пора уходить. Выглянет солнце.

— Солнце?! — Ворона захлопала глазами.

— Да, да, — продолжала туча. — Солнышко золотыми своими лучами высушит и пригладит ваши перышки, позолотит чуть-чуть. Разве плохо: серо-золотистая ворона на желтой березе? Замечательно! Просто вам солнца недостает. А мы, я и дождь, вам мешаем.

— Солнышка вам нужно дождаться, — зашумел дождь, — и вы, ворона, станете видной и даже хорошенькой.

Ворона растерянно моргала, жмурила то один, то другой глаз.

— Ну что ж, нам пора, — сказала туча. И небо стало не темно-серым, а ярко-голубым.

— Всего хорошего, — попрощался дождь. Исчезла светло-серая пелена с осеннего леса —

яркого, пестрого, разноцветного.

Выглянуло золотое солнце.

— А... Э... Ну... Это... — Ворона не знала, как заговорить с солнышком. Но солнце, конечно, было умнее и добрее вороны, а потому сказало:

— Не беспокойтесь, пожалуйста. Я кое-что слышало и тоже думаю, что золотисто-серая ворона будет прекрасно выглядеть на желтой березе. Подставляйте перышки.

ДВА ОКОШКА

Жили-были два окошка. Одно из них выходило в сад. В саду, прямо возле окна, росли три куста красных роз, чуть дальше светилась небольшая клумба ярко-оранжевой настурции, по обе ее стороны раскинулась темно-сиреневая сирень, а еще дальше, уже возле забора, зеленели высокие тополя.

Куда смотрело второе окошко, сказать трудно. Его стекло было разрисовано таинственными серебряными узорами, переплетениями сверкающих нитей, прекрасными загадочными виньетками. Конечно, это было зимнее морозное окошко. Это была картина, которая висела напротив первого окна, окна в яркий, разноцветный сад.

Окошки оказались рядом недавно. Они познакомились, ни разу не поссорились, по утрам здоровались, но не дружили. Они не любили друг друга, они друг другу завидовали.

«Мои красные розы, — думало первое окошко, — конечно, чересчур ярки, настурция так и старается каждому на глаза попасться, сирень всегда взлохмачена, а тополя просто староваты. Зато как бы пошел мне изысканный серебряный наряд того окна!»

А то, зимнее окошко, печалилось: «Вот бы сбросить зимнюю одежду, надоевший сиреневый занавес! Улыбнулись бы за моим прозрачным стеклом розы и настурции, пушистая сирень и мудрые тополя покачивали бы ветками».

...Коротка память. Забыло окошко, то, что в сад смотрит, что само оно попросило художника нарисовать его зимой. Коротка память... Забыло нарисованное зимнее окошко, что живет за ним прекрасный сад. Вот и завидуют два красивых окошка друг другу. Вернее, одно окно само себе завидует. Потому и конца этому не будет.

ЖИЛА-БЫЛА ПЕСЕНКА

Жила-была песенка на свете. Откуда она взялась? Какая разница. Откуда взялся веселый красный помидор на грядке укропа? И почему на зеленой-презеленой елке растут розовато-коричневые шишки? И что это за рыжая хитрая лисица бродит вокруг елки? И вообще при чем здесь помидор? Ты не спрашиваешь потому, что знаешь: не будь на свете этих рыжих, зеленых, розовых, красных помидоров, лисиц, шишек, елок, было бы пасмурно и скучно. А весело не было бы. Вот и радовалась песенка, что она есть. Ведь она как раз обо всем этом — от чего грусть тает, а скука бегом бежит.

Одна у песенки печаль — никто ее не знает. «Но это поправимо, — решила веселая песенка, — просто люди еще не слышали, что я уже есть. И спою кому-нибудь, спою свое разноцветное настроение, и обо мне узнают. И обрадуются».

Полетела песенка над цветочным полем. Возле дороги — машина. Привезла за город маму, папу. И дочку. Собралась песенка спеть и про красный помидор, и про зеленую елку, а чтобы лучше получилось, взмахнула крыльями — невидимыми, прозрачными, цветными крылышками.

— Ах, — воскликнула мама, — ветер, быстрее в машину! Удивилась песенка — пугливая мама какая. И полетела в город. Полетела, искала, кому бы себя спеть — подарить. Вот сидит на скамье в парке дедушка. Пристроилась песенка на спинку скамьи, крылышки на всякий случай осторожно сложила. Только собралась запеть, дедушка вздохнул:

— Ну и душно сегодня. Хоть бы ветерок подул. Пойду домой, вентилятор включу.

И ушел. Вспорхнула песенка на забор, задумалась — как дальше быть, что сделать, чтобы люди услышали ее, услышали хорошее настроение. Думала она, думала и нечаянно запела про все, о чем знала.

— Ты мне нравишься, песенка. И веселый красный помидор, и зеленая елка с розовыми шишками нравятся. А особенно рыжая лисица — она, наверное, на меня похожа.

Песенка увидела рядом с собой на заборе кошку. Рыжую, с пушистым хвостом.

— Спасибо, я очень рада, что вы меня услышали... Кошка спокойно продолжала:

— И мелодия твоя нравится. И крылышки у тебя красивые.

— Крылышки? — удивилась песенка и с удовольствием взмахнула невидимыми сверкающими крыльями. — Но мои волшебные крылышки могут видеть только ветер, листопад и новогодняя снежинка... а вы...

— А я, — рыжая кошка мягко перебила песенку и прошла по забору, — я — кошка. А нам, кошкам, — желтые глаза расширились и застыли, — повелели жить среди людей именно ветер, листопад и новогодняя снежинка. Мы слышим неслышимое и видим невидимое. Без нас людям плохо.

— И без вас, и без меня, — сказала песенка. — Только я не знаю, как...

— Знаю, что не знаешь, — остановила кошка, — потому я тебя и нашла. Ты очень хорошая песенка, только все неправильно делаешь. Люди тебя не услышат, пока...

Рыжая кошка прыгнула с забора, не договорив, и медленно пошла по аллее, приглашая песенку с собой.

— Пока «что»? — Песенка плавно слетела с забора.

— Пока, — кошка пошла быстрее, — тебя не представят.

— Кто? Кому?

— Люди людям.

Деловая рыжая кошка вывела песенку из парка на шумную людную улицу.

— Осторожно, — предупредила она. — Не задень никого крылышками. Еще не время.

Песенка молча слушалась серьезную рыжую кошку. С яркой солнечной улицы они свернули на улицу потише, потом в другую и наконец, когда солнце уже садилось, оказались в маленьком переулке возле дома, окруженного старыми липами.

— Здесь живет, — прошептала кошка, — главный директор Театра детских песен.

Кошка вскарабкалась на липу и устроилась на ветке, что ближе к окну. Песенка рядом.

— О-о-ой, — разочарованно протянула песенка. — Сможет ли этот серьезный человек спеть меня весело? Я же веселая!

— Нет, — кошка тихо рассмеялась, — не сможет. Он вообще не умеет петь. Но это неважно. Завтра с первым, именно с первым лучом солнца ты споешь ему все, что пела на заборе в парке.

— А поймет ли директор про красный помидор, что вырос среди зеленого укропа? Наверняка директор видел помидоры только в салате.

Веселая разноцветная песенка устала и начинала сердиться. Кошка поняла это, почувствовала и мягко ее остановила:

— Ты хорошая песенка, а людей знаешь плохо. Не спеши сердиться. И все, будто не было рыжей кошки с желтыми глазами. Одиноко стало песенке в ночном городе.

— С первым лучом солнца песенка расправила свои чудесные невидимые крылья, кивнула старым липам, и... И полилась веселая мелодия-сказка о большом помидоре, том самом, что по рассеянности вырос на грядке укропа, о зеленой-презеленой елке с разговорчивыми розовыми шишками, о хитрющей рыжей лисе, что живет под этой елкой.

Секунда... Директор проснулся, встряхнул головой и за телефон.

— Уважаемый композитор! Приезжайте немедленно!

И такой же звонок поэту и певцу. Первым приехал поэт.

— Уважаемый директор, вероятно, на рассвете вас посетило вдохновение.

— Возможно, — волновался директор. — Оно похоже на пестрый салат, летний жаркий лес и еще что-то с пушистым хвостом. А все вместе мне показалось необыкновенно веселым. Неужели я непонятно рассказываю?

Песенка на подоконнике только вздохнула.

А вот и композитор с певцом. Директор снова старательно все-все объяснил. Не понимали. Сначала. Но было ясно, что настроение у всех четверых становилось лучше и лучше. Может быть, они уловили, почувствовали настроение песенки — еще то, веселое настроение. Может быть, и так. Только песенка этого не поняла. Она очень обиделась за пестрый салат.

Тихо и печально слетела песенка с подоконника на самую нижнюю ветку старой липы, недовольно пошуршала крылышками. И вдруг знакомый спокойный голос:

— Крылышки твои не светятся, поблекли... И очень уж ты тихая, веселая песенка. Что так?

Конечно же, это рыжая кошка с пушистым хвостом. Сидит под липой, смотрит на песенку. А песенка отворачивается.

— Я не веселая, я сердитая. А крылышки потому потускнели, что я устала быть ненужной. А вы, кошка, меня обманули. Директор ничего не понял.

— Торопишься, — рассмеялась кошка, — за директора не волнуйся. Я с ним давно... работаю, только он этого не знает. А устала ты потому, что нетерпелива. Послушайся меня еще раз. Лети в поле, в то самое, цветочное.

И снова нет рыжей кошки с желтыми глазами.

Повздыхала песенка, но в поле все-таки полетела.

Снова вечер. Красные лучи солнца уже почти попрощались с цветами. И тут — ой как рассердилась песенка! — появилась вчерашняя машина с мамой, папой и дочкой.

«Ни за что не спою им», — подумала песенка.

Но вдруг засияли ее крылышки: вся машина пела. Пел приемник, пел папа, пела мама, и, конечно, пела дочка. Ее песенку пели!

Веселая песенка уже забыла, что пугливая мама вчера обидела ее. Она даже незаметно маме подсказала слова.

Проводила песенка поющую машину. Сама посмеялась над незадачливым помидором, улыбнулась елке с розовыми шишками, подмигнула хитрющей лисице и улетела спать в поле.

Все было хорошо, только немножко стыдно, что не поверила рыжей кошке, той, которой доверяют ветер, листопад, новогодняя снежинка.

Каждый нормальный щенок точно знает, что самая замечательная вещь в мире — старая тапочка его хозяина. Потому что с ней можно играть. Можно ее трепать, подбрасывать, можно рычать на нее, делать вид, что пугаешь. А тапочка будет тихонько отползать и делать вид, что боится. Правда! Щенок не сразу понял, какая прекрасная вещь старая тапочка.

Вот как было дело.

Щенок что-то скучал, что-то грустно ему было. Он поскулил, поскулил немножко и решил, что нужно хорошенько поиграть, иначе совсем грустно станет. Покрутился юлой, поймал свой хвост — только веселей не стало.

Щенок выскочил во двор, помчался к большой собаке, которая в будке.

— Собака, а собака! Давай поиграем. Одному неинтересно. Собака высунулась из будки, устало зевнула и сказала не совсем честно:

— Нет. Не могу. Сторожить надо.

— Что сторожить?

— Ну, вообще...

— Так ведь не ночь сейчас.

— Не ночь, — согласилась большая собака, — но сторожить все равно надо. Поиграй с кошкой. И спряталась в будку.

— С кошкой... — грустно сказал щенок. — Попробую. — Пошел искать кошку.

Вот она, кошка. Лежит на солнышке, глаза прищурила — хорошо ей, совсем не до щенка. А он отыскал ее.

— Кошка, кошка! Поиграй со мной, пожалуйста!

— Ну что ты, — кошка рассерженно прижала ушки, — что ты? Такое солнышко теплое, — она

совсем закрыла глаза, — нужно спокойно дремать, мечтать, а ты говоришь — поиграем.

— Да я не дремать-мечтать, я играть хочу! — настаивал щенок.

— Отстань, пожалуйста. — Кошка свернулась в клубок, укрыла нос кончиком хвоста. — У тебя есть хозяин. Пусть он с тобой играет.

— Хозяин, — вздохнул щенок. Он знал, что хозяин наверняка сидит в кресле, поджав ноги, сбросив тапочки, читает что-то, от чего нельзя оторваться. Так оно и было.

Щенок сел возле кресла и молча уставился на хозяина. Хозяин оторвался от книги, взглянул на щенка.

— А, бандит, явился, — ласково сказал он. — Ну, посиди со мной.

И снова уткнулся в книгу.

Щенок понял, что хоть он и явился, играть с ним хозяин не собирается. Ничего не поделаешь. Щенок немного покрутился и улегся рядом. Положил мордочку на лапы, хотел заскулить, но услышал мягкий теплый шепот:

— Щенок, а хочешь, я с тобой поиграю?

Щенок даже не сразу понял, что это голос одной из хозяйских тапочек.

— Это кто говорит? Это ты, тапочка? — нерешительно спросил щенок.

— Ну конечно, я.

Тапочка была старая, поношенная, даже слегка дырявая.

— Странно, — удивился щенок. — А ты разве живая?

— Смешной ты, — тихо рассмеялась тапочка, — конечно, живая. Смотри внимательно.

Щенок внимательно посмотрел и увидел, что у тапочки есть два веселых глаза, пуговка-нос и даже, кажется, хвост. Никак нельзя не понять, что тапочка совершенно живая.

— Вот хорошо! — обрадовался щенок. — Вот хорошо, что ты живая! Как же я раньше не заметил?

— Бывает... — вздохнула тапочка. — Ничего не поделаешь.

— И ты правда поиграешь со мной?

— Конечно! Я очень люблю играть. Только мало кто знает об этом. Вот так и познакомились щенок и старая тапочка. С тех пор они часто играют вместе. Щенок налетает на тапочку, будто хочет разорвать ее в клочья. А тапочка подпрыгивает, будто боится. И обоим смешно и весело. А большая собака, кошка и хозяин удивляются — что это щенок так любит играть со старой тапочкой, а тапочка играет со щенком? Вернее, оба играют, вместе. Поэтому и весело им.

РОЗОВЫЕ ЦВЕТЫ

— Странно, — сказал цветовод, взглянув на картину, висевшую в комнате.

— Очень странно, — подхватил художник, который тоже видел картину впервые.

— О чем вы? — спросил хозяин квартиры своих гостей. — Чем удивила вас эта картина? Действительно, картина была очень проста: на ней был нарисован только горшочек с цветами. Вернее, с одним-единственным цветком. Он, нежно-розовый, похожий немного на колокольчик, немного на лилию, довольно высоко взлетал на бледно-зеленом стебельке над пушистым кустиком своих темных бархатных листьев. Цветок очень красивый, но что странного?

— Непонятно следующее, — стал объяснять цветовод, — количество листьев, золотистый цвет тычинок, некоторые другие детали говорят мне, что розовых цветков должно быть не менее пяти.

— Я не ученый, — сказал художник, — но тоже считаю, что автор картины должен был изобразить больше цветов. Ведь они прекрасны!

— Ах, вот в чем дело! — улыбнулся хозяин дома. — Картина у меня случайно и недавно. Я только знаю, что она очень старая, вернее, старинная. Нов чем-то вы, вероятно, правы. Потому что картина действительно называется «Розовые цветы». Цветы, а не цветок. Ну да ладно.

И все, о картине забыли, другие были дела, разговоры. Люди покинули комнату, вещи почувствовали себя свободнее и заговорили на своем языке.

Сначала зашуршали нарисованные темно-зеленые бархатные листья:

— Ну, что ж... ты свободен. Лети, малыш. Ты слишком прекрасен, чтобы вечно быть с нами,

обыкновенными листьями. Счастья тебе!

— Нет, нет, — отозвался розовый цветок, а ведь именно к нему обращались листья. — Нет, нет, — прекрасный голос прекрасного цветка звучал очень неуверенно, — я не могу оставить вас, милые листья. Я помню, как вы растили меня и моих братьев еще до того, как нас всех нарисовал художник. Я не покину вас.

— Твои улетевшие братья говорили так же... Но... Не теряй времени, лети, — шуршали темно-зеленые листья.

— Я помогу, помогу, — над окном взлетела легкая красивая занавеска, — я перенесу прекрасный цветок через подоконник, прямо в мир.

— Ах, нет! Ах, нет!.. — дрожал голос розового цветка. — Я не могу бросить свои добрые листья. Ведь они совсем не цветы. Как же быть с названием картины?! Люди будут удивляться или даже смеяться...

— Не думай об этом, малыш, — шептали листья.

— Я перенесу вас в удивительный мир, чудесную жизнь, о которой вы ничегошеньки не знаете, — торопила красивая занавеска.

— Спешу, тебя ждут!

— Нет, нет, нет, не могу, — все сильнее дрожал голос прекрасного розового цветка. — Нет, нет, — повторял он и...

Улетел? Остался? Вы правы... Улетел или остался...

ЛЕТНИЕ ПОДАРКИ

Это неправда, что Лето в далеких жарких странах живет. Живет оно на чердаке в избушке лесника. На мягкой соломе спит осенью, зимой, весной. Но вот приходит его черед. Летом Лету не до сна. Оттого и дни такие длинные, а ночи короткие.

Дел у Лета летом — не сосчитать. И в лугах, и в полях, и в лесах, и на опушках. Да что рассказывать, ты и сам знаешь. Наконец все в порядке, кажется. Присело Лето на полянке

отдохнуть перед дорогой.

Дорога у него дальняя, путь далекий, нелегкий: в заветном лукошке нужно отнести в город чудесные, почти волшебные подарки — летние цвета, звуки, запахи. А как же иначе? Ведь и о городе подумать надо! Вот только что выбрать, что в лукошко положить? Такое оно маленькое...

Задумалось Лето, глаза закрыло, а оттого звуки будто ярче стали. С одной стороны слышится кукушкин голос: «Ку-ку, ку-ку». Она, кажется, подсчитывает что-то. С другой стороны, с маленькой лесной речушки, доносится песня веселых лягушат. А прямо над головой Лета, на высокой елке, раздается звонкая дробь дятла.

Взмахнуло Лето своим волшебным лукошком, будто зачерпнуло что-то. И попали в лукошко два кукушкиных «ку-ку», один куплет веселой песенки лягушат и стук дятла. Потяжелело лукошко, хотя нам, людям, пустым показалось бы.

Чем же еще горожан порадовать? Оглядывается Лето по сторонам. Вот! Целая полянка согретой солнцем ароматной земляники. Как раз для заветного летнего лукошка! И рядом с прежними подарками Лета в лукошке оказались так нужные городу чудесный аромат и нежный цвет лесной ягоды.

«Еще кое-что поместится», — подумало Лето, тихонько встряхнув лукошко. Вдруг что-то сверкнуло и тут же погасло в тени старого орешника. Это солнечный лучик упал на блестящий лепесток желтого лютика, а потом тень старого дерева нечаянно укрыла цветок. «Это то, что нужно», — обрадовалось Лето. Горсточка густой зеленой тени, чистая искорка солнца, золотистый цвет лютика — все, лукошко наполнилось доверху.

По лесной тропинке, по луговой дорожке, по дороге проселочной торопится Лето к широкому шоссе, чтобы на автобусе доехать до города. Всем встречным волшебное лукошко казалось пустым. Это и понятно. Ведь чтобы ожили, подарили себя людям спрятанные в лукошке золотистая искорка лепестка лютика, кукушкино «ку-ку», стук дятла, цвет земляники и аромат ее, песенка лягушат, тень старого орешника — нужно все эти подарки из волшебного лукошка достать. Но это будет позже, а пока подошло Лето к автобусной остановке.

Мчатся мимо разные машины. А автобуса все нет и нет. Лето смотрит вслед машинам, от дорожной пыли чихает, глаза трет, моргает. Притомилось, устало Лето, село на обочине дороги, задремало. Заветное лукошко стоит рядом. А автобуса все нет, а машины все мчатся — пылят, а времени много прошло.

Неожиданно вздрогнуло, проснулось Лето, будто случилось что-то. А ведь и правда случилось: заветное лукошко на боку лежит. Зацепила, уронила его какая-то неосторожная машина. А может, не машина, может, сильный поток дорожного автомобильного ветра опрокинул лукошко.

Опечалилось сначала Лето. А потом... потом улыбнулось. Ведь недалеко от дороги, откуда ни возьмись, появилась стайка золотых с солнечными искорками лютиков; а откуда-то донесся аромат лесной земляники, засветилась совсем рядом чудесная лесная ягода; а тень какого-то крохотного кустика стала прохладной, как тень старого орешника; а когда на секунду замолкал шум машин, становились слышны веселая песенка лягушат, стук дятла и кукушкино «ку-ку». Так-то вот...

Немножко печально улыбнулось Лето, покачало головой и с пустым лукошком отправилось к себе в лес, на чердак избушки лесника. Отдохнуть немножко. Завтра Лето соберет новые

подарки. «Может быть, завтра больше повезет», — думало Лето.

Может быть...

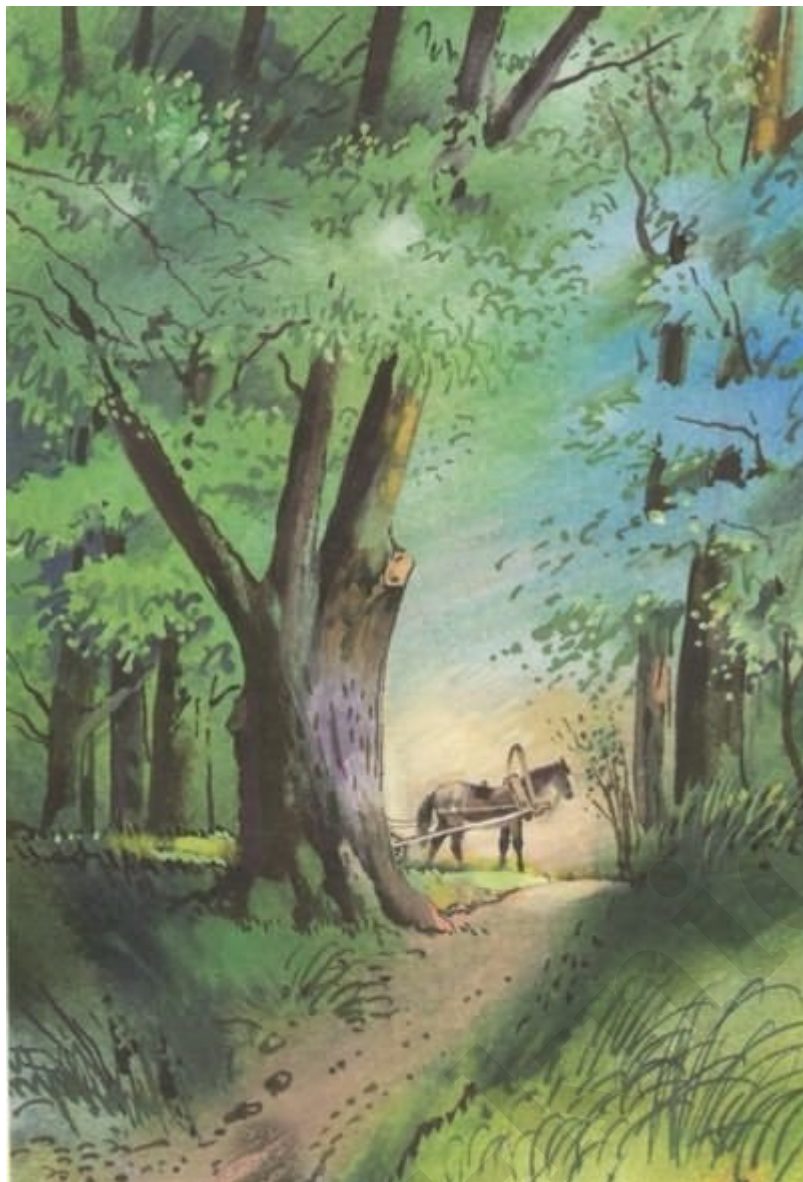
СКАЗКА СТАРОГО ПАРКА

Есть на свете маленький старый городок. Далеко-далеко от городов больших и новых.

В маленьком городке раскинулся большой старый парк со множеством аллей, с деревьями развесистыми, сильными, красивыми. В дальнем краю парка, возле низкого забора из металлических, обвитых зеленым плющом прутьев стоял домик-навес карусельщика. Конечно, здесь же жила-была и сама карусель. Никаких других — современных, головокружительных, скоростных — аттракционов в старом парке старого города не было. А вот карусель все любили, и работы у ее лошадок хватало.

Про лошадок сейчас расскажу. Их было семеро, они расположились одна за другой по краю круглого деревянного основания карусели. Огромный семицветный зонт возвышался на шесте над ними. Когда веселые мальчишки и девчонки садились на лошадок — на красную, оранжевую, желтую, зеленую, голубую, синюю и фиолетовую, — карусельщик включал карусель, и лошади пускались по кругу.

Лошадки были такие яркие, разноцветные! Наверняка сама волшебница-радуга помогала раскрашивать их, чтобы ребятам было веселее. А еще у всех семерых лошадок были серебряные султанчики и уздечки. В общем, лошадки на карусели старого парка казались сказочно-красивыми. И наверно, они были очень добрыми. Почти весь день без усталости катали-кружили своих маленьких всадников. Только во время обеда карусельщика лошадки отдыхали.

А сейчас пришло время поговорить еще об одной лошадке. Вернее, о лошади самой обыкновенной. Она привозила карусельщику обед. В этом старом маленьком городке машин было очень-очень мало. Зато была настоящая лошадь. Ей поручали много важных дел. Вовремя доставить обед карусельщику считалось очень важно и даже почетно — ведь карусельщик в городе один.

Лошадь справлялась со всеми делами отлично. Извозчик, а он всегда был с ней, часто хвалил Звездочку. Так звали лошадь. Она была шоколадного цвета, хвост и грива каштановые, блестящие, глаза карие, а на лбу белое пятнышко, похожее на звезду. Потому и Звездочка. Она очень любила приходить к карусельщику. И очень стеснялась. Почему? Послушай.

Вот старый зеленый парк. Вот домик-навес карусельщика. Вот под большущим ярким зонтом карусель. Неутомимые веселые лошадки кружат ребят. Трепещут их серебряные султанчики, сверкают уздечки. Вот и стала Звездочка возле низенького забора парка, глаза опустила.

Карусельщик остановил карусель, обедает, с извозчиком беседует.

Звездочка украдкой посматривает на застывших разноцветных лошадок, вздыхает: «Всегда я буду обыкновенной лошадию, обыкновенного лошадиного цвета. Всегда я буду развозить по городу самые обыкновенные хлеб, молоко, сахар. Никогда я не стану такой нарядной. Никогда не смогу катать наших ребятишек. Не быть мне такой, как лошади на карусели. И дружить с ними нельзя мне, ведь я просто обыкновенная лошадь». Очень переживала шоколадная Звездочка.

А если бы она не грустила и не стеснялась, а внимательно посмотрела бы на чудесных лошадок? Очень бы удивилась.

Красивые лошади, оказывается, тоже смущенно опустили глаза. Они вздыхали и перешептывались: «Никогда нам — разноцветным, игрушечным — не стать настоящими лошадками настоящего лошадиного цвета. Мы умеем только развлекать-кружить мальчиков и девочек. Никто не разрешит нам по-настоящему помогать детям и взрослым, перевозить настоящие хлеб, молоко, сахар. Никогда не станет дружить с нами всеми уважаемая, самая настоящая лошадь Звездочка. А нам так хотелось бы покатать ее на нашей карусели».

Пообедал карусельщик, попрощался с извозчиком, отправилась по серьезным делам маленького старого города Звездочка. Снова весело закружилась карусель с яркими лошадками.

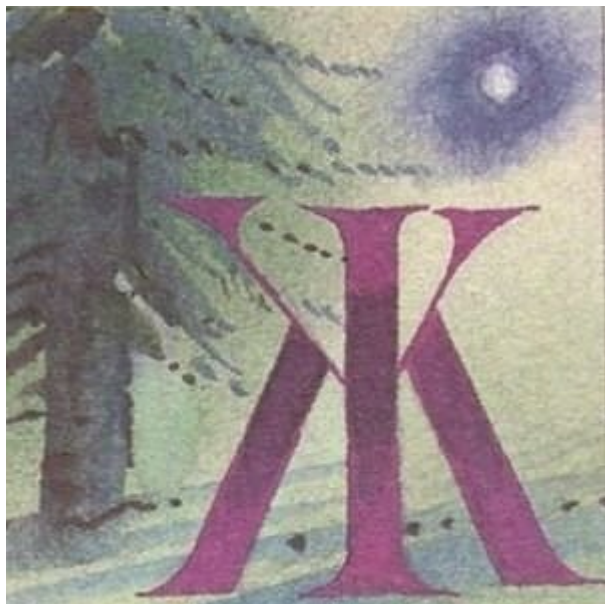
Грустно, правда? Грустно, потому что шоколадная Звездочка и карусельные лошади всех цветов радуги так и не решились посмотреть друг другу в глаза. Так и не узнали, что очень уважают друг друга и очень хотят дружить. Грустно, но ты не расстраивайся. Дело в том, что карусельщик и извозчик хорошие люди, просто замечательные. И когда-нибудь однажды один из них хлопнет другого по плечу и скажет:

— Приятель! Как же так?! Мы до сих пор не познакомили наших прекрасных лошадок!

...И вот все восемь лошадок перезнакомятся. И окажется, что все они самые что ни на есть и настоящие и сказочные сразу! И очень нужны все до единой и взрослым и детям! А еще окажется, что они давно дружат, только не знали об этом. Так бывает...

А потом шоколадная Звездочка поднимется на деревянную карусель к разноцветным лошадкам. И они немножко покружатся вместе. Это будет очень здорово, замечательно даже. Поверь мне, так обязательно случится. Если не завтра, то чуть позже. Я знаю, что говорю. Ведь я из этого самого маленького старого городка.

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ СТАРОЙ ЕЛИ

Жила-была елка. Уважаемая всем лесом старая ель. Ей исполнилось сто лет. Это много — сто лет. Даже ель, дерево сильное, в этом возрасте считается пожилым. Столетняя елка много повидала на своем веку и многое умела.

Умела ель предсказывать погоду. Это ей было совсем не трудно, потому что все на свете ветры и даже маленькие ветерки были ее добрыми друзьями. Они и научили ее узнавать погоду. Прилетит ли завтра туча из-за леса и прольет ли дождь над лесом, или туча улетит далеко за речку и погода будет ясной. А ведь лесным жителям очень важно, какая будет погода. Если солнечно — белкам можно грибы на зиму сушить, а если пасмурно, прохладно — можно лягушатам по влажной траве прыгать в соседний ручей в гости к бабушке. Ну а если сильный ливень приближается, значит, всем по норкам прятаться.

А еще старая ель умела рассказывать удивительные сказки и истории. И откуда она их столько знала? А вот откуда!

Самые короткие сказки рассказывала елке быстрая молния. Самые длинные истории поведали долгие зимние ночи. Самые веселые сказки рассказывали солнечные лучи. Самые грустные — осенние дожди. За сто лет много разных историй узнала елка, а ведь интересные сказки все любят. Вот и прибегают к елке зайчата, ежата, медвежата, прилетают синицы, дрозды и просят: «Елка, елка, расскажи сказку! Пожалуйста!»

И за сказки любили елку, и за то, что про погоду все знала, а главное, за то, что доброй и справедливой была. Поэтому, когда стал приближаться день рождения старой ели, весь лес задумался: чем бы ее порадовать? Ведь это не простой день рождения, а сотый!

— Послушайте меня, — важно сказал дедушка медведь. — Хоть и считается, что слуха у меня нет и в музыке я ничего не понимаю, а все-таки я точно знаю, что лучше всех в нашем лесу поет розовый дрозд. Давайте попросим его спеть для елки свои самые лучшие песни.

— Я очень рад, что вам нравятся мои песни, уважаемый дедушка медведь, — вежливо поклонился розовый дрозд, — но я пою их часто и не могу дарить на день рождения то, что дарю каждый день.

— Дрозд прав, — застрекотала сорока. — Нельзя дарить уже подаренное.

— Придумал! — весело подпрыгнул заяц. — Мы, зайцы, соберем самые красивые грибы, а белки пусть нанижут их на ветки старой ели. Мне рассказывала одна маленькая елочка, что

деревья очень любят, когда их украшают грибами.

— Ну-у-у! Тоже придумал, — насмешливо фыркнула рыжая белочка. — Мы уже неделю назад нанизали на елкины веточки самые красивые грибы.

— Я знаю, что сделать! — сказал маленький зеленый лягушонок. — Нужно спросить у самой елки, какой подарок она хотела бы получить. На том и порешили. Пошли к елке.

— Дорогая наша именинница, — сказал дедушка медведь, — мы долго думали, что подарить тебе, чем порадовать в твой сотый день рождения. Думали, да придумать не смогли. Не подскажешь ли ты нам?

— Спасибо, друзья, — зашуршала иголками старая ель. — Спасибо, что помните о моем празднике. Мы старые друзья, и поэтому открою я вам мою тайну. Есть у меня заветное желание...

Замерли звери и птицы — слушают.

— Девяносто девять раз встречала я свой день рождения зеленым-презеленым летом. А ведь день рождения — это начало нового года моей жизни. Это праздник — почти как Новый год. У нас, у елок, традиция — встречать Новый год в пушистом легком платье из нежных трепетных

снежинок. Но я знаю, — вздохнула елка, — что даже вы, мои верные друзья, не сможете подарить мне ни единой снежинки. Только зима со снегом могут сделать это...

Опечалились лесные жители: действительно, как исполнить желание ели? Вдруг крохотная белая бабочка опустилась на лапу дедушки медведя. Посмотрел медведь на белую бабочку, задумался и понял, что не просто так прилетела она.

— Бабочка, — тихо спросил он, — много ли у тебя подружек?

— Много, дедушка медведь: и в лесу, и на лугу, и в поле, и в березовой роще.

— Они такие же белые, нежные, легкие, как ты? Так же похожи на снежинки?

— Да, дедушка медведь. Правда, я никогда не видела снега — ведь мы, бабочки, спим зимой. Но однажды старая ель сказала мне, что я похожа на большую снежинку. Вот я и подумала...

— Ты замечательно придумала, маленькая белая бабочка. Собирай своих подружек. — И медведь легонько подбросил бабочку.

...Вот и настал день рождения ели. Друзья пришли поздравлять ее. И бабочка здесь. Она тихонько что-то сказала дедушке медведю.

— Милая елка, — торжественно произнес дедушка медведь, — с днем рождения! Закрой, пожалуйста, только на одну минутку глаза.

Закрыла ель зеленые глаза. (Почему зеленые? Конечно, зеленые. Какие же глаза могут быть у ели. Только зеленые-презеленые.) Закрыла ель глаза. А когда открыла, увидела, что на каждой ее веточке, на каждой ее хвоинке сидит, взмахивая крылышками, легкая, невесомая, почти белая бабочка. Бабочка-снежинка.

Такого необыкновенного, прекрасного живого снега ель еще никогда не видела. Она была очень счастлива, благодарно кивала ветками и думала: «Как хорошо, как радостно жить на свете, если рядом настоящие друзья».

А друзья повторяли:

— С Новым годом! С днем рождения

СКАЗКА О СТАРОЙ ВАЗЕ

Ваза жила на маленьком столике с резными ножками. Красивая ваза старинного граненого стекла. Ее узорчатые грани умели делать удивительную, почти волшебную вещь: они ловили лучи солнца, перебрасывались ими, а потом кидали назад, солнцу. От этой игры вся ваза и даже вода в ней весело светились.

Но ваза была не только красивой, но и умной. Она отлично понимала, что красива не только из-за граней старинного стекла, не только из-за веселой игры солнечных лучей. Главное, конечно же, — прекрасные цветы, что жили в вазе круглый год.

Ваза очень любила цветы и сердилась, если хозяйка иногда на день-другой случайно оставляла ее без цветов. Но это было редко.

Ранней весной в вазе появлялись желтые цветы. Они были похожи на крохотные пушистые шарики и казались почему-то очень теплыми. А назывались — мимоза!

После мимозы приходили нарциссы. Самые нежные весенние цветы. Белые нарциссы похожи на легких-легких шестикрылых мотыльков. Желтые нарциссы казались несколько серьезнее и походили на короны маленьких фей. Вазе нравились и те, и другие. Но белые все-таки больше.

Потом появлялись тюльпаны. Желтые, красные и желто-красные. Розовые и белые и розово-белые. А иногда и лиловые. Удивительно яркие веселые цветы. Случалось, ваза уставала от тюльпанов. Нельзя сказать, что она их не любила. Просто иногда уставала от их шумного веселого шепота.

На смену тюльпанам приходила сирень. Бледно- и темно-сиреневая. Или белая. Ее прохладные, пушистые кисти казались вазе очень спокойными.

Ваза всегда ждала сирень еще и потому, что знала: раз сирень — значит, наступило лето. И цветов будет... Разных...

Пионы. Белые, розовые, бордовые. Плотные мячики-бутоны и пышно распустившиеся взрослые цветы.

Ирисы. Изящные, желто-лиловые.

Лилии. Ярко-оранжевые с черными крапинками. Очень гордые, немного беспокойные цветы.

Еще лупинусы. Белые, розовые, фиолетовые. Стройные, как свечи.

А гладиолусы? Им хочется казаться очень строгими. Но это не так. Гладиолусы розовые, белые, светло-оранжевые добры и задумчивы. Красные же и темно-бордовые гладиолусы серьезны и даже мудры. Так казалось вазе.

А флоксы? Золотые шары? Разноцветные садовые ромашки? Душистый горошек? Разве вспомнишь все цветы лета!

Но вот появлялись астры. Хозяйка очень любила астры. Ваза тоже. Конечно, они красивы. Бордовые, белые, темно-красные, сиреневатые с чуть блестящими округлыми лепестками или бледно розовые, бледно-сиреневые, светло-желтые с острыми, тонкими, будто настороженными лепестками.

Чудесные цветы, но грустные. Ведь астры — это осень. Долго цветут астры. Всю долгую осень. До первого снега.

А потом? Зимой ваза остается без цветов? Нет, конечно. Морозной зимой в теплых оранжевых с маленькими искусственными солнцами-светильниками всегда растут цветы.

Каллы. Скромные, но гордые своей прохладной белизной.

Гвоздики. Розовые — нежны. Красные — торжественны. Белые — очень спокойны.

И конечно, розы. Они так прекрасны... Так прекрасны... Что иногда, кажется, устают от своей красоты.

Вот так и жила ваза: круглый год с чудесными цветами.

...Но однажды зимой в мороз и снег хозяйка принесла домой не гвоздики, не розы, не другие какие-то тепличные цветы. Хозяйка налила в вазу свежей воды и осторожно опустила в нее обыкновенные, ну, самые обыкновенные, голые замерзшие ветки. Они были так холодны, что ваза даже чуть вздрогнула.

— Это, — сказала хозяйка, поправляя ветки, — тополь. На него с крыши снег сполз. Ветки обломал.

«Странно, — подумала ваза, — зачем нужны холодные, без единого цветочка ветки? Разве на них распустятся розы или гвоздики? Ясно, не распустятся».

Хозяйка, конечно же, знала об этом. Но все равно каждый день меняла веткам воду. Ставила их на солнце, рассматривала: будто ждала чего-то необыкновенного.

А ваза удивлялась, что же необыкновенного может появиться на ветках обыкновенного тополя.

Но вот однажды утром, когда на улице мела метель, а стекла окон были разрисованы морозом, ваза услышала тихое шуршание. Потом кто-то ойкнул. Потом чихнул. Потом шепотом, потому что все, кроме вазы, еще спали, сказал: «Здравствуйте!»

И вдруг запахло весной. Теплым весенним ветром, первой весенней зеленью, просто солнцем весны. Что за чудо! На улице снег стеной, а откуда-то весной повеяло. У вазы, если можно так сказать, даже голова закружилась. Она тихонько зазвенела, разбудила хозяйку.

Не знаю, почувствовала ли хозяйка, что в комнату весна пришла, но она сразу раздвинула

шторы и подошла к вазе.

— Ну вот, — сказала она, — не зря мы с тобой ждали.

И тут ваза увидела, что на одной из тополиных веток появился крохотный ярко-зеленый клейкий листочек. «Так это он весну принес, — поняла ваза, — весну зимой, в снег. Такой маленький...»

И всеми гранями старинного, много повидавшего на своем веку стекла ваза приветливо прозвенела:

— Здравствуй! С днем рождения!

СКАЗКА ОБ ОСЕННЕМ ВЕТРЕ

Жил-был ветер. Сначала хорошо жил, весело. Время было жаркое, а потому везде и всюду ветру радовались... Подует ветер с поля — аромат горячих колосьев принесет. Люди довольны. С луга ветер подует — запах скошенной травы прилетает. Снова люди довольны.

Ну а уж если с моря ветер влажную соленую прохладу принесет — люди радуются, нарадоваться не могут.

Ветер умел делать множество вещей. Умел листать страницы книг. Правда, не всегда в нужную сторону. Умел сушить стираное белье не хуже солнца. А еще умел надувать парус лодки и гнать ее по синему морю.

Все у ветра хорошо получалось. И поэтому, если иногда он слишком громко хлопал окнами, никто на него не обижался. Ведь что бы делали люди жарким летом без доброго свежего ветра!

Так было летом. Но вот пришла осень. Холодная, сердитая осень. Небо затянулось тучами серыми-серыми. Дождь полил сильный-сильный. Все по домам попрятались. И люди, и кошки, и собаки, и зайцы, и волки. Вот только ветер на улице остался. Не было у него дома.

Остался ветер под холодным дождем без крыши. Летал он по холодному лесу среди облетевших, без единого листочка деревьев. Летал ветер в поле, в поле сером, без единого

желтого теплого колоска. Летал над холодным морем. Не синим, как летом, было море, а серым, как осенний дождь. Летал-летал озябший ветер, а чем быстрее он летал, тем холоднее становилось.

Совсем замерз ветер. А люди в теплых домах спрятались.

— Попрошу людей пустить меня в дом погреться, — решил ветер. Подлетел ветер к самому красивому дому, постучал в окно.

— Пустите меня, пожалуйста! Это я, ветер! Мы летом дружили, а сейчас мне холодно.

Но люди плотнее закрыли рамы и отошли от окон.

«Они не узнали меня», — подумал ветер. Снова постучал в окно, снова пожаловался на осенний холод и дождь, снова попросил пустить его в дом погреться.

Но люди не понимали слов ветра. Им казалось, что он просто гудит за окнами. Люди не знали языка ветра. Вместо того чтобы открыть окна и пустить ветер погреться, люди вставляли вторые рамы.

— Какая непогода! Какой дождь! — говорили люди. — Какой холодный ветер!

— Я не холодный, — плакал ветер, — я замерзший.

Но люди его не понимали.

Вдруг кто-то окликнул ветер. Слова то звенели, как острые холодные льдинки, то казались мягкими и теплыми, как снежные одеяла. Конечно, это был голос зимы.

— Ветер, — сказала зима, — не плачь, ветер! Я подарю тебе накидку из снежинок. Легкую, красивую, теплую. Ты быстро согреешься.

И зима бросила ветру накидку из прекрасных снежинок. Ветер примерил накидку и остался очень доволен. Она действительно была теплой и красивой.

Когда люди посмотрели в окна, они увидели ветер в снежной накидке и не узнали его, таким красивым он стал.

— Красавица-вьюга, — говорили они. — Красавица-метелица! А ветер летал по заснеженному лесу, размахивал своей прекрасной накидкой из снежинок, и было ему немножко обидно. Потому обидно было ветру, что не ему радовались люди, а красавице-вьюге.

Но это ничего. Когда-нибудь кончится зима. Растает прекрасная снежная накидка ветра. Придет жаркое лето, и люди снова будут ждать его, свежего ветра. Будут радоваться ему, доброму ветру..

ОЧЕНЬ ПРОСТАЯ СКАЗКА

Жили-были сова и солнечный луч. Они жили в одном лесу. Вернее, в лесу жила только сова, а солнечный луч просто пробежал по лесу, когда солнце вместе со всеми своими лучами катилось по небу.

Сова и солнечный луч дружили. Никто во всем лесу не мог понять, почему они дружат.

— Странно, — говорили остальные совы, — что хорошего нашла наша сова в этом солнечном луче? Он такой яркий, зажмуриться хочется. Совы жмурились и засыпали. Ведь совы спят днем.

— Странно, — говорили остальные солнечные лучи, — что хорошего нашел наш солнечный луч в этой сове? С ней поговорить-то можно всего два раза в день: утром, когда мы, лучи, уже проснулись, а совы еще не уснули. И наоборот, вечером, когда мы, лучи, еще не уснули, а совы уже проснулись, — так говорили солнечные лучи и весело бегали по лесу.

Не понимал никто, почему дружат сова и солнечный луч. Ведь такие разные они, не похожие. Это так. Но сова и солнечный луч дружили, и все тут.

На рассвете солнечный луч появлялся в лесу. Скользил по стволам сосен, и они становились золотыми. Страхивал ночную росу с еловых иголок. Потом солнечный луч разыскивал сову, золотил ее перышки и говорил:

— Привет, сова!

— Доброе утро, солнечный луч! — отвечала сова.

— Как прошла ночь в лесу? — спрашивал солнечный луч. — Все было спокойно?

— Ах, нет, нет, — хлопала глазами сова. — Было очень беспокойно. Потерялся маленький лисенок.

— Ой-ой-ой! — замигал солнечный луч.

— Все очень волновались, — сказала сова.

— Куда же он мог деться? — не понимал солнечный луч.

— Он нашелся. Вернее, я его нашла, — гордо отвечала сова.

— Так где же он был?

— Оказывается — заблудился и попал в берлогу дедушки медведя.

— Ой-ой-ой! — опять замигал солнечный луч.

— Ничего страшного, все обошлось, — рассказывала сова. — Дедушка медведь очень гостеприимный. Он даже хотел угостить лисенка медом, но лисенок, оказывается, не ест меда.

— Скажите, пожалуйста! Какая неприятность! Не люблю я неприятностей... — вздохнул солнечный луч.

— Кто же их любит, — хлопнула желтыми глазищами сова. — Хорошо, что все хорошо закончилось.

— Это точно, — согласился солнечный луч и добавил — Ну ладно, сова, пора мне бежать. Дел сегодня много. Нужно все лесные кувшинки позолотить и у маленькой березы сломанную ветку прогреть, чтобы зажила быстрее.

— Беги, солнечный луч, — кивнула сова, — счастливого дня! До вечера!

— До вечера, сова! — мигнул солнечный луч. — Счастливого сна. Сова уснула на весь день, как и полагается совам. А солнечный луч занялся делами. Вечером они снова встретились.

— Добрый вечер, сова.

— Добрый вечер, солнечный луч! Как прошел день? Все ли дела успел ты сделать?

— Да, сова, — как-то грустно ответил солнечный луч, — я все успел. Позолотил и разгладил лепестки кувшинок, полечил березкину веточку. Все успел.

— Так почему же ты грустишь?

— У меня были неприятности, — печально мигнул солнечный луч, — а это так неприятно и грустно...

— Ах, ах! — встревоженно захлопала огромными глазами сова. — Ах! Какие же у тебя неприятности?

— Понимаешь, сова, — стал объяснять солнечный луч, — это не совсем мои неприятности. Дело в том, что поссорились две пчелы. Одна считает, что самый лучший мед — цветочный, а другая утверждает, что липовый мед — лучше. А я в этом ничего не понимаю.

— Пчелам виднее, — совершенно справедливо решила сова, — они сами разберутся.

— Разберутся-то разберутся, но я очень не люблю, когда ссорятся, — сказал солнечный луч.

— Не волнуйся! Я думаю, пчелы уже помирились, — успокаивала сова.

— Ты думаешь? — чуть повеселел солнечный луч. — Ну ладно, я тебе поверю, иначе буду плохо спать и не смогу завтра позолотить серединки ромашек.

— Правильно. Поверь мне и отправляйся спать, солнечный луч. Ты устал сегодня. Спокойной ночи. Я буду ждать тебя завтра утром.

— Спокойной ночи, сова! Рано утром я тебя найду. Обязательно.

И они простились.

Вот и все. Вся сказка. Не про Бабу Ягу, не про Кощея Бессмертного, не про волшебников добрых и злых. Просто про сову и солнечный луч, которые дружили. А разве не может быть такой сказки?

А Я КТО?

Бабушка купила щенка на базаре. Недорого. За половину рубля.

Очень маленьким был щенок. Таким маленьким, что казался почти игрушечным. В большом бабушкином дворе, где жили куры, гуси, огромный пёс Полкан, кошка Клаша, такого маленького щенка было даже и незаметно. «Ой, — испугался щенок, — сколько здесь всяких больших, нужных, полезных живёт... Кто дом стережёт, кто цыплят высиживает... А я...»

И тут, мягко ступая, к щенку подошла кошка Клаша. Красивая и хитрая. С зелёными глазами.

— Здравствуйте, — ласково сказала она. — А кто вы такой? — И специально села так, что щенок, поворачиваясь к ней, чуть не запутался в собственных лапах и не упал.

— Я... — Щенок серьёзно посмотрел на Клашу. — Я - собака. Скоро буду. Когда вырасту.

— А... Собака. Какой же собакой вы будете?

— Я... Ну... — Щенку не хотелось признаваться в том, что он ещё не знал, какой собакой станет.

— Может быть, вы станете сторожевой собакой? — насмешливо подсказала кошка. — Сторожевой, как наш Полкан?

— Ну да! Конечно! — обрадовался щенок. — Я пойду посторожу что-нибудь.

Он помчался искать, что бы такое важное ценное посторожить: лавку в палисаднике, чучело в огороде, будку Полкана, старый велосипед... Что же важнее? Ещё раз всё проверил: лавка, чучело, будка Полкана, старый велосипед...

— Ну, что же, что же важнее? Всё-таки, наверное, будка Полкана: ведь у неё такая красивая красная крыша!

Каково же было возмущение и негодование старого Полкана, когда он узнал, что этот щенок собрался сторожить его, Полканов дом.

— Ну я же хотел как лучше! — оправдывался щенок.

— Хотел, хотел, ну, конечно, хотел, — «утешала» кошка Клаша, которая «случайно» оказалась рядом. — Наверное, вы всё-таки не сторожевая собака, — вздохнула кошка.

Щенок только виновато кивал.

— А что, если вы, — Клаша хитро прищурилась и дёрнула кончиком хвоста, — а что, если вы станете собакой охотничьей?

— Охотничьей? Ну, точно, точно! Именно охотничьей! Я немедленно начну охотиться. Спасибо, что подсказали.

«Интересно, — подумала кошка, — на кого собирается охотиться этот глупыш?»

И Клаша спокойно улеглась на солнышке, но поспать ей не удалось. Из сарая с визгом выскочил щенок.

— Ну что ещё? — лениво спросила кошка.

— Ой-ой-ой! Боюсь я их! Ой, боюсь! — визжал щенок.

— Кого? Кого такого страшного нашёл ты в нашем сарае? — потягиваясь, спросила Клаша-кошка.

— Там эти... Ну не знаю, как называются. Серые, с длинными хвостами. Я хотел на них охотиться, но почему-то боюсь. Они шуршат очень, — оправдывался щенок.

— Как ты смел, щенок? Как ты смел охотиться на моих мышей? — расшипелась кошка Клаша, сразу сообразив, кто эти серые, длиннохвостые и шуршат. — Это нехорошо-охотиться в чужих владениях.

Щенок уже не знал, бояться ли ему шуршащих длиннохвостых мышей или кошку, распушившуюся от негодования.

— Ну да уж ладно... Прощаю, раз не поймал. Но вообще, ты, конечно, не охотничий щенок, раз мышей боишься. Разве охотничьи собаки хоть чего-нибудь боятся?

— А какая же я собака? Ну какая же? — всхлипывал щенок.

— Ну... Ну, не плачь! — кошке Клаше было уже жаль щенка. — Не плачь! Ты, наверное, знаешь, какой собакой будешь? — кошка Клаша подняла зелёные глаза, вспоминая слово. — Будешь собакой де-ко-ра-тив-ной. Так вот!

— Какой? Какой? — Щенок совсем не понял странного слова.

— Де-ко-ра-тив-ная собака-это значит: собака для красоты, — важно сказала кошка. — Будешь что-нибудь украшать.

— Я?! Как это?

— Так это! — кошке уже надоел маленький непонятливый щенок. — Украшай, что хочешь и как хочешь.

И Клаша ушла. У неё были серьёзные дела. Ей вовсе не до щенят всяких-разных.

А маленький щенок печально пошёл искать, что бы такое собой украсить. Старый велосипед? Неинтересно. Будку Полкана? Ой-ой-ой! Только не это. Скамейку в палисаднике? И так красивая-крашенная. А вот что-то интересное! Клумба возле скамейки: жёлтые, коричневые, голубоватые цветы, похожие на весёлые глазки. Такая смешная клумба!

Щенок залез на самую серединку и улёгся в цветах. И тут же уснул. Ведь устал. Сторожем был. Охотником был. А сейчас ещё и украшением стал.

Вот и бабушка пришла. И видит, что новый щенок улёгся прямо на её любимые цветы. И что же? Бабушка рассердилась? Хотела. Но раздумала, рассмеялась. Щенок ведь маленький совсем. Вот и перепутал всё. Разве можно на него сердиться? Взяла бабушка щенка, положила в корзинку с чем-то мягким и тёплым и сказала:

— Спи, здесь-то лучше!

И уже во сне щенок подумал: «Может быть, завтра разберёмся, что за собакой я стану, когда вырасту».

ПОГОВОРИЛИ

Жил-был голубой зонтик. Голубой-голубой. Даже в самую ненастную серую погоду — а другой погоды зонтик и не знал — он казался ярким и веселым. Зонтик очень любил свою работу зонтика. Каким бы сильным ни был дождь, ни одной самой маленькой дождинке не удавалось упасть на хозяйку зонтика. Он не позволял. Вернувшись домой, зонтик любил посушиться, погреться у батареи. А потом его закрывали, прятали в шелковый чехол, и он спал до следующего дождя.

Однажды, когда зонтик сушился, к нему подошла кошка. Она долго смотрела на мокрый зонтик, а потом сказала:

— Странный у тебя вкус. Гулять под дождем. Каждый знает, что нет ничего лучше солнца.

— Я не просто гуляю, — зонтик покачался на своих растопыренных спицах, — я провожаю хозяйку. Я не боюсь дождя. А вот это... Как ты сказала? Солнце, что ли? Как это? Я его не знаю.

— Как?! — Кошка широко раскрыла зеленые с желтыми крапинками глаза. — Как?! Ты не знаешь солнца? — Кошка чуть не задыхнулась.

— Нет, — спокойно ответил зонтик, — никогда не встречались.

— Да ты что! — Кошка вытянула шею, задергала хвостом. Она чуть из себя не вылезла. — Ты что! Ты куда же смотришь, когда гуляешь?!

— Ну... — ничуть не смущаясь, принялся объяснять зонтик. — Иногда в небо, иногда в луже свое отражение рассматриваю.

— Вот! — обрадовалась кошка. — Вот, вот. Смотришь в небо. А в небе, голубом-голубом...

— Постой, — перебил ее зонтик, — с чего ты взяла, что небо голубое? Небо серое.

И поскольку кошка совсем онемела от растерянности, продолжал:

— Ну, да. Серое. Совсем как ты.

— Ты?.. — зашипела кошка. — Что такое! — Она аж закашлялась от возмущения. — Что такое говоришь?! Голубое оно! Голубое! Как ты.

Оба помолчали. Раздумывали о чем-то. Потом кошка вздохнула и попыталась начать сначала.

— Так вот, — мягко заговорила она, — в небе живет солнце. Оно знаешь какое?! Оно... Оно такое... Оно... Ну... Светит! — Кошка наклонила голову набок. Она не была уверена, что объяснила понятно. Но кажется, ошиблась. Зонтик все понял. Как мог.

— Ясно, — кивнул он, — теперь я все понял. Только ты неправильно говоришь. Это называется не солнце, это называется фонарь. А точнее, фонари. Их много, — просто и уверенно сказал зонтик. Так уверенно, что кошка смогла только шепотом ахнуть и, пятясь, уйти.

«Странная она, — подумал зонтик, — так все перепутать...» А кошка сидела на своем коврикe и пыталась хоть что-нибудь понять. Может быть, и поняла.

КАК У ЗАЙЧОНКА ЗУБ БОЛЕЛ

Тихо в лесу. Тихо и грустно. Синицы не щебечут, белки не стрекочут, лягушки шепотом квакают. Все расстроены: заболел крохотный зайчонок Ушастик. Зуб болит. Прижался зайчонок щекой к стволу березки и постанывает. Мама зайчиха не знает, как помочь. Главный лесной зубной врач-дятел третий раз прилетает.

— Траву неболейку давали? — задумчиво спрашивает доктор-дятел.

— Давала, — с готовностью отвечает мама.

— Не помогает?

— Нет.

— Пыльцой цветка болезабывайки посыпали?

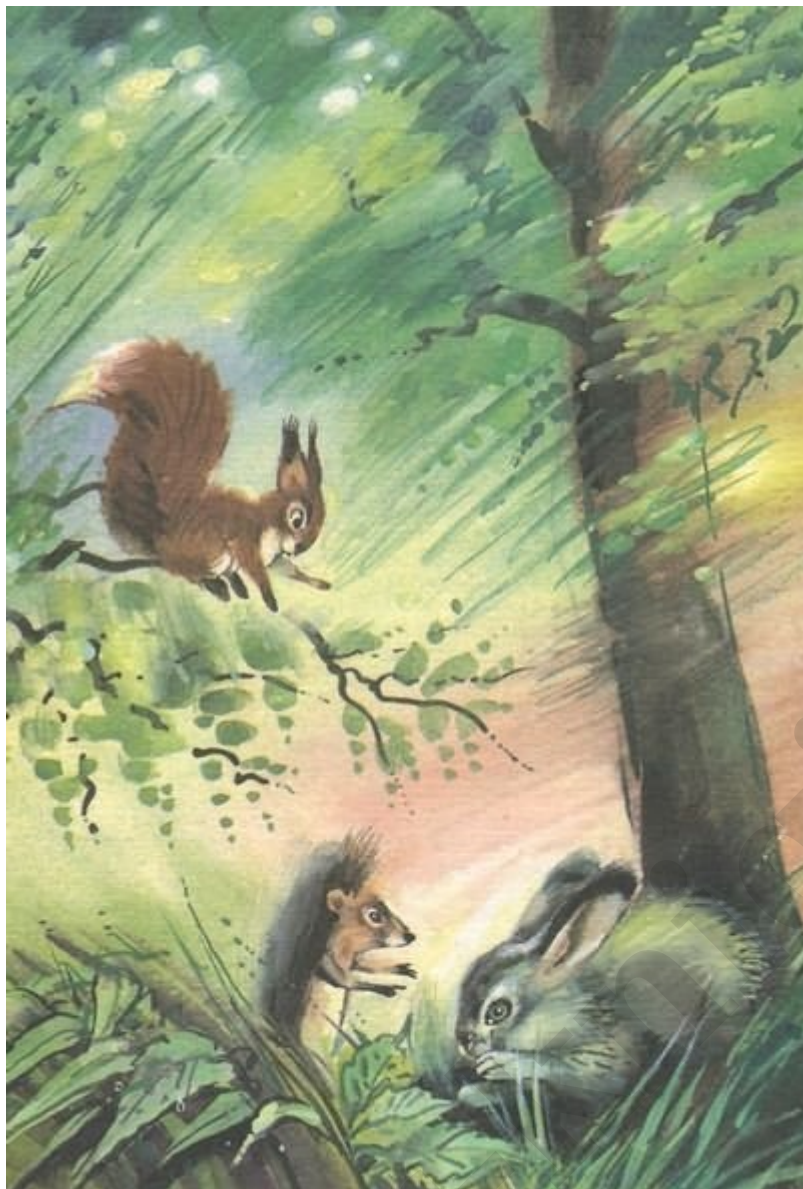
— Конечно, — отвечает мама.

— Не помогает? Зайчиха вздыхает.

— Так-так, — размышляет зубной врач, — шляпку гриба болел-да-перестал прикладывали?

Печально кивает зайчиха.

— Ну что же, — разводит крыльями дятел, — придется собирать всех ученых леса — лечить вашего Ушастика.

Улетел важный доктор разыскивать еще более важных. А друзья маленького Ушастика уж и здесь, давно собрались. Из-за ветки маленькой зеленой елочки выглядывает озабоченная мордочка рыжего бельчонка Прыгалки. Ежонок Ежинка, всегда веселая и озорная, а сейчас печальная, конечно, тоже здесь. Она всегда может придумать тысячу полезных хитростей. Но сейчас... И еле заметный в лесной траве лягушонок Лашка здесь. Он принес Ушастiku желтую-желтую, самую красивую речную кувшинку. Так и сидит с цветком в лапах. Мама зайчиха благодарна зверятам за то, что не оставили друга. Она даже погладила колючую Ежинку.

— Подождем, — говорит, — ребятки, врачей. Может быть, помогут

— Должны! — решительно, пошуршав иголками, заявила Ежинка.

— Помогут, — мягко сказала белка Прыгалка, спрыгнув с елки на пенек.

И вот врачи собрались. Местный врач-дятел разыскал главных знаменитостей: профессоров-филинов, желтоглазого и зеленоглазого, и главного ученого всех наук — летучую мышь. Врачи посоветовались, посоветовались и сказали, что ничем, кроме травы неболейки, пыльцы цветка болезабывайки, шляпки гриба болел-да-перестал, лечить зайчонка нельзя.

Улетели знаменитые врачи, а доктор-дятел сказал, что, раз лекарства не помогают, придется

удалять больной зуб. Как это ни печально.

— Ой-ой-ой! — завизжал маленький Ушастик. — Боюсь, боюсь! Бельчонок Прыгалка, подпрыгивая от волнения на пеньке, предложила обмотать щеку Ушастика своим пушистым теплым хвостиком.

— Нет, нет, — сказал Ушастик, — уже проходит...

Ежонок Ежинка бегала вокруг пеньки и сердилась на врачей:

— Маленькому зайчонку маленький зуб вылечить не могут! Обязательно удалять...

— Мне уже легче, не волнуйся так.

...А интересно, почему это вдруг, ни с того ни с сего, зайчонку легче стало?

Зеленый Лашка, обрывая листочки желтой кувшинки, не мигая смотрел на Ушастика своими выпученными глазками.

— По-лег-че мне, по-ни-ма-ешь? — подмигнул Ушастик. Что-то начал понимать Лашка, подмигнул Ежинке, хитрущая Ежинка тоже стала о чем-то догадываться. Она дернула бельчонок за хвост и повторила очень выразительно:

— Ушастик, лег-че, ты меня по-ни-ма-ешь?

Маленькая белка сразу все поняла, перепрыгнула на елку, потом на другую елкину лапу, потом на верхушку и снова на пенек. Рыжий пушистый хвост так и мелькал.

— Понимаю, понимаю, понимаю, — подпрыгивает на пеньке Прыгалка. — Зуб у Ушастика больше не болит.

А вот и доктор-дятел с инструментами прилетел.

— Ну что, — спрашивает, — как зуб? Если все еще болит, будем удалять. Инструменты готовы.

— Не болит! Нет! Нет! Нет! — завертел головой зайчонок.

— Не болит! Не болит! — зашумели, оглушая дятла и зайчиху, Лашка лягушонок. Прыгалка бельчонок, Ежинка ежонок.

— Не болит, — облегченно вздохнула мама зайчиха. — Спасибо вам, доктор.

— Не болит?.. — удивился дятел. — Интересно, какое же лекарство все-таки помогло?

...А чуть позже зайчонок Ушастик признался своим маленьким друзьям, что зуб у него вовсе и не болел. Просто захотелось вдруг, чтобы его пожалели. Все, все, все. Ведь бывает так?

— Бывает, — согласились зверята.

Скоро, забыв все неприятности, зайчонок, бельчонок, ежонок и лягушонок весело играли в свою лесную игру. Мама зайчиха смотрела на них и улыбалась. А серьезный доктор-дятел сидел на сосне, постукивал клювом и размышлял: «Какое же, ну, какое же лекарство все-таки помогло Ушастик?»

В самом дальнем, самом заросшем уголке сада жили три лягушонка. Когда шел дождь, или налетал ветер, или просто приходила ночь, лягушата просто забирались под старый большой лопух. А днем, когда светило солнышко, лягушата играли в чехарду, салочки и другие игры. Веселые были лягушата. И любопытные.

А потому им очень хотелось узнать, кто живет в красивом кирпичном, с тремя окошками домике, в другом конце сада. И вот однажды, осторожно прячась среди травы, лягушата припрыгали к домику. Возле домика, вокруг круглой клумбы с красивыми цветами по гладкой, посыпанной песком дорожке, прогуливался котенок. Маленький котенок с большим голубым бантом на шее. Рядом с котенком грустно катился совсем маленький, не больше мандарина, мячик. Замечательный мячик: желтый-желтый, с оранжевой полоской посередине.

А грустным мячик был вот почему. Только он хотел чуть-чуть попрыгать, котенок придерживал его лапкой и предупреждал:

— Осторожно! Попадешь в траву — травинка прилипнет. Или:

— Осторожно, попадешь на клумбу — цветы помнешь.

Еще много разных указаний получал мячик. Было это очень скучно. Мячику хотелось попрыгать и по траве, пусть цепляется. И по клумбе — он постарался бы не помять цветы.

Как только лягушата увидели мячик, они забыли обо всем на свете. Ведь такой замечательный, удивительный мячик. Желтый-желтый! Наверное, очень веселый мячик.

Лягушатам так захотелось познакомиться с ним, поиграть, что они один за другим выпрыгнули на дорожку. Сели в ряд перед котенком с мячиком, глаза вытаращили.

Осторожный котенок присел, подкатил мячик к себе, вопросительно посмотрел на лягушат. Лягушата хором квакнули, а потом один из них тихо сказал:

— Какой красивый у тебя мячик! А другой погромче:

— Он веселый? Да?

А третий еще громче:

— Вы играете? Да?

Лягушатам очень хотелось, чтобы котенок предложил им поиграть вместе, но он только потрогал свой бант и сказал:

— Да, красивый. Да, веселый. Да, мы играем.

Лягушата переглянулись, и первый лягушонок робко спросил:

— А ты не думаешь?.. А второй подхватил:

— Что веселее будет...

А третий, набравшись смелости, закончил:

— ...веселее будет играть вместе?

Мячик обрадовался, услышав это. Он тоже считал, что вместе играть веселее. Он уже почти покатился навстречу лягушатам, но котенок придержал его лапкой и покачал головой:

— Не знаю даже. Откуда вы взялись?

— Мы оттуда. — Лягушата махнули головками в сторону заброшенного угла сада.

— Оттуда? — удивился котенок. — Странно... — И он чуть-чуть замялся. — Так вы даже и не домашние?

— Как это? Не домашние? — Теперь уже лягушата удивились.

— Очень просто, — высокомерно объяснил котенок, — не домашние — значит, бездомные, бродячие. Может быть, даже дикие.

Лягушата почти обиделись, очень растерялись, тихо квакнули, а потом затараторили.

— Мы не дикие! — выпалил первый.

— Не бездомные! Не бродячие! — подхватил второй.

— Мы совсем домашние! — поддержал третий.

— У нас чудесный... — Это опять первый.

— У нас замечательный... — Это второй.

— ...самый лучший дом на свете! — Это уже третий лягушонок.

— Интересно... — не понимал котенок (не видел он никакого дома там, куда показывали лягушата), — интересно, что же у вас за дом?

— Лопушок, — хором и очень гордо ответили лягушата, — красивый, теплый лопушок.

— Лопух! — рассмеялся котенок. — Это вы называете домом! Лопух какой-то. Смешно! Вы просто маленькие бродяжки. Дом должен быть кирпичным, как у моих хозяев.

Котенок подтолкнул свой удивительный мячик и важно прошел мимо обиженных лягушат. Мячик нехотя покатился рядом.

— Уходите, — оглянулся котенок, — я с такими не играю. Очень обиделись лягушата. Не так за себя, как за свой дом. Ведь лопушок укрывал их и в дождь, и в жару, и ночью, когда кругом темно и страшно.

— Глупый котенок, — тихо квакнул первый лягушонок.

— Ничего не понимает, — грустно добавил второй.

— А еще в банте! — возмутился третий.

— Не в банте, а с бантом, — поправил его первый. Но это было уже не очень важно. Расстроенные лягушата попрыгали назад в самый дальний, в самый заросший уголок сада, туда, где рос их домик. Тихо сидели они, даже играть не хотелось. Так было обидно.

Вдруг что-то желтое-желтое замелькало среди травы. Так и есть — мячик! Прикатился, запыхался.

— Это я. Сбежал. К вам. Примете?

— Ты? К нам? — Лягушата радостно захлопали пучеглазыми глазами. — К нам? Ты? Насовсем?

— К вам, к вам, — запрыгал мячик, — можно?

— И ты веришь, что наш лопушок замечательный дом?

— Как не верить, — удивился мячик, — как не верить? Ведь вы его любите? Так принимаете?

— Как не принять, раз ты сбежал!

— Раз ты веселый!

— Раз ты к нам сбежал! — перебивали друг друга лягушата. И старый лопух прошелестел что-то одобрительное. А красивый котенок с большущим бантом не мог никак понять: почему его чудесный желтый-желтый с оранжевой полоской мячик сбежал к обыкновенным лягушатам?! Никак не мог понять. Интересно, поймет ли?

ДОЖДИК

Жил-был дождик. Косматый, длинноволосый дождь. Если он сердился, холодные пряди его мокрых волос хлестали людей по лицам, по глазам. До слез. Но люди не обижались, потому что когда дождик был в хорошем настроении, его мягкие, шелковистые волосы ласково касались ваших щек, рук, глаз, что-то шептали. И все-таки дождь был косматым и длинноволосым. И ему это надоело.

— Постригусь, — решил дождик. — Не я первый, не я последний. Отправился к парикмахеру. А парикмахером, конечно, месяц-серп работал.

— Тебя как стричь? — спрашивает месяц. — Покороче или умеренно?

— Давай покороче. Постепенно отращу, если не понравится, — решил дождь.

Отрезал месяц-серп волосы дождика.

Вернулся стриженный дождик в свой город. Пока он бегал к месяцу, ничего хорошего в городе не случилось. Наоборот. Листья на деревьях потускнели, привяли. Цветы на клумбах лепестки опустили — вянут. Люди ходят серые, пыльные, вялые. Засыхают люди. Разволновался дождик.

— Сейчас, — говорит, — сейчас я вас всех быстренько полью, вам легче станет. Оживете сразу.

Люди, цветы, листья обрадовались. Ждут. Смеются. Дождь торопится, распустил волосы-струи, поливает.

— Ну же! — кричат люди.

— Жарко... — плачут цветы.

— Сохнем, — шелестят листья.

— Да что вы, — не понимает дождь. — Я же поливаю. Бьют короткие струи-волосы, но не достают даже до крыши самых высоких домов.

Сухо, все суше на земле. В пыль рассыпаются цветы, шуршат почти мертвые листья, молчат потерявшие веру люди.

— Да что же вы сохнете! — не понимает, сердится дождь. — Я же поливаю.

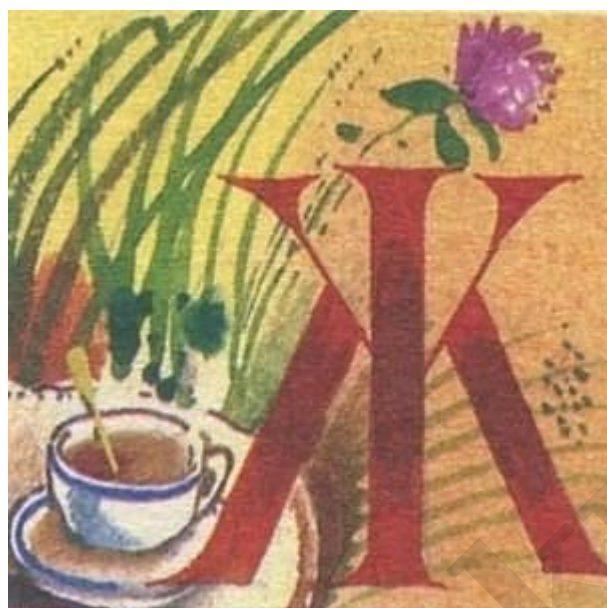
Старается, трясет короткими волосами. Не долетают подстриженные струи до сухой земли.

И тут только понял дождь, что он наделал. Понял, что, пока будут отрастать струи, погибнут цветы, листья, люди...

— Глупый я, беззаботный я, — плакал дождь. Плакал, плакал, плакал... И слезы его упали на землю. Поток слез. И встали цветы — ожили! И весело зашелестели листья — ожили! И вздохнули легко люди — ожили!

А дождику долго еще плакать — пока-то отрастут его волосы-струи.

СКАЗКА О ВЕСЕЛОЙ ПЧЕЛЕ

Жила-была пчела по имени Жужа. Весёлая и добрая пчела. Как все пчёлы, Жужа собирала цветочный сок — нектар, цветочную пыльцу и готовила из них мёд. Жужа очень любила это занятие: разве не весело перелетать от одного цветка к другому, болтать с ними о всякой всячине, а потом готовить сладкий ароматный мёд. Мёд у Жужи получался замечательный. Наверное, самый вкусный и полезный мёд в мире. Однажды в гости к пчеле Жуже прилетела знакомая оса. Жужа очень обрадовалась гостье. Она любила гостей: ведь гости-это весело. А Жужа, как я уже сказала, была очень весёлой пчелой. Жужа, конечно же, хотела угостить подружку своим мёдом. Но к её огорчению, все горшочки оказались пусты.

— Ах, как обидно! Ах, как жаль! Как же так вышло? — смутилась Жужа. И сейчас же вспомнила, что как раз вчера отдала последний мёд знакомой бабочке. Бабочка немного простудилась, а при простуде мёд, как известно, очень полезен.

— Ничего, — грустно сказала оса, которой, честно говоря, очень хотелось отведать замечательного мёда Жужи. — Я же понимаю, простуженной бабочке мёд нужнее.

Но Жужа не могла допустить, чтобы её гостя осталась без мёда!

— Сейчас, — сказала Жужа. — Подожди немного. Я очень быстро приготовлю особенный свежий вкусный мёд.

Она взяла с посудной полки свой волшебный кувшинчик, в который собирала цветочную пыльцу и нектар. Кувшинчик был совсем крошечный, почти невидимый, зато волшебный.

Только у пчёл бывают такие. Взяла Жужа кувшинчик и полетела к цветам.

С весёлым жужжанием покружилась она над густой зелёной травой и опустилась на стебелёк пушистого розового клевера.

— Добрый день, клевер! Не дашь ли ты мне немного нектара для мёда?

— Конечно! — отозвался розовый клевер.

Но в это время Жужа увидела рядом на травинке маленького красного в чёрную крапинку жучка. У него странное имя — божья коровка.

— Жужа, — тихо сказал жучок в крапинку, — мне грустно. Может быть, ты поиграешь со мной?

— Грустно?! — удивилась Жужа. Весёлая пчела не понимала, как может быть грустно в такой хороший день. — Конечно, я поиграю с тобой. Правда, я спешу. Но раз тебе грустно-поиграть просто необходимо. А во что?

— Лучше всего — в считалочки.

— А как это?

— Очень просто, — ответил жучок. — Ты, Жужа, полосатая: полосочка жёлтая, полосочка чёрная; а я — красный в чёрную крапинку. Так?

— Так.

— Ты считай мои крапинки, а я буду считать твои полосочки. Кто быстрее сосчитает, тот выиграл.

Выиграл жучок по имени божья коровка: ведь полосочек у Жужи совсем немного и сосчитать их нетрудно.

— Ну, что? — спросила Жужа, которая, кстати, совсем не расстроилась из-за того, что проиграла: с каждым бывает. — Стало тебе хоть чуть-чуть веселее?

— Конечно!

— Вот и прекрасно! — сказала Жужа и вдруг увидела, что с пушистой шапочки клевера слетает другая пчела.

Другая пчела вежливо поздоровалась с Жужей и жучком и улетела с полным кувшинчиком нектара. А клевер, немного растерявшись, сказал:

— Жужа, ты была занята игрой, и я не знал, нужен ли тебе нектар.

— Ничего, — сказала Жужа, глядя в свой пустой кувшинчик. — Я сейчас быстро слетаю к колокольчику.

Лиловый лесной колокольчик был очень рад встретиться с Жужей.

— У меня сегодня прекрасные пыльца и нектар, — сказал он.

Тут Жужа услышала знакомое стрекотание. Оказывается, под колокольчиком сидел её приятель кузнечик.

— Привет! — сказал он. — Какой хороший день сегодня!

— Правда?

— Замечательный! — согласилась Жужа.

— В такой день хорошо бы поиграть во что-нибудь. Давай? — предложил кузнечик.

— Ой! Что ты! — сказала Жужа. — Меня, понимаешь, ждут. Я спешу.

— Мы немножко поиграем, — уговаривал кузнечик, — только в одну игру. Она называется «хлопушки».

Жужа очень любила играть, а потому просто не могла отказаться.

— Ладно, — сказала она, — давай. Только быстро! Как играть в эту игру?

— Очень просто, — стал объяснять кузнечик. — У тебя есть крылышки. Это ясно всем. У меня тоже есть крылышки. Это ясно не всем, потому что я их прячу. Так вот, мы с тобой должны одновременно хлопнуть крылышками. Кто хлопнет громче — тот выиграл. Понятно?

— Конечно!

— Раз-два-три! Приготовились. Хлопнули! — Крылышки кузнечика жёстче пчелиных, а потому и хлопнул он громче.

— Давай ещё раз, — сказала Жужа. Но и на этот раз она проиграла.

— Ладно, — сказала Жужа, — ничего страшного. Зато я научилась новой игре. Ну, всё-таки мне пора. До свидания, кузнечик!

А в это время из колокольчика вылетела совершенно незнакомая пчела.

— Па-а-асторонись! — пропела пчела и улетела, унося в лапках до краёв полный кувшинчик.

А колокольчик печально покачал головкой:

— Ты сама виновата, Жужа. Играешь и ни о чём не думаешь.

— Точно, — согласилась Жужа. — И что же я такая легкомысленная? — Она зачем-то дунула в свой пустой кувшинчик. — Ну ничего, — добавила она уже весело, — я исправлюсь.

И Жужа полетела к полевому цветку маку.

— Мак, милый, пожалуйста, поскорее дай мне пыльцы и нектара для мёда. Меня подружка заждалась.

— Пош-ш-шалуйста, — тихо прошелестели шелковистые лепестки мака.

Но неожиданно послышалось громкое весёлое жужжание, и прилетел большущий золотистый жук.

— Жужа, Жужа, — жужжал золотистый жук. — С днём рождения, Жужа!

— Что? — удивилась Жужа. — Мой день рождения совсем не сегодня.

— Это ничего, — ещё веселее жужжал жук. — Когда-нибудь будет твой день рождения! А сегодня-мой! Я тебя поздравляю с моим днём рождения!

— А-а-а! Понятно! Спасибо! — ответила Жужа. — Я тебя тоже поздравляю. Только я очень спешу.

— Нет, ты не спеши, пожалуйста! Я очень хочу поиграть с тобой в мою любимую игру. «Жужжалки» она называется.

— Что ты?! Что ты?! — Жужа чуть не уронила свой кувшинчик. — Я никак не могу! Меня ждут.

— Как же так? — возмутился золотистый жук. — Во-первых, я тоже тебя жду. Во-вторых, все знают, что ты больше всего на свете любишь играть. В-третьих, у меня сегодня день рождения

и мне ни в чём нельзя отказывать.

Золотистый жук был прав, и, конечно же, Жужа согласилась поиграть. Только чуть-чуть! Играть в жужжалки оказалось очень просто: жужжать, и всё. Кто жужжит громче и веселее-тот и выигрывает.

Золотистый жук был больше Жужи, поэтому жужжал громче. Зато Жужа, наверное, самая весёлая пчела в мире, жужжала гораздо веселее. Вот и получилась у них ничья.

— Прекрасно, — сказала Жужа, — хоть на этот раз я не проиграла. Ну, всё, дорогой жук! Ещё раз поздравляю. Пока!

Но тут к маку подлетела старенькая бабушка пчела. Все её очень уважали.

— Деточка, — обратилась она к Жуже, — ты не уступишь мне этот прекрасный мак?

— Конечно, бабушка, — тихо ответила Жужа. Она была вежлива.

«Это уже третий цветок, который я потеряла из-за игры, — грустно подумала Жужа. — А ведь меня заждались оса. Ждёт, ждёт... А нет ни меня, ни мёда... Задерживаться больше нельзя».

Виноватая и расстроенная прилетела Жужа домой. Всё честно рассказала подружке осе. Сначала оса тоже огорчилась, а потом вдруг спросила:

— Как называется первая игра?

— Считалочки, — ответила Жужа.

— А вторая?

— Хлопушки, — ответила Жужа.

— А третья?

— Жужжалки, — ответила Жужа.

— Послушай, Жужа, ты принесла мне замечательный подарок, — сказала оса.

— Ты смеёшься надо мной, — чуть не плача, Жужа поставила на полку свой пустой кувшинчик.

— Совсем не смеюсь, — ответила оса, — нисколько. — И добавила: -Каждому, по-моему, ясно, что три хорошие игры-это замечательный подарок!

Жужа подумала и сказала:

— Мёд я приготовлю для тебя завтра же. Ты права: весёлые игры-это так же хорошо, как вкусный мёд. Поиграем? — весело предложила пчела

СКАЗКА ПРО СТАРЫЙ ПЕНЬ

Жил-был пень. Он жил в обыкновенном лесу — среди елок, берез, кленов. Очень старым был пень. Старше всех деревьев. Это был очень даже красивый пень: с одной стороны — ровный-ровный, с извилистыми годовыми кольцами, а с другой стороны — зубчатый, будто на нем надета резная корона. Вернее, полукорона. Летом пень наряжался в мантию из мягкого зеленого волокнистого мха. А зимой надевал роскошную пушистую снежную шубу.

Когда-то пень был деревом. Каким же деревом был старый пень? Могучим ли дубом? Мудрой ли елью? Очень захотелось узнать об этом одной любопытной синице.

— Дедушка пень! — прочирикала она. — Скажите, пожалуйста, кем вы были в молодости?

— В молодости... — заскрипел старый пень, — в молодости, говоришь... И захотелось ему сказать что-нибудь такое необыкновенное, чтобы все заохали. Удивить всех захотелось. Бывает такое...

— В молодости я был, знаешь кем, я был просто... Пальмой.

— Ой, пальмой! Ой, неужели? — всполошилась синица.

— Да, а что такого? — заважничал старый пень. — Я был высокой, стройной пальмой. У меня был гладкий ствол, а на верхушке росли огромные листья и большущие орехи.

— Ой, что вы говорите?! Ой, как это необыкновенно! — заверещала синица. — Так необыкновенно... Так необыкновенно, что...

— Что, — перебил пень, — не веришь?

— Как не верить, дедушка пень! Просто один знакомый скворец рассказывал мне, что пальмы живут только далеко на юге. Там, где зимуют птицы.

— Точно, точно, точно. — Это затараторила пробежавшая мимо белка. — Я тоже слышала, что пальма в нашем лесу — это все равно что... Все равно что... все равно что колокольчик на Северном полюсе. Да, да! — Белка прыгнула на соседнее дерево и убежала.

— Вот видите, дедушка пень, — подхватила синица, — пальмой вы все-таки, наверное, быть не могли.

— Да, наверное, не мог, — смущенно заскрипел пенёк, — знаешь, синица, я не помню, каким был деревом.

— Забыли?!

— Забыл... — обманул пенёк синицу.

— Ой, как же так можно? Но как же так? — не понимала синица. Пенёк только смущенно скрипел и кутался в свои роскошные одежды.

— Дедушка пенёк! Я вот что придумала, — затараторила синица, — я слетаю к старому дятлу. Он триста лет в нашем лесу живет, все знает, всех помнит. Он наверняка вспомнит, каким деревом вы были.

Вспорхнула птица-синица. А пенёк загоревал, ведь знал он, помнил, что не был никакой пальмой, а был обыкновенным кленом. Высоким, развесистым, сильным, но все-таки просто кленом, а не заморской пальмой.

Вернулась любопытная веселая синица, затараторила:

— Дедушка пенёк! Дедушка пенёк! Потрясающая новость, вы, оказывается, были...

— Ах, как стыдно мне, — вздохнул пенёк.

— Стыдно? Не понимаю! Ведь вы были прекрасным кленом!

— В том-то и дело, — оправдывался старый пенёк, — кленом, а не пальмой необыкновенной.

— Вот в чем дело... — растерялась и рассердилась веселая птица-синица, — вы не любите наш лес.

— Это почему же? — возмутился пенёк.

— Потому что почти половина деревьев в нашем лесу клены! А вы! А вы! А вы! Ух! Ух! — совсем раскипятилась синица и улетела.

А старый пенёк задумался. И долго о чем-то думал. О чем? О чем-то, что не сразу понял он, старик мудрый, и что было ясно веселой и даже не очень серьезной птице-синице.

Так о чем же думал старый красивый пенёк?

ОЧЕНЬ СТРАШНАЯ ИСТОРИЯ

Конечно же, все знают, что обыкновенные ласковые кошки и грозные полосатые тигры — родственники, хоть и дальние. Конечно же, всем известно, что тигры охотятся темной ночью. Поэтому их родственники кошки решили, что им тоже нужно по ночам охотиться.

На кого? На вредных мышей. Правда, мышей осталось так мало, так мало! Ну совсем не осталось. Сбежали мыши из наших чистых домов.

Мышей нет, но есть у кошек древняя привычка: поступать так, как дальние грозные родственники тигры — охотиться темными ночами.

Все об этом знали. Не знал только крохотный котенок Тимошка. Очень уж маленький. Не знал, а потому ночью спал спокойно-преспокойно, и не снилась ему никакая добыча.

Но однажды взрослый соседский кот объяснил Тимошке, что всякий уважающий себя кот ночью непременно должен охотиться.

— Ты не знал?! Не охотился?! Ах, малыш. — Кот укоризненно покачал головой.

— Ой, как стыдно! — смутился котенок. — И интересно... Ведь охотиться, как тигр, наверное, очень интересно...

Тимошка еле дождался ночи. Когда все в доме уснули, он тихонько встал со своего коврика и отправился на охоту.

Страшновато... Комнаты темные... Вещи на себя не похожи. Не стулья будто, а деревья. Не кресла, а кусты неизвестные. Не стол, не шкаф, а горы высоченные. Котенок-то ведь маленький, поэтому и казалось ему в темноте все таким большим и страшным.

А вот в этой пустой комнате, кажется, светлее. Только свет странный какой-то. То есть, то будто тускнеет. И качается свет.

Тимошка вытянул шею и заглянул в комнату, где жил страшный свет.

Оказывается, свет жил совсем не в комнате, а на улице за окном. Просто-напросто за окном горел фонарь и, качаясь на ветру, освещал пустую комнату.

— И вовсе не страшно, — успокаивал себя Тимошка. — Обыкновенный фонарь, и ничего

особенного.

Он решил, что будет охотиться в этой комнате: все-таки светлее, виднее, что поймается. Котенок собрался в пружинку и задумался: куда бы прыгнуть? Кто-то спрятался за ножкой стула. Может быть, это и мячик, а может быть, какой-нибудь неизвестный зверь.

Пока котенок раздумывал, на кого бы напасть, он краешком глаза такое увидел, такое... На стене, той, что напротив окна, покачивалась огромная ветка.

— Ой! — Тимошка удивленно присел. — Это что же такое? Днем не было, а сейчас есть.

Тимошка оглянулся и увидел за окном точно такую же ветку, а за веткой фонарь. Покачивается фонарь, и точно так же качается ветка на стене.

«Вот так чудеса, — подумал котенок, — днем одна ветка, а ночью две почему-то».

Тимошка так заинтересовался этой странностью, что и думать об охоте забыл.

Та ветка, что на стене, странная какая-то: будто не настоящая. Котенок медленно подошел к ветке на стене, посмотрел на нее снизу вверх, поморгал зелеными глазами и спросил:

— А ты, то есть вы, вы кто?

— Тень, — раздался тихий ответ.

— Тень? Ее? — Тимошка кивнул на ветку за окном. — А днем? Днем вы где были?

— Днем меня не было, — отозвалась тень.

— Почему? — удивился котенок.

— Днем не светит фонарь. Без фонаря меня быть не может, — тихо-тихо ответила тень.

— Вот странно. Я без фонаря есть. И днем. И ночью. И всегда. А вы, вернее, вас нет. Почему?

— Закон природы, — еле слышно отозвалась тень.

— А-а-а, — протянул Тимошка. — А почему вы такая... тихая?

— Потому что я тень.

Раскачивался фонарь, качался свет в комнате, покачивалась тень на стене. А котенку Тимошке стало как-то странно рядом с этой тихой, вежливой, такой спокойной тенью. Как-то холодно, грустно, одиноко стало Тимошке. Почему? Ведь тень его ничем не обидела. Но котенок быстро попятился и захлопал зелеными глазами.

— Извините! Всего доброго! До свидания! Простите за беспокойство! — выпалил Тимошка и выскочил из комнаты, где на стене все так же спокойно, ни на что не обращая внимания, качалась тень.

Котенок решил, что, во-первых, он еще, наверное, слишком маленький для того, чтобы охотиться ночью, как тигр; во-вторых, попробуй найди на кого охотиться; а главное, если уж все-таки придется, он лучше будет охотиться в самой темной комнате, чем в этой, где на стене живет тихая тень.

Почему? Котенок Тимошка не мог объяснить. Он только чувствовал, что рядом с тенью ему было холодно и грустно.

Утром взрослый соседский кот спросил Тимошку:

— Ну, как поохотился, малыш?

— Ой... — зажмурился котенок.

— Что такое? Тебя кто-то напугал?

— Да! — смущенно кивнул Тимошка.

— Как же так?! Ведь мы, коты, родственники, пусть даже дальние, грозных тигров! Не стыдно ли тебе бояться кого-то?

— Не стыдно, — твердо ответил котенок, — я такое видел, такое... Даже самый сильный тигр испугался бы.

— Что же ты видел?

— Тень.

— Что?

— Тень.

— Разве тень может испугать?

— Еще как может. — Грустными были зеленые глаза котенка.

— Она похожа на собаку? — озадаченно спросил взрослый кот.

— Нет.

— На дворника?

— Нет.

— На злющую ворону?

— Да нет же. Совсем не важно, на кого она похожа. — Тимошка смутился еще больше.

— Так почему же ты испугался ее? Какая она?

— Понимаете... Дело в том, что она... она... она очень... никакая. Вы — такой. Я — другой. А она — никакая. То есть она, то нет ее. Разве не страшно?

Взрослый кот серьезно посмотрел на маленького котенка.

— Может быть, ты и прав, — сказал он задумчиво.

СКАЗКА О ДВУХ СНАХ

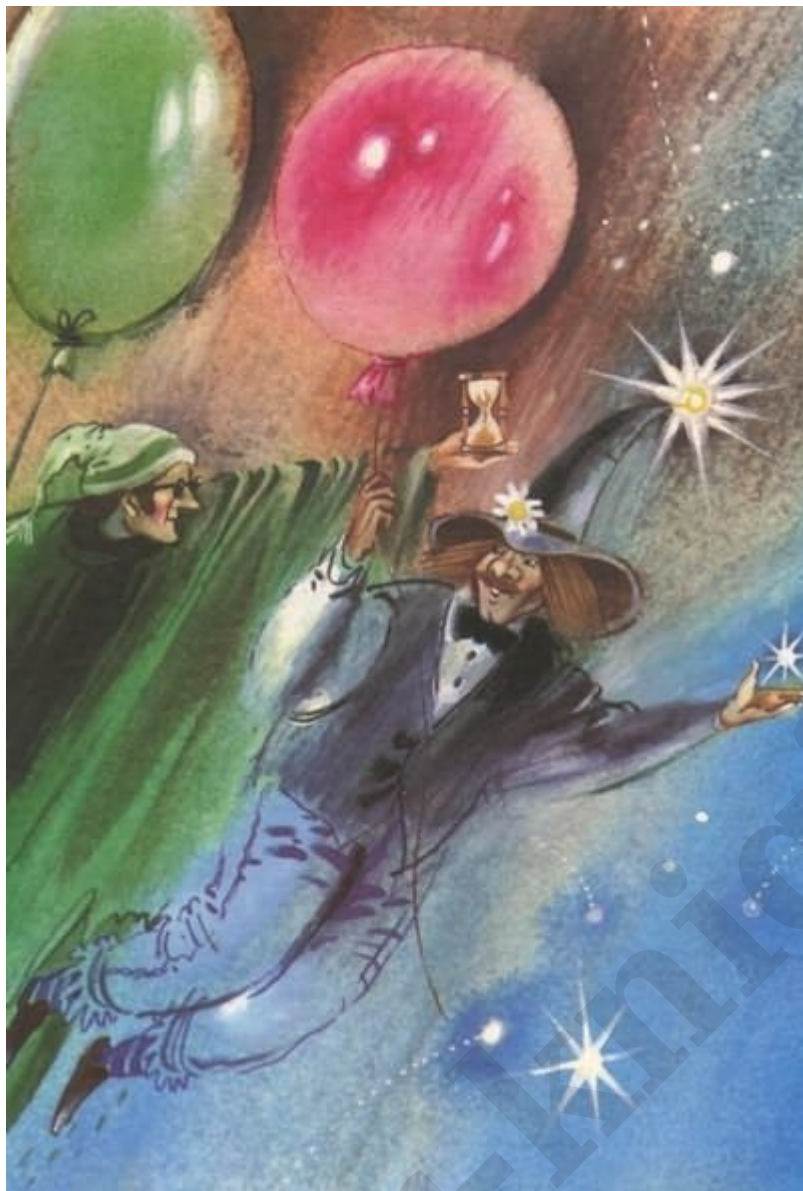

Жил-был сон. Добрый, веселый, разноцветный. Когда наплывала ночь, приходило время спать, сон забирался под подушки к маленьким и взрослым. И не только к ним. Сон проскальзывал под подстилки к ласковым кошкам и даже самым сердитым собакам. Заберется сон под подушку или подстилку и начинает рассказывать разные интересные приятные истории.

Добрый сон знал множество забавных сказок и историй. Например, мамам сон рассказывал о том, что их дочери получали пятерки по рисованию, или о том, что пирожки в последнее воскресенье очень удались.

Девочкам сон дарил сказку о том, что все на свете воробьи и вороны превратились в прекрасных жар-птиц. Это было слишком ярко, но очень красиво. Веселым котяткам добрый сон напоминал о том, как весело играть с бумажным бантиком, а щенятам — о вкусной косточке.

Просто невозможно вспомнить все, что знал добрый сон. Добрый сон рассказывал о заснеженных сказочных зимних деревьях, о зеленой-презеленой летней траве, о ледяных сосульках, о красной землянике, а еще о веселых играх и красивых куклах.

Добрый сон, наверное, потому и был добрым и веселым, что постоянно рассказывал о приятных вещах.

Ночью все спят, а потому забот у доброго сна хватало: одному успел присниться, другому, здесь успей, там не опоздай.

А если опоздает добрый сон? Тогда — беда: его опередит сон злой. Злой, грустный сон не рассказывал веселых, добрых сказок. Все его истории были печальными или даже страшноватыми.

Например, про бабу-ягу, или про ангину, или про то, как поссорились лучшие друзья. После такого сна обязательно болит голова, плакать хочется. Потому добрый сон всегда старался прошмыгнуть под подушку раньше злого. Добрый сон всегда старался защитить нас от сна злого.

Но как ни торопился добрый сон, не каждый раз удавалось ему уберечь всех от сна злого. И тогда вот что придумал добрый сон.

— Я поговорю со злым сном. Я попрошу его не рассказывать никому своих страшных, печальных сказок, — решил добрый сон.

И вот в стране Сказок, у волшебного озера, возле елки смешинок и грустинок, встретились два сна — добрый и злой. Поговорить встретились.

— Послушай, злой сон! Зачем ты злой? Ты что молчишь? Ответь, злой сон.

А он молчит.

— Ты злишься и потому рассказываешь грустные и страшные сказки? А он молчит. И вздыхает.

— Ты что молчишь? — удивляется добрый сон. — И что вздыхаешь? А? А он вздыхает грустно-грустно.

— Послушай! — спохватился добрый сон. — Может, ты вовсе не злой? Может, ты просто грустный оттого, что не знаешь ни одной доброй сказки?

Снова вздохнул сон, тот, что то ли злой, то ли грустный. Вздохнул, но на этот раз будто с облегчением.

— Добрый сон! — сказал он. — Ах, добрый сон! Мне так грустно-прегрустно... Я очень не хочу быть злым. Но дело в том... В том дело. Я думаю, ты не поверишь, но я правда не знаю ни одной доброй сказки. Потому и рассказываю злые. Ведь я же сон, мне положено что-нибудь рассказывать.

— Неужели?! Неужели ты не знаешь ни одной доброй сказки?! Ведь их так много.

— Не знаю... Ни одной...

— Как же это вышло так, бедный грустный сон?

— Не помню...

— Что же мне с тобой делать? — совсем растерялся добрый сон.

— Не знаю...

В это время волшебная елка, под которой разговаривали сны, елка смешинок и грустинок, зашуршала своими иголками-хвоинками. Сны прислушались. Тогда елка уронила одну иголочку, потом еще одну, потом еще, и еще, и еще... Падали зеленые иголки и превращались в яркие разноцветные листы с веселыми картинками. Листочки легли один на Другой, а две последние упавшие елкины иголки превратились в замечательную зеленую обложку, и получилась книжка «ДОБРЫЕ СКАЗКИ» — вот что было написано на обложке.

— Елка! — обрадовался добрый сон. — Милая елка, ты замечательно придумала. Пусть грустный сон читает добрые сказки, тогда он перестанет быть злым. Перестанешь?

— Перестану, — согласился второй сон. С тех пор, перед тем как присниться кому-нибудь, он читает одну из добрых сказок. Прочитал уже почти всю книжку.

Некоторые сказки знает наизусть и рассказывает по многу раз. Но иногда, по старой, злой привычке, он забывается и рассказывает печальные сказки. Реже, все реже и реже так получается. Ведь он уже не злой, а наполовину добрый. Не грустный, а наполовину веселый.

Скоро сон дочитает подаренную волшебной елкой книжку добрых сказок и станет обыкновенным добрым, веселым сном.

Подождем.

ЧТО ТАКОЕ ЗИМА

В домике на краю деревни жили дедушка и котенок. Но это не все. Под печкой в доме жила мышка. Дедушка и котенок делали вид, что не знают об этом. Иначе пришлось бы ее прогнать — кто же терпит мышей в доме. А мышка была хорошая: нигде не шныряла, ничего не роняла, только подбирала крошки, что падали с печки.

А еще вместе с дедушкой, котенком и «тайной» мышкой жила красивая птица удод. Правда, оранжево-бело-черный удод жил не в самом доме, а в дупле старого дуба, который рос в поле, совсем рядом. Иногда удод устраивался на ветке дуба, поднимал свой яркий хохолок, расправлял похожий на маленький веер хвост и приветствовал дедушку своей песней: «уду-уду-уду!»

Ещё у дедушки была яблоня. Она росла под окном, и звали ее Агриппина. Так уж дедушка назвал. Почему — не знаю. Назвал, и все. Агриппина приносила вкусные яблоки и вообще была яблоней доброй и умной.

Вот, теперь ты знаешь всех, и я могу сказать, как полагается в сказке: жили-были дедушка с котенком, мышка под печкой, красивая птица удод и яблоня Агриппина. Жили хорошо: солнце светило ярко, трава и листва зеленели, а разноцветных бабочек, с которыми играл котенок, было видимо-невидимо.

Но прошел месяц, другой, третий, четвертый... Котенок подрос, зато дни стали совсем короткими. Солнышко почти не показывалось, а дожди почти не переставали. Грустно стало.

Однажды дедушка погладил котенка и сказал:

— Не грусти, маленький. Скоро зима придет. Ты повеселеешь. Обязательно.

«Зима какая-то... — подумал котенок. — Придет... Она что, у нас жить будет? А поместимся ли мы все? — размышлял он. — Хотя, если она хорошая, можно потесниться. Интересно, какая она — зима эта?»

Дело в том, что котенок родился в теплом месяце мае. Зима ушла давно. Котенок ее не видел.

Потому и не знал, что это за зима такая.

Пока котенок раздумывал, у кого бы спросить о зиме, послышалось знакомое «уду-уду». На ветке дуба сидел удод. Котенок подбежал к дереву, забрался на крепкую нижнюю ветку и позвал птицу:

— Пожалуйста, — попросил он, — объясни мне одну вещь.

— С удовольствием! — ответил удод. — Спрашивай, пока я не улечу.

— Скажи мне, если знаешь, кто такая зима?

— О-о-о! — Удод гордо поднял яркий хохолок и важно заговорил — Сейчас я тебе все объясню. Во-первых, зима не «кто», а «что». Во-вторых, зима — это теплая страна, куда мы улетаем, когда в наших родных краях становится прохладно. В-третьих, я улетаю в зиму как раз сегодня.

— Вот как? — Котенок удивился. — Неужели зима — это страна?

— Я знаю, что говорю, — почти обиделся удод. — Первый раз я был в зиме несколько лет назад. Тогда похолодало так же, как сейчас. Пошли дожди. Я растерялся, я был маленький, но старшие птицы сказали, что пора собираться в путь, потому что впереди зима, что нас ждет зима. И мы полетели. И прилетели в страну с зелеными пальмами и синим морем. Я понял, что эта жаркая страна называется Зимой. Я понятно объясняю? — спросил удод.

— Спасибо, — ответил котенок, — объясняешь ты понятно, только я совсем запутался. Ты говоришь, что улетаешь в зиму, а дедушка обещает, что зима сама к нам придет. Что-то здесь не так. Попробую спросить у Агриппины.

— Воля твоя. — Удод гордо вскинул яркий хохолок.

Котенок вприпрыжку примчался к Агриппине. Яблоня была занята: она протягивала дедушке свои ветки, чтобы ему было удобнее снимать тяжелые, ароматные, ярко-желтые яблоки. Наконец дедушка собрал полную корзину и ушел. Котенок подкрался к Агриппине, потянулся передними лапками вверх по ее кряжистому стволу и промурлыкал:

— Ой, Агриппина, я, оказывается, совсем не так уж много знаю. Может быть, ты согласишься объяснить мне кое-что?

— Конечно, малыш, — прошелестела яблоня.

— Скажи, пожалуйста, кто такая, вернее... — запнулся котенок, — что такое зима?

— Зима, — мягко поправила яблоня Агриппина, — как раз не «что», а «кто». Потому что зима — это прекрасная волшебница. Она скоро придет. Она всегда приходит после этих долгих дождей. Волшебница зима набрасывает на деревья и кусты чудесные белые шали. В первое мгновение белые шали кажутся очень холодными, но потом согреваешься... И постепенно засыпаешь. Спишь долго и видишь добрые сны. А когда просыпаешься, белого наряда уже нет. Зато чувствуешь себя отдохнувшей, сильной, знаешь, что цветы твои будут красивы, листва свежа, а плоды вкусны. Но зима в это время где-то далеко... Ты понял, малыш?

— Понял-то я понял. — Котенок помолчал. — Но то, о чем ты рассказываешь, совсем не похоже на то, что говорил удод.

— А ты спроси кого-нибудь третьего, — посоветовала яблоня Агриппина, — пусть он нас рассудит.

— Точно, — обрадовался котенок. — Спрошу кого-нибудь еще! Спрошу... — он задумался, — мышку: она живет тихо, все слышит, все знает. Наверное, о зиме тоже знает.

И котенок помчался к печке, под которой тайно проживала мышка. Он легонько поцарапал коготками о печку и позвал:

— Мышка!

А мышка не отвечает.

Котенок снова позвал:

— Мышка, мышка! Тогда мышка ответила:

— Да меня здесь вовсе нет. Напрасно зовешь.

— Да, я знаю, — котенок успокаивал мышку, — знаю, что тебя здесь нет, и дедушка знает, и все знают. Ну, выгляни, не бойся! Мне очень нужно что-то у тебя спросить. И все.

— И все? — недоверчиво переспросила мышка.

— И все, — честно подтвердил котенок.

— Ну, ладно. — Мышка высунула остренькую мордочку с глазами-бусинками. — Спрашивай.

— Что ты знаешь о зиме?

— Ах, зима! — Мышка выбежала из-под печки. — Зима — это прекрасно! Зима — это... Это... Это... — Восторженная мышка, забыв о страхе, закрутилась возле самых лап котенка. — Как бы тебе попроще объяснить? Зима — это когда тепло, потому что в печке трещат дрова. А еще зима — это когда соседские девочки и мальчики собираются возле нашей печки и дедушка рассказывает им разные сказки и истории. А я тоже слушаю.

Мышка на секунду замерла, чего-то снова испугалась и, юркнув под печку, пропищала:

— Все! Больше я ничего не знаю.

Котенок зажмурился и тряхнул головой: мышка не только не рассудила удода и Агриппину, а наоборот, все запутала.

...Летели по ветру желтые листья, сидел на крыльце котенок, думал о прекрасной и непонятной зиме. А вот интересно: если бы знал он язык людей и спросил бы у дедушки, какая она — зима? Что бы дедушка ответил? Кто знает...

СТЕКЛЫШКО

Красное стеклышко поблескивало в пыльной траве. В траве возле асфальтированной дорожки через газон большого дома. Это было чудесное красное стеклышко, яркое, веселое, живое. Острые изломы, о которые разбивались солнечные лучи, гладкие стороны — в них, становясь лиловым, отражалось синее небо. Красное стеклышко ловило луч солнца, подбрасывало его, переворачивало, кидало с грани на грань (как с ладони на ладонь) и потом стреляло им изо всех сил в самую неожиданную сторону.

Маленький обыкновенный котенок, как зачарованный, смотрел на стеклышко. Котенок прижался к пыльной траве, чтобы стеклышко его не видело, и старался угадать, куда бросит солнышко этот луч или тот. Угадывал он или ошибался — все равно ему страшно хотелось схватить зайчика, появлявшегося на траве. Сначала котенок стеснялся, а потом подошел к красному стеклышку. Вежливо поздоровался и сказал:

— Я — Котя. Из этого дома. Можно, я буду ловить ваших зайчиков?

— Конечно, Котя. Конечно! Разве ты не знаешь, что вдвоем играть веселее? — ответило стеклышко.

Они долго играли. Конечно, чудесное красное стеклышко немного подыгрывало Коте: ведь оно было взрослым.

Мимо шли люди. Люди, люди — ноги для котенка и стеклышка: туфли, босоножки, — сапоги. Котя и красное стеклышко играли и не заметили, как какие-то красивые, глубоко задумавшиеся туфли задели красное стеклышко, подбросили его. Оно подскочило, подпрыгнуло несколько раз, ударилось об асфальт и рассыпалось, рассыпалось... И вот уже пять, шесть, семь осколков сверкнули на асфальте.

Котя очень удивился такому странному превращению. Котя растерялся, огорчился. Котя чуть не плакал: он не мог найти среди осколков стеклышка, своего приятеля.

— Стеклышко! Стеклышко! — звал Котя. — Вы которое из них?

— Я — осколок! Я не стеклышко... Я осколок. Я не стеклышко. Я осколок. Я осколок, — звенело со всех сторон.

Осколки... Осколки... Осколки... Ну разве так можно?! Разве можно не понимать, что каждый осколок — это стеклышко. Крохотные искры солнца разлетаются от крохотных граней, в

крохотной красной серединке лиловет небо. Осколок — крохотное стеклышко. Пройдет много времени, и еще много времени, и еще много, прежде чем осколок поймет это.

ЛУЖИЦА

Стояла отвратительная погода. Небо было низким, тяжелым, снежным. На асфальте кое-где темнели последние осенние лужи. Возле одной лужицы стоял задумчивый воробей. Взьерошенный и растрепанный. Не от холода. Просто он размышлял так напряженно, что его легкие серые перышки зашевелились. Воробей никак не мог понять, почему те снежинки, что падают на асфальт, ложатся тонким, ровным слоем, а те, что падают в лужу, исчезают.

Почему? Ну, почему? Непонятно. Вот упала снежинка на асфальт: блестит, сверкает, а тонкий белый коврик увеличился на одну звездочку. Вот упала снежинка в лужу: мутное пятнышко, а потом и совсем ничего. Непонятно. Погруженный в свои размышления воробей совершенно не обращал внимания на то, что происходит вокруг. А вокруг были люди, ездили машины, дрались другие воробьи. Но не это главное. Задумавшийся воробей не видел страшного кота. Это был тощий, облезлый, бродячий кот. Кот следил за воробьем из-за колеса ближайшей машины. «Сейчас, — думал кот, — прыжок — и полетят серые перышки».

Он собрался в комок, тугой, как пружина, и прыгнул. А воробей все следил за снежинками и совсем не ждал нападения. Он был так занят, что даже не испугался. Слишком занимали его снежинки. Воробей махнул крылышком, попал коту в глаз и сердито сказал:

— Да не мешайте вы!

Кот опешил. У него даже аппетит пропал. Потирая поцарапанный глаз, он прошипел:

— И ты соображаешь, с кем разговариваешь? Воробей наконец понял, что к чему, и, конечно, сразу испугался. Но виду не подал.

— Соображаю, — сказал он, снизу вверх глядя на кота. А потом снова стал следить за снежинками.

Облезлый кот распушился остатками шерсти. «Ну и ну, — рассерженно подумал он, — что же я не съел его еще?»

Подумал так кот и сел рядом. Что-то мешало ему кинуться на воробья. Вероятно, отчаянная смелость птички. Ведь кот не знал, что воробей не улетает только от страха: забыл, что умеет летать.

— Съем ведь, — как-то нерешительно сказал кот. Воробей обреченно вздохнул. А кот вдруг заинтересовался: что это рассматривает воробей.

— Ты что в лужу уставился? — спросил облезлый кот.

— Рассматриваю, — совсем испуганно чирикнул воробей.

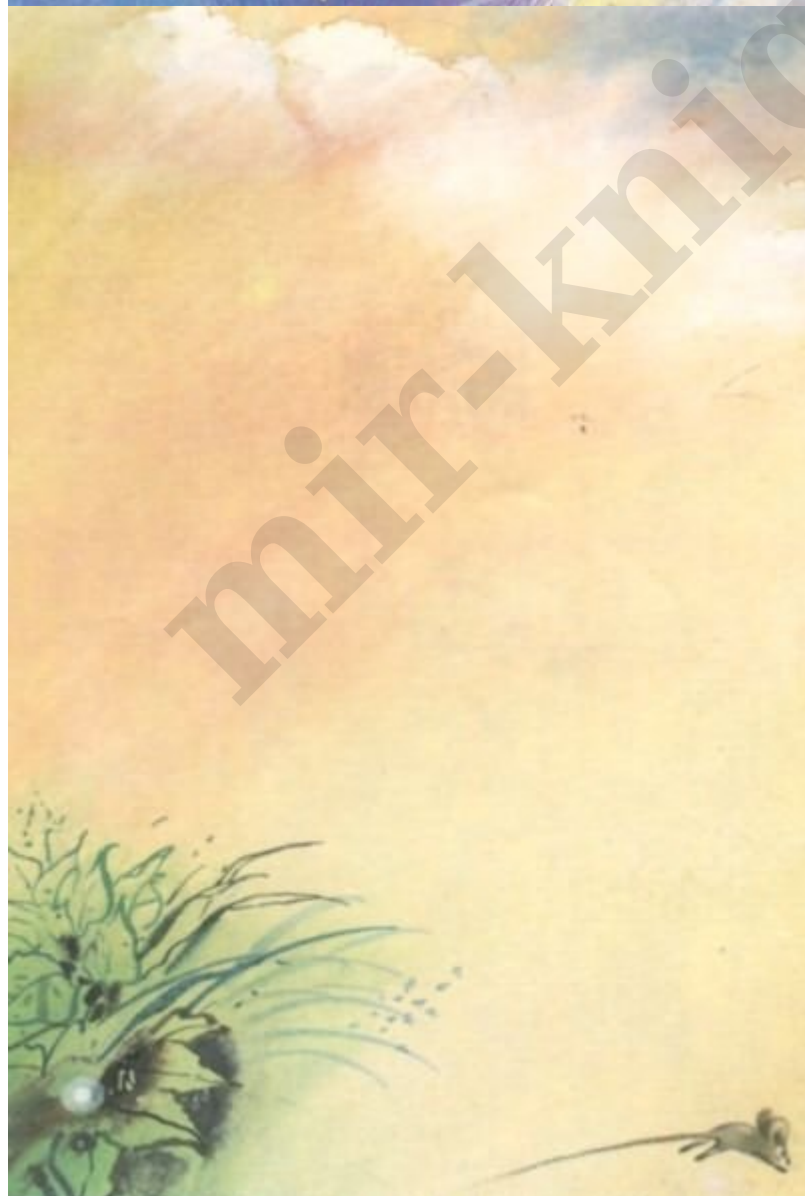
— Лужу, что ли, рассматриваешь?

— Да нет, — и, робко пятясь, воробей сказал — Чудо какое-то получается. Лужа снежинки глотает.

И, испугавшись еще больше, воробей взлетел.

А коту было уже не до воробья. Его заинтересовала история со снежинками. Он сидел возле лужицы и думал, почему так получается. Упала снежинка на асфальт — лежит, сверкает. Упала в лужу и исчезла. Почему же так? Ну, почему? Непонятно.

Какая-то тайна — тайна и творчества великого художника Анатолия Борисова. За четверть века он проиллюстрировал более ста книг. Иллюстрации этого художника отличаются тонким мастерством, проникновенностью в образ произведения, трепетным чувством к тому, что он рисует. А рисует он смело и уверенно. В иллюстрациях художника живет очень личное видение гармонии мира. Рисунки Анатолия Борисова замечательны, богаты деталями, которые любят рассматривать маленькие читатели.

Иллюстрации к этой книге — третья совместная работа художника с Натальей Абрамчиковой. Такая прованская особенность черта в творчестве Анатолия Борисова — быть, не просто иллюстратором, а своеобразным партнером автора, отражая глубокое понимание замысла автора.

Живность — второе качество художника Анатолия Борисова. К ней он старается приобщать лучшие традиции русского и мирового реалистического искусства, искать в нем элементы гротеска, абстракции и провозглашения глубокого знания человеческого бытия.

Произведения Анатолия Борисова находят в читателях России и за рубежом.

